

«Двойной венец»

Эпос и драма латинского Средневековья
в переводах М. Л. Гаспарова

БИБЛИОТЕКА
ARBOR
MUNDI

«Двойной венец»

*Эпос и драма латинского Средневековья
в переводах М. Л. Гаспарова*

Москва
2012

УДК 821
ББК 84(0)4
Д24

Составитель *М.Л. Андреев*

Художник *Михаил Гуров*

ISBN 978-5-7281-1249-5

© Зотова А.М., наследник, 2012
© Андреев М.Л., составление,
вступительная статья, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

Оглавление

<i>М.Л. Андреев</i>	
Несколько слов о Гаспарове-переводчике	7
<i>Геральд</i>	
Вальтарий	19
<i>Хротсвита Гандерсгеймская</i>	
Пафнутий	95
Руодлиб	123
Комедия о трех девушках	223
Действо о Страстях Господних	235
<i>Альбертино Мускато</i>	
Эцеринида	258

М.Л. Андреев
Несколько слов о Гаспарове-переводчике

М.Л. Гаспаров перевел (как и вообще сделал) сверхъестественно много. Переводил тексты художественные и научные, прозу и поэзию, переводил произведения всех эпох — с древности до современности и всех жанров, переводил с греческого, латинского, итальянского, французского, немецкого, английского. Немало написал о переводе и переводчиках: о Маршаке, Брюсове (три статьи), Анненском, Кузмине, Ошерове, Шенгели. Разработал методику анализа точности перевода.

Историю перевода М.Л. Гаспаров описывал как своего рода маятниковое движение между периодами вольности и точности: «XVIII век был эпохой вольного перевода, “склонявшего на русские нравы” и содержание и форму подлинников. Романтизм был эпохой точного перевода, приучавшего читателя к новым, дотоле непривычным образам и формам: таков Жуковский. Реализм XIX века опять стал эпохой вольного, приспособительного перевода — такого, как в курочкинском Беранже. Модернизм начала XX века вернулся к программе точного перевода: не обеднять подлинник применительно к привычкам читателя, а обогащать привычки читателя».

применительно к подлиннику... Наконец, советское время – это реакция на буквализм, спрос на ясность, легкость и традиционные ценности русской культуры, эпоха Маршака»¹.

Вольный (или «творческий») перевод, по мысли Гаспарова, приближает подлинник к читателю, точный перевод приближает читателя к подлиннику: «степень потребности в том и другом меняется от эпохи к эпохе»². Эпохи расширения культуры нуждаются в вольных переводах, эпохи углубления культуры – в точных. Современность – это начало движения вглубь, «на периферии еще не закончилось поверхностное освоение культуры, а в центре уже начались новые и не всем понятные попытки переработки усвоенного»³. Сейчас, следовательно, могут понадобиться и вольные, и точные переводы – выбор за переводчиком.

Выбор Гаспарова, как кажется, был предрешен: и тем, что он был прежде всего ученым, и его пониманием науки как деятельности, в которой заведомо нет места творчеству, и его главными в науке интересами – и в качестве античника, и в качестве стиховеда (многие его переводы вырастали из проработанных для стиховедческих изысканий материалов) он должен был превыше всего ценить точность. Действительно, он первый в то время, когда безоговорочно господствовал «спрос на ясность и легкость», сказал, что «вопрос о буквализме» не решен окончательно, а «требует пересмотра с каждым новым шагом русской культуры»⁴. Он с явной иронией описывал

позицию лидера советской школы творческого перевода («И.А. Кашкин, прекрасный переводчик в практике, придерживался в теории несколько странного взгляда, что переводчик должен переводить не текст произведения, а ту действительность, которая отражается в этом тексте... стало быть, Шенгели совершил грубую ошибку, представив в «Дон Жуане» Суворова таким, каким его изобразил Байрон, а не таким, каким он нам близок и дорог»)⁵. А свой рассказ о пути Брюсова-переводчика от ничем не ограниченной вольности к абсолютному буквализму заключил такими словами: «Переводчики сегодняшнего дня могут найти неожиданно много близкого себе в практике самых ранних, самых вольных брюсовских переводов. А переводчики завтрашнего дня не пройдут мимо поздней буквалистической программы Брюсова»⁶. В этом обращении к переводчикам сегодняшнего дня (вторая половина 1970-х) также, казалось бы, угадывается некоторая ирония.

Однако таким одноплановым выбор Гаспарова не был: он, во всяком случае, не принял со всеми ее крайностями позднюю программу Брюсова, а к переводам, адаптирующим подлинник к вкусам и культурному горизонту сегодняшнего читателя, относился не только без пренебрежения, но как к делу «культурно-полезному». Да и его понимание точности было каким угодно, но только не буквалистически педантским. Охотнее всего он был готов жертвовать формой – пресловутым переводом размером подлинника. Первый

подобный опыт — перевод свободным стихом Пиндара и Вакхилида, опубликованный через три года после сборника избранных переводов Брюсова, — сопровождался таким комментарием: «Каждый перевод жертвует одними приметами подлинника ради сохранения других. Предлагаемый перевод намеренно отказывается от передачи строфического строения од Пиндара и Вакхилида, их сложного метра, изощренного языка, вычурного стиля, стараясь зато передать как можно точнее их образный строй, чувственную окраску понятий, сентенциозную выразительность идей»⁷. Похожими аргументами Гаспаров объяснял впоследствии выбор верлибра для перевода Ариосто («отказываясь от точности метра и рифмы, переводчик получает больше возможности передать точность образов, интонации, стиля произведения»)⁸, а обстоятельства, позволяющие не соблюдать формальную точность, ограничивал двумя крайними случаями: когда форма слишком сложна (как у Пиндара) и когда она слишком традиционна и устойчива (как у Ариосто)⁹.

На этом рубеже вольности Гаспаров, однако, не остановился; более того, даже не считал такой перевод экспериментальным («отказ от точной передачи стихотворной формы ради более точной передачи образов, мыслей и стиля — это обычный случай закона компенсации в структуре поэтического произведения»)¹⁰. Следующий шаг — это сокращение подлинника, устранение риторической амплификации, лишних, с точки зрения личного вкуса переводчика, образов и мо-

тивов. Так Гаспаров переводил не только с других языков (Верхарна и Ренье, которых «смолоду не любил именно за их длинноты»)¹¹, но и с русского на русский — классическую русскую элегию.

Вопрос о том, можно ли считать такие переводы переводами («или нужно говорить о новом произведении по мотивам старого»), Гаспаров оставил открытым. Открытым остается и другой вопрос: как они соотносятся с установленным самим Гаспаровым делением переводов на два разряда — приближающим подлинник к читателю и читателя к подлиннику. Во второй они явно не попадают: Гаспаров вполне определенно заявил, что тот переводчик, который ставит своей целью познакомить читателя с чужим культурным миром, не имеет права не только на сокращение «длиннот», но и на посягательство на размер подлинника¹². Но и в первый разряд они не до конца вписываются: «обеднение» подлинника (предполагаемое данным типом перевода) в этом случае происходит (утрата формы и части содержания), но сопровождается «обогащением» привычек читателя (заложенным в программе точного перевода). «Если бы дело сводилось только к созданию сокращенного, упрощенного и адаптированного к современным вкусам стихотворения... у переводчика не возникло бы надобности ни в архаической лексике, ни в изысканной смысловой строфике и графике, ни в инкрустации силлабо-тонических строк в верлибр»¹³. Даже обращаясь к классике, Гаспаров не ограничи-

вается нейтрализацией формы: в его Пиндаре вольность, по подсчетам Сергея Завьялова, приближается к максимально возможным значениям (52%)¹⁴ и дает о себе знать ощутимым стилистическим сдвигом. В его Ариосто (если судить по опубликованному в «Экспериментальных переводах» отрывку из второй песни) вольность, на-против того, максимально низка (меньше 20%), но экспериментальность сказывается в другом: гаспаровский «Неистовый Роланд» словно разделяет судьбу поэмы о Буово Антонском, попавшей на Русь в XVII в. и ставшей повестью о Бове Королевиче (и вместе с тем демонстрирует, почему такой судьбы у поэмы Ариосто быть не могло).

В сущности, это перевод со стиля на стиль, но далеко не всегда на стиль, выражающий поэтические пристрастия самого переводчика: такое можно сказать о переводах Кавафиса, Йейтса, Гейма, даже Пиндара, но никак не скажешь об Ариосто. Гаспаров здесь близок не к Анненскому (в стиле которого «больше индивидуальности Анненского, чем Еврипида»¹⁵), а скорее к Набокову (в его переводе «Евгения Онегина» Гаспаров узнал размер «Рустема и Зораба» Жуковского¹⁶). Поэтому переводы Гаспарова не столько занимают некое пустующее место в русской поэзии (по словам С. Завьялова, «место высокого модерниста»¹⁷), сколько указывают, почему это место осталось незанятым («задача перевода — не в том, чтобы дать по-русски то, чего не было по-русски, а в том, чтобы показать, почему этого и не мог-

ло быть по-русски»)¹⁸. Одновременно они дают начало встречному движению подлинника и читателя, преодолевая тем самым дихотомию точного и вольного переводов.

* * *

Переводы средневековой латинской поэзии – вторая по величине группа в переводческом наследии М.Л. Гаспарова (первенство здесь принадлежит античности). Он много перевел для двух томов «Памятников средневековой латинской литературы» (третий, подготовленный к печати, так и не вышел в свет) и сделал большинство переводов для тома «Поэзии вагантов». Отбирая его работы для настоящего сборника, мы решили пожертвовать лирикой: в противном случае пришлось бы повторить два вышеназванных издания (первое из которых, к тому же, сейчас переиздается в расширенном виде). Переводы эпоса и драмы разбросаны по различным изданиям и не сразу доступны; в совокупности они дают широкую и почти универсальную панораму средневековой латинской литературы – от первого средневекового «ренессанса», каролингского («Вальтари»), до ближайшего преддверия новой эпохи культуры («Эцеринида»). Это, как и переводы античной литературы, переводы точные, размером подлинника (процент точности, к примеру, в первой сцене «Эцериниды» – 57, процент вольности – 24; и тот и другой показатели близки к предельным значениям). В этой группе переводов, наряду с решением общей для всех переводчиков

средневековой латинской литературы стилистической проблемы (памятники этой литературы воспроизводят, в разной пропорции, и язык античной классики, и язык Библии; для русского читателя второй звучит архаичнее первого, что смещает реальную историческую ретроспективу), Гаспарову приходится решать и иные задачи по комбинации стилей, новые для каждого из произведений: в «Вальтарии» Вергилий соседствует с германским народным эпосом, в «Руодлибе» рыцарская культура — с фольклором, в «Пафнутии» Теренций и Алкуин — с агиографией, в «Действе о Страстиах Господних» Евангелие — с любовной песней, в «Эцериниде» Сенека — с актуальной политической хроникой. В «Комедии о трех девушких» надо было показать, почему эта поэма в Средние века приписывалась Овидию и почему приписывалась неправильно.

Чем определялся столь долгий и устойчивый интерес Гаспарова к средневековой поэзии, сказать затруднительно: медиевистику он никогда не включал в число своих основных специальностей (хотя был автором нескольких блестящих медиевистических работ: статей в «Памятниках средневековой латинской литературы» и в «Поэзии вагантов», статьи о латинских поэтиках, глав о латинской литературе в «Истории всемирной литературы», глав о средневековом стихе в «Очерке истории европейского стиха»). «Действо о Страстиах Господних» и «Комедия о трех девушках» представляют два полюса в творчестве вагантов — поэзию религиозную и поэзию любов-

ную. «Эцериниду» Гаспаров перевел для несостоявшегося третьего тома «Памятников средневековой латинской литературы», и она почти тридцать лет пролежала без движения: опубликовать он ее не пытался (и опубликовал, лишь откликнувшись, с некоторым удивлением, на мою просьбу). «Вальтария» доперевел вслед за М.Е. Грабарь-Пассек — память ее он чтил. Чтил и память Б.И. Ярхо: «Пафнутий» издан вместе с описанием исследования Ярхо о прозе драм Хротсвity, в качестве своего рода иллюстрации к его теоретическим положениям. Кроме того, перевод Хротсвity имел для Гаспарова и стиховедческий интерес — как один из моментов рождения рифмы. Тем не менее остается лишь гадать, почему он решил перевести именно «Пафнутия», а не завершить переводы «Каллимаха» и «Авраама» (очень к «Пафнутию» близкого), фрагменты которых публиковались во втором томе «Памятников средневековой латинской литературы», и почему «Вальтария» дополнил, а «Руодлиба» перевел полностью, хотя и в этом случае имелись отрывки, переведенные Грабарь-Пассек.

В настоящем издании М.Л. Гаспарову принадлежат все вступительные заметки и все переводы, кроме уже оговоренного случая с «Вальтарием»: перевод Грабарь-Пассек отделен от гаспаровского. Этот его перевод публикуется впервые, остальные воспроизводятся по следующим изданиям:

«Пафнутий» — Arbor mundi. 2003. № 10. С. 191—208;

«Руодлиб» — Там же. 2000. № 7. С. 217—274;

«Комедия о трех девушках» — Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975. С. 406–417;

«Действо о Страстих Господних» — Там же. С. 102–123;

«Эцеринида» — Другие Средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 81–97.

Расположение произведений следует исторической хронологии.

¹ Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 128.

² Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 334.

³ Там же. С. 106.

⁴ Гаспаров М. Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сб. 8. М., 1971. С. 113.

⁵ Гаспаров М.Л. Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 211. Ср.: Избранные труды. Т. 2. С. 119.

⁶ Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. С. 128.

⁷ Пиндар. Вакхиллд. Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 389.

⁸ Ариосто Л. Неистовый Роланд. М., 1993. Т. 1. С. 538.

⁹ Гаспаров М.Л. Экспериментальные переводы. СПб., 2003. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12–13.

¹² Там же. С. 9 («Кто захочет переводить любого поэта, видя в нем представителя его эпохи, его культуры,

его традиции — тот, конечно, обязан переводить его размером подлинника»).

- ¹³ Орлицкий Ю. От имени современного вкуса // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 69.
- ¹⁴ Завьялов С. Воздвижение песенного столпа (Пиндар в переводе М.Л. Гаспарова и «бронзовый век» русской поэзии) // Там же. С. 58.
- ¹⁵ Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. С. 141.
- ¹⁶ В письме к Марии-Луизе Ботт: «На самом деле его “Онегин” — это эксперимент не с точностью, а с переложением из одного стиля в другой» (НЛО. 2006. № 77. С. 209).
- ¹⁷ Завьялов С. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁸ Записи и выписки. С. 274.

Геральд Вальтарий

Геральд, автор поэмы «Вальтарий», — лицо, не так давно появившееся на страницах истории средневековой латинской литературы. До сих пор многие ученые сомневаются в его авторстве и считают «Вальтарий» произведением анонимным или даже по привычке называют его автором Эккенхарда Санкт-Галленского, жившего в X в. И это несмотря на то что сама поэма «Вальтарий» известна уже более 100 лет и является одним из самых популярных и широко читаемых памятников средневековой латинской литературы.

Эта слава вполне заслужена поэмой. Трудно найти другое произведение, в котором с такой чистотой соединились бы лучшие стороны и античной, монастырской, книжной, и народной, песенно-эпической, светской культуры раннего Средневековья. По содержанию поэма принадлежит германскому фольклору эпохи переселения народов; по форме она представляет собой имитацию Вергилия и других лучших образцов унаследованной от античности латинской поэзии. Древнегерманская героическая песнь, одетая в вергилианские стихи, — такое сочетание могло бы казаться величайшим художественным диссонансом, и если в «Вальтарию» оно стало редкой гар-

монией, то это лучшее свидетельство большого таланта загадочного автора поэмы.

«Вальтари» («Valtharius») — латинизированная форма германского имени главного героя — Вальтера; под такими же латинизированными именами выступают в поэме и другие персонажи — Хаген (Хаганон), Гунтер (Гунтарий) и пр.; в переводе эта латинизация снята. Аквитанец Вальтер, франк Хаген и бургундка Хильдегунда — знатные молодые люди, выросшие заложниками в плену у гуннов и пользующиеся милостью самого Аттилы. Они задумывают бежать из плена на родину, туда, где правит их сверстник, франкский король Гунтер. Первым бежит Хаген, спустя некоторое время — Вальтер и Хильдегунда, прихватив с собой богатую казну Аттилы. Они благополучно ускользают от погони и переправляются через Рейн во франкскую землю. Но здесь они встречают недобрый прием: Гунтер выходит с дружиной им навстречу и требует выдать гуннские сокровища, если Вальтер хочет быть пропущен в свою Аквитанию. Вальтер возмущенно отказывается; начинается битва. Из 12 подробно описанных единоборств Вальтер выходит победителем. Гунтера сопровождает Хаген, но в бою он не участвует, мучимый противоречием между вассальной верностью королю и дружеской верностью Вальтеру, старому своему товарищу. Лишь когда Вальтер убивает в поединке родного племянника Хагена, Хаген выходит против него на бой. В последней схватке сходятся Вальтер, Хаген и Гунтер, все тяжело ранят друг друга и, не в силах больше сражаться, заключают между собой мир и

дружбу, скрепляя ее вином. Вальтер возвращается в Аквитанию, женится на Хильдегунде и правит славно и счастливо. «Вот о Вальтере песнь. Иисус вам да будет спасеньем!» — заканчивает поэт.

Таким образом, содержание поэмы представляет собой связное однолинейное повествование, развернутое на полторы тысячи стихов; автор с большим искусством регулирует детализацию рассказа, чтобы выделить кульминацию и придать цельность сюжету: около 400 стихов описывают события в гуннском плену, около 200 — побег, около 400 — двенадцатиборство, около 400 — последний бой. Тон повествования спокойный и ровный, ни сказочной наивности, ни риторического пафоса в нем нет; все описания реалистичны, автор заботится о мотивировках (и логических, и психологических — так, любопытно, что Хаген объясняет королю свое выступление заботой о его королевской чести, а Вальтеру — местью за убитого им племянника), а начало и конец поэмы выдерживает в стиле достоверного рассказа об интересном историческом событии.

Источником поэмы была, бесспорно, древнероманская эпическая песня, может быть, в подлиннике, может быть, уже в латинской записи. Другими отголосками этого фольклорного сюжета являются фрагменты англосаксонской поэмы о «Вальтере» (IX в.?) и средневерхненемецкой поэмы XIII в. Были попытки утверждать, что эти версии генеалогически восходят к нашей же латинской поэме, так что первоисточником вальтеровской темы был не фольклор, а индивидуаль-

ный творческий гений нашего автора, но такие утверждения не имели успеха даже в буржуазной науке. При переработке сюжета главным образом автора был, конечно, самый читаемый из латинских поэтов — Вергилий: вергилианские словесные штампы попадаются буквально в каждой строке поэмы, так что местами она кажется настоящим талантливым упражнением в вергилианском стиле («диктаменом», как назывались такие упражнения в средневековых школах). Кроме Вергилия, особенно широко использованы в поэме Стаций (сцены единоборств построены по образцу одного из эпизодов «Фиваиды») и Пруденций.

Во всех ранних рукописях поэмы автор ее назван Геральдом, и открывается она прологом, в котором Геральд подносит свое сочинение «архипре- свитеру Эркамбальду». Но когда в 1838 г. Якоб Гримм впервые наткнулся на рукопись, это оказалася поздний список, в котором пролог был опущен как неинтересный для читателя. Гримму пришлось самому догадываться об авторе поэмы. Он вспомнил, что в «Истории Санкт-Галленского монастыря» аббата Эккехарда IV (XI в.) говорится об одном из его предшественников, аббате Эккехарде I (первая половина X в.), что в ранней молодости он написал латинскую поэму «Вальтер — могучая рука», впоследствии найденную и отредактированную им самим, Эккехардом IV. Гримм решил, что перед ним — эта самая поэма; и убедительность этого предположения была для него так сильна, что, когда вскоре он же нашел более полную рукопись с ге-

ральдовским прологом, то стал подчинять не гипотезу факту, а факт гипотезе — предположил, что Геральд был не автором, а вдохновителем поэмы — учителем Эккехарда I, предложившим ему тему упражнения, а потом выправившим работу ученика и поднесшим ее церковному сановнику. Эта атрибуция держалась 100 лет; ее популярности немало способствовал исторический роман Шеффеля «Эккехард» (1855), в центре которого романтизированный образ Эккехарда I, поэта и аббата. Лишь к 1930-м годам ученым удалось отрешиться от гриммовского гипноза, прочитать свежими глазами пролог поэмы, вспомнить все хронологические неувязки, вытекающие из гриммовской гипотезы (тот Геральд, который мог быть учителем Эккехарда I, и тот Эркамбальд, который мог быть в X в. адресатом пролога, никак не могли оказаться современниками), вспомнить мелкие реалии, рассеянные по поэме и соответствующие обстановке не X, а IX в. (например, город Мец представляется архиепископским, город Шалон представляется принадлежащим Бургундии и т. п.), и окончательно отвергнуть гипотетическое авторство Эккехарда I. Теперь большинство ученых согласно, что поэма о Вальтере написана около середины IX в. («третье поколение» Каролингского Возрождения) и что автор ее или нам неизвестен (если пролог и поэма принадлежат разным лицам), или носил имя Геральд (если пролог и поэма принадлежат одному лицу). С тем, что о личности и творчестве этого поэта мы не имеем более никаких сведений, пока приходится примириться.

(М.Е.Г.П.)¹

Третья доля земли зовется, братья, Европой.
Много живет в ней племен: названьями, нравами,
бытом,
Речью и верою в Бога они друг от друга отличны.
Есть меж ними народ, заселивший Паннонию
область,
Мы называем его — так привыкли мы — именем
«гуннов».
Смелый этот народ прославлен доблестью ратной;
Власти своей подчинил он не только ближайших
соседей,
Нет, — тех краев он достиг, что лежат на берегах
Океана,
С многими в мирный вступая союз, непокорных
карая.

10 Более тысячи лет, говорят, его длится господство.

Некогда, в давние годы король Аттила там правил;
Жадно стремился всегда освежить он былье победы.
Мощное войско в поход он собрал и двинул
на франков.

Франками правил король Гибихон в палатах
высоких.
Радость была в его доме — родился первый ребенок,
Мальчик; был Гунтером назван (о нем расскажем
мы после).
Голос молвы долетел — а король был робок душою —

¹ Здесь и далее данной аббревиатурой обозначаются фрагменты в переводе М.Е. Грабарь-Пассек.

Будто враги без числа идут на него из-за Истра,
Больше, чем звезд в небесах, чем песка на речном
побережье.

- 20 И не решился король положиться на силу оружья:
Но, совет свой собрав, спросил он, что следует
делать.

Принято было решенье — просить врага о союзе:
Если удастся деснице в деснице вложить, то готовы
Франки заложников дать и дань заплатить по условью.
Лучше этот исход, чем лишиться жизни иль крова,
Чем утратить семью — и жен и отпрысков юных.

Жил той порой при дворе подросток по имени Хаген,
Отпрыск семьи благородной, потомок троянского
рода.

Мог он заложником стать — ведь Гунтер, рожденный
недавно,

- 30 Хрупкую жизнь сохранил бы навряд без забот
материнских.

И порешили тогда немедля к Аттиле отправить
Много богатых даров и посольство с Хагеном юным.
Тотчас же в путь пустились послы и мир заключили.

В это же время в бургундской стране свой скипетр
могучий
Крепко король Херирик держал в бесстрашной
деснице.

Дочь он имел лишь одну — было имя ее Хильдегунда,
Ветвь благородной семьи, блистала она красотою,
После должна была стать наследницей предков
великих,
Многих богатств и дворца, — если б эта ей выпала
доля.

40 С франкским народом союз договором скрепили
авары
И, рубежей их страны не нарушив, отправились
далше.
Против бургундов Аттила пошел, натянувши
поводья,
Следом за ним поскакали начальники конного
войска.
Двигался мерно отряд за отрядом растянутой цепью,
И от удара копыт земля, дрожа, застонала,
И на бряцанье щитов, трепеща, откликнулся воздух.
Лес из железных стволов над равнинами вырос,
сверкая,
Блеску солнца подобный, когда оно, море покинув,
В крайних пределах земли весь мир озаряет сияньем.
50 Гуннов войска перешли Арап и Родан глубокий
И разбрелись по стране, хватая, где можно, добычу.

Был в эту пору король Херирик со двором
в Кабиллоне.
Страж, озирающий окрестность, на башне громко
воскликнул:
«Что за туча вдали? Там пыль густая клубится!
Близится войско врагов! Скорей запирайте ворота!»
Но уже раньше о том, что недавно сделали франки,
Слышал король, и к старейшим советникам так
обратился:
«Если столь мощный народ — ведь мы с ним
сравняться не можем —
Перед паннонцами сдался, откуда ж нам силы
набраться,
60 Чтобы сразиться открыто в защиту родины милой?»

Лучше пускай договор заключат — мы дань им
заплатим;
Дочь у меня лишь одна, но ее за землю родную
Я, не колеблясь, отдаю — пусть послы договор
закрепляют».

В путь пустились послы, при себе не имея оружья.
Все, что велел им король, они точно врагам
передали
И умоляли грабеж запретить. Посланцев Аттила
Принял учтиво — таков у него был обычай —
и молвил:
«Лучше союзы вершить, чем народы втягивать
в битвы:
Мирно гунны хотят управлять, и оружием карают
70 Лишь неохотно, и тех лишь, в ком видят мятежников
ярых.
Пусть придет ваш король и десницу мне вложит
в десницу».
Прибыл к Аттиле король, и бесчисленных гору
сокровищ
Он с собою привез, договор заключил и отправил
Милую дочь на чужбину, отчизны залог
драгоценный.

Этот скрепив договор, о размерах дани условясь,
К западным странам Аттила повел свои мощные
рати.
Алфер в kraю аквитанов владел королевскою
властью.
Был у него (так гласила молва) подросток-наследник,
Вальтером звали его, и юной он цвел красотою.

80 Алфер-король с Херириком давно уж торжественно
клятву
Дали друг другу, что сына и дочь сочетают союзом,
Только лишь срок подойдет, как дети созреют
для брака.
Но докатилась молва, что два покорились народа;
Алфера трепет великий объял, и сердцем он дрогнул:
Не оставалось надежды оружьем добиться победы.
«Стоит ли медлить, — сказал он, — коль в бой
вступить мы не в силах?»
Франков держава пример нам дает, а за ней
и бургунды.
Кто нас посмеет винить, если мы не иначе поступим?
Тотчас послов снаряжу, велю просить о союзе
90 И заложником к гуннам любимого сына отправлю,
Дань им немедля теперь заплатив за грядущие годы».

Что мне еще рассказать? Что решил король,
то исполнил;
И, отовсюду собрав тяжелые груды сокровищ,
Взявши в залог Хильдегунду и Хагена с Вальтером
юным,
Снова к жилищам своим, ликуя, вернулись авары.

В край свой паннонский прия, с торжеством был
принят Аттила.
Юных заложников он окружил благосклонной заботой
И воспитать их велел, как своих. Жене-королеве
Девочку он поручил, а подросткам двоим постоянно
100 Быть при себе приказал, и сам обучал их, играя,
Всем тем искусствам, что после полезны им будут
в сраженьях.

Так возрастили они, с годами крепчая душою;
Спорили силой с бойцами, с учеными — речью
разумной,
Так что из гуннов никто не мог уже с ними
сравняться.

Скоро Аттила обоих поставил вождями над войском.
Честь по заслугам была — ведь где бы война
ни случилась,
Битва, где бились они, кончалась победой блестящей.
И потому с каждым годом любил их владыка все
больше.

Пленница юная тоже росла, и — по воле Господней —

110 Стала мила королеве, любовь ее заслужила.

Строгостью нравов она отличалась, в трудах
прилежаньем.

Было доверено ей храненье дворцовых сокровищ,
Так что казаться могло, будто домом она управляла.
Так добиваться она умела того, что решила.

Умер франкский король Гибихон, а наследник
престола
Гунтер немедля порвал договор с державой
паннонской
И отказался платить обычную дань ежегодно.
Как только вести об этом дошли до Хагена, ночью
Он от гуннов бежал и к царю своему возвратился.

120 Вальтер был на войне — начальником гуннского
войска.

Всюду, где он появлялся, за ним шла следом удача.
Но супруга Аттилы — ее Оспириной звали —
Хагена бегство обдумав, советовать стала владыке:

«Пусть королевская мудрость, молю, блюдет
осторожность,
Чтоб не могли пошатнуться устои нашей державы:
Как бы побега от нас не замыслил любимец твой
Вальтер!

Твердой опорой досель служил он владычеству
гуннов —

Хагена может пример и его побудить к подражанью.
И потому, я прошу, мое предложение обдумай:

130 Только с войны он придет, обратись к нему с речью
такою:

“Вальтер, на службе у нас претерпел трудов ты
немало,

Знай же, что это недаром, что милостью нашей
не будешь

Ты позабыт и что прочих друзей ты всех нам дороже.
Это увидишь ты сам, — слова докажу я делами.

Выбери ныне жену из семей знатнейших паннонских
И не заботься о том, что богатствами ты не владеешь:

Всем я тебя одарю в изобилье, землей и домами —
Тот, чью дочь ты возьмешь, тебя стыдиться

не станет!”

Если поступишь ты так — его навсегда мы удержим».

140 Речь пришлась королю по душе, и совет он обдумал.
Вальтер вернулся; его Аттила призвал и в награду
Выбрать жену предложил. Но Вальтер, уже замышляя
То, что исполнил потом, слова Аттилы прослушав,
Но уговорам его душой не поддавшись, ответил:
«Милость твоя велика, что ты похвалить удостоил
Скромную службу мою; но дела мои слишком
ничтожны —

Я заслужить бы не мог, чтоб взор твой на них
обратился.

Верно служу я тебе, и просьбу мою ты исполни!

Если б по воле владыки себе супругу я выбрал,

150 Я бы предался, конечно, любви и заботам
семейным,

И оттого бы не мог служить королю, как бывало.

Мне бы пришлось дома воздвигать, возделывать
землю,

Я бы не смог находиться всегда пред очами

владыки

И все думы мои посвящать могуществу гуннов.

Тот, кто вкусила наслажденья, потом уже неохотно

Тяжесть трудов переносит — ему они нестерпимы.

Нет мне радости больше, чем быть всегда наготове

Волю, владыка, твою исполнять! и узами брака

Я умоляю меня не вязать и оставить свободным.

160 В поздний ли час ты меня позовешь, хотя бы
и в полночь,

Все веленья твои я всегда охотно исполню.

Так и в бою на войне о жене и о детях забота

Не остановит меня, побудить меня к бегству

не сможет.

Я заклинаю тебя, мой отец, твоей собственной

жизнью,

Славой паннонской страны, досель поражений не
знавшей, —

Не принуждай ты меня зажигать мой свадебный

факел!»

Просьбой такой побежден, уговоры оставил Аттила:
Твердо надеялся он, что Вальтер бежать не захочет.

В эту пору пришли к нему достоверные вести,
170 Будто в одном из племен, недавно еще покоренных,
Вспыхнул снова мятеж, затеян поход против гуннов.
Дело защиты сейчас же поручено Вальтеру было.
Воинов в строй он собрал и каждого строго
проверил,
Дух бойцов ободрил, вдохнул им мужество в сердце,
Их убеждая всегда вспоминать о победах минувших,
Чтоб непокорных смирить, явить обычную доблесть
И до пределов земли устрашить народы чужие.

Вальтер в поход поспешил; за ним устремилась
дружина.
Место, где будет сраженье, он взором окинул; рядами
180 Выстроил войско свое на широких лугах и полянах;
На расстоянье полета копья друг от друга стояли
Обе дружины; и вот раздался воинственный грозный
 клич,
И звуком ужасным рога заревели и трубы,
И полетели туда и сюда, как туча густая,
Дроты с древком из ольхи и из вяза, в игре
соревнуясь,
А наконечники копий сверкали, как молнии
вспышки.
Так, как при северной буре проносятся снежные
хлопья,
Стрелы жестокие мчались, бойцами нацелены метко.
Но наконец истощились и копий и дротов запасы,
190 И обратилась рука к рукояти иного оружья:
Грозно сверкнули мечи, и щиты в высоту поднимая,
С шумом столкнулись отряды, и битва опять
запылала.

Кони сшибались друг с другом, ломая кости
грудные;
Падали наземь бойцы, об выпуклый щит разбиваясь;
Вальтер прорвался вперед и, в гущу сраженья
вмешавшись,
Все он сметал на пути, пред собой пролагая дорогу.
Только враги увидали, что всех он во прах
повергает,

Ужас их охватил, будто смерть сама им явилась.
И куда б ни скакал он, налево или направо,
200 Всадники в бегство пред ним тотчас обратиться
спешили,
Спину щитом прикрывая, коням отпуская поводья.
Вслед за своим полководцем, ему подражая,
дружины
Храбрых паннонцев неслись, все смелее врагов
сокрушая,
Сопротивленье ломая, копьем поражая бегущих.
Так переменчивый жребий войны даровал им
победу,
И с умерщвленных врагов они поснимали оружье.

В полый рог затрубил и в порядке отряды построил
Вождь. Он первый себя украсил листвою победной,
Стал пред дружиной своей и венком увенчался
лавровым;
210 После себя знаменосцев венчал он и всех, кто
сражался.
Так в победных венках они к себе возвратились,
Каждый боец поспешил в свое вернуться жилище,
Вальтер же путь свой направил тотчас во дворец
королевский.

Все, кто жил во дворце, навстречу сбежались, ликуя,
Видя его невредимым, коня под уздцы подхватили,
Чтобы с седла боевого он мог удобней спуститься;
Как закончился бой, удачно ли, — спрашивать стали.
Кратко он им отвечал и, войдя в преддверие дома
(Битвой он был изнурен), направился к спальне

Аттилы.

220 Здесь он застал Хильдегунду — одна она в зале
сидела, —
Обнял ее и, нежный даря поцелуй ей, промолвил:
«Дай поскорее напиться! Устал я, мне дышится
тяжко».
И поспешила она драгоценный кубок наполнить
Чистым вином, и ему подала; крестом осенившись,
Взял он и руку ей сжал; она же застыла в молчанье,
Слова ему не сказала и только в очи смотрела.

Вальтер выпил вино и кубок ей отдал обратно
(Знали и он и она, что с детства помолвлены были)
И обратился к любимой своей с такими словами:
230 «Слишком долго с тобой мы терпим жизнь на
чужбине,
Издавна знаем мы оба, что с детства родители наши,
Между собой сговорясь, нам общий назначили
жребий.
Долго ли будем с тобой мы молчанье хранить
и таиться?»
Дева, однако, подумав, что Вальтер смеется над нею,
Первое время молчала, а после так возразила:
«Вальтер, зачем лицемерно уста твои молвят
неправду,

И говорит твой язык то, что сердце твое отвергаст?
Вижу, что стыдно тебе невесты твоей нареченной».

Вальтер ей отвечал разумной правдивою речью:
240 «Слышать такие слова не хочу я: пойми меня
верно!

Знай, никогда я не стану вести лицемерные речи
Или обманом и ложью тебя смущать и тревожить.
Здесь мы с тобою вдвоем, и никто наши речи не
слышит.

Если бы уверен я был, что ты меня слышать
согласна,
Замысел мой, что давно я храню, ты сберечь бы
сумела?

Я бы поведал тебе все тайны, сокрытые в сердце». И на колени пред ним тогда Хильдегунда упала:
«Я за тобою пойду, куда бы меня ни повел ты:
Все, что прикажешь ты мне, господин мой, исполню
усердно».

(М.Г.)¹

250 Вальтер на это в ответ: «Мне стыдно, что мы на
чужбине!

Часто я вспоминаю покинутый дом мой родимый
И помышляю о том, чтоб отсюда бежать поскорее.
Это я мог бы давно уже сделать, но было мне жалко
Что Хильдегунда одна бы осталась вдали от отчизны». Девушка так отвечала, раскрыв свое чистое сердце:
«Воля твоя — это воля моя: я пылаю о том же.

¹ Здесь и далее данной аббревиатурой обозначаются фрагменты, переведенные М.Л. Гаспаровым.

Пусть господин мой велит — все доброе или

худое

Я из любви к нему рада принять на себя, не

колеблясь».

Вальтер нагнулся и так на ушко промолвил подруге:

260 «Ты ведь недаром поставлена здесь о добре

королевском

Печься; поэтому помни, о чем тебя попрошу я!

Прежде всего ты достанешь мне шлем короля

и кольчугу,

В три заплетенную слоя и с собственным мастера

знаком.

После этого два ларца подбери небольшие

И положи в них как можно побольше паннонских

запястий,

Чтобы с трудом ты могла приподнять их руками

до груди.

Дальше добудь ты мне пары четыре сапог

немудреных,

Столько же пар возьми и себе и в том же ларце их

Спрячь, — и они наполнены будут до самого края.

270 Далее пусть кузнецы изготовят нам тайно кривые

Крючья, — ведь нашей дорожною снедью лишь

птицы да рыбы

Будут, и должен я быть рыболовом и быть

птицеловом.

Все это надобно сделать в теченье одной лишь

недели.

Вот и все, что нам нужно иметь с собой на дорогу!

Дальше послушай о том, как удобней пуститься нам

в бегство.

После того, как солнце взойдет и зайдет семикратно,
Я королю, королеве, сатрапам, вождям и прислуге
Пир устроить веселый хочу на широкую ногу

И постараюсь о том, чтобы все полегли с перепою

280 И ни один бы не мог понимать, что следует делать.

Ты же на этом пиру угощайся вином осторожно,
Пей понемногу, чтоб только унять подступившую

жажду.

Делай все, как обычно, покуда следят за тобою;
А как осилит застольцев всевластие пьяного хмеля,
Тут-то мы с тобою и пустимся прямо на запад!»

Дева запомнила все и исполнила все. Наступает
День, для пира назначенный. Тут, ничего не жалея,
Вальтер своим гостям предложил изобильные яства, —
Роскошь сама посреди стола восседала над пиром!

290 Вот вступает в чертог, увешанный всюду коврами,
Царь; приветив его, герой с возвышенным духом
Прямо ведет его к трону, под сень багреца и виссона.
Царь воссел, усадил двух князей и справа и слева,
А остальных гостей рассадил проворный служитель.
Сто, не менее, мест за столами заполнили гости;
Пробуя блюдо за блюдом, усердствовал каждый

застольник.

Смена яств за сменою яств к столам подавалась,
Лучший сок виноградный кипел в золотящихся
кубках —

Кубки из золота были, а скатерти все из виссона, —
300 Темная Вакхова кровь украшала емкие чаши.

Все приглашало к питью — и вид и вкус угощенья;
Впрочем, Вальтер и сам всех звал и к напиткам

и к яствам.

После того, как голод был утолен, и пустыми
Стали столы, обратился герой к царю, улыбаясь.
Он сказал: «Я прошу, явите высокую милость:
Увеселите себя, и всех допустите к веселью».
Так говоря, он подал царю прекрасную чашу
С тонкой резьбою, изображавшей деяния предков.
Царь ее принял и всю осушил единственным дыханьем,
310 Всем подавая пример, которому следовать должно.
Тотчас туда и сюда забегали кравчие слуги,
Полные чаши гостям поднося и приемля пустые.
Все с поощренья царя и хозяина пьют вперегонку,
Хмель вскипает в сердцах и царит меж пирующих
в доме;
Уж заплетается пьяный язык у самых речистых,
Уж заплетаются ноги у самых могучих героев, —
Так допоздна сумел затянуть возлияния Вакху
Вальтер, так он сумел удержать уходивших
застольцев,
Что, наконец, под гнетом вина и сонливости тяжкой
320 Все в переходах дворца полегли, утомленные, наземь.
Если бы даже теперь положил он под стены горящий
Факел, никто бы не встал, способный понять, что
случилось.

Тут-то Вальтер к себе призывает свою Хильдегунду,
Чтобы она принесла все то, что могла приготовить.
Сам он выводит из стойла коня, победителя скачек, —
«Львом» называли того скакуна за силу и скорость, —
Вот он стоит и грызет пенным ртом удила,
звуконогий!

Сбрую Вальтер надел на коня, взнудздал его должным
Образом, с двух сторон ларцы приторочил с добычей,

- 330 Взял немного еды для дальнего их перехода
И передал Хильдегунде ремень от конской уздечки.
Сам он панцирь надел, для гигантского сделанный
роста,
Шлем опустил на чело, разукрашенный в красные
перья,
Поножи привязал на свои богатырские ноги,
Меч на левом бедре повесил обоюдоострый,
Справа повесил другой, как велит паннонский
обычай, —
Этот однако же меч был остр лишь одной
стороною, —
Щит взял в левую руку, копье взял в правую руку
И ненавистную землю покинул с бьющимся сердцем.
- 340 Женщина шла и вела коня под нелегкою ношней,
Крепко сжимая в руках орешника длинные прутья —
Те, на которых рыбак крепит рыболовные крючья,
Чтобы, польстясь на приманку, рыба крючок
проглотила.
Сам же Вальтер шагал под тяжким грузом оружья
И повсечасно готовый к ответу на битвенный вызов.
Целую ночь они шли, торопясь; когда же настало
Утро, и розовый Феб свой свет показал над
землею, —
Стали они скрываться в лесах, в их темных приютах:
Страх побуждал их, усталых, искать понадежнее
место.
- 350 Сердце неопытной девушки так трепетало от страха,
Что замирало от всякого веяния легкого ветра,
От пролетающей птицы, от шелеста ветки о ветку.
Страх чужбины их гонит, любовь к отчизне торопит;

Села они стороною обходят, сторонятся пашен,
В непроходимых горах находят окольные тропы,
По бездорожной глуши ступают нетвердой стопою.

Между тем весь паннонский люд, и пьяный
и сонный,
Тихо лежал в их дому без движенья до ближнего
полдня.

Но наконец пробудился народ и хозяина ищет,
360 Чтобы воздать благодарной хвалою за
гостеприимство.

Аттила сам из опочивальни выходит устало,
Голову сжавши двумя руками, и Вальтера кличет,
Может быть, с тем, чтоб сказать о своем досадном
похмелье.

Слуги ему отвечают, что сами никак не отыщут
Вальтера; но повелитель на это глядит беспрекожно
И полагает, что Вальтер, наверное, спит еще крепко,
Для несмутимого сна отыскавши укромное место.
Но королева, узнав, что нет во дворце Хильдегунды,
И увидав, что одежды ее не в обычном порядке,
370 Горький крик подняла и так сказала сатрапам:
«О, будь проклята снедь, которую ели вчера мы!
О, будь проклято это вино — в нем наша погибель!
Все, что я говорила царю-господину заране,
В этот сбылось злополучнейший день — как его
пережить нам!»

Нынче рухнул опорный столп всей нашей державы,
Нынче от нас удалились и доблесть и ратная сила, —
Вальтер, светоч Паннонии, скрылся из нашего края,
Взявши вместе с собой Хильдегунду, питомицу
нашу!»

Тут паннонский король, безмерным свирепствуя
гневом,

380 Тотчас в сердце своем сменил благодушье на горе:
Он разорвал на себе одежды от верха до низа,
Скорбные думы его метались то так, то иначе,
И, как дорожный песок, закруженный Эоловой
бурей,

Так волновался король, подавляя заботой заботу,
Так повсечасно менялся душой и лица
выраженьем, —

Все отражая в лице, что было в мятущемся сердце,
Но на словах ничего от гнева сказать не умев.
Целый день он не мог ни к вину прикоснуться,
ни к пище,

Целый день не давал желанного телу покоя;
390 Даже когда наступившая ночь погасила все краски,
Он, хоть на ложе и лег, но очей не сомкнул до
рассвета,
Тщетно пытаясь заснуть то на правом боку, то на
левом.

Словно в самую грудь нас kvозь пораженный
стрелою,
Весь он дрожал и лицо обращал то туда, то обратно,
То подымался и вновь опускался на скорбное ложе.
Не помогало ничто. Он вскочит, он бросится в город,
Снова к постели вернется и снова постель
оставляет, —

Так провел эту Аттила ночь, ни на час не заснуши.

А беглецы между тем в благосклонном молчании
ночи

400 Все поспешали подальше уйти от немилого края.

Только забрезжил рассвет, король собирает
старейшин

И говорит им: «О, если бы кто беглеца мне доставил
Вальтера пленным и связанным, словно дурную
собаку!

Я бы того человека одел в золотые одежды,
Я бы поставил его под бремя наград всевозможных,
Я бы ему все пути заградил горами сокровищ!»
Но не нашелся такой во всем его царстве правитель,
Или же князь, или граф, или рыцарь, иль воин из
пеших,

Кто бы при всем желанье явить свои крепкие силы
410 И, показав свою доблесть, стяжать себе вечную
славу,

А заодно и свою казну наполнить богатством, —
Чтобы осмелился он на Вальтера выйти в оружье
И с обнаженным мечом взглянуть в его гневные очи.
Доблесть Вальтера всем известна: испытано,
скольких

В битве он положил, а сам невредимым остался.
Так король и не смог убедить ни единого мужа
Даже ради наград исполнить его порученье.

(М.Е.Г.П.)

Вальтер в пути находился, как я говорил, только
ночью.

Днем он скрывался в трущобах, в ущельях, поросших
кустами;
420 Ловко приманивал птиц — он знал немало уловок,
Ветки обмазывал kleem, подчас раскалывал прутья.

Если ж ему на пути встречались излучины речек,
Он из водных глубин извлекал добычу удою.
Так, трудов не боясь, он спасался от смерти
голодной.
Но от любовных утех, от сближения с девушкой
юной
В бегстве, на долгом пути воздержал себя доблестный
Вальтер.

Солнце уже описало кругов четырежды десять
С дня, как ушли беглецы от стен столицы
паннонской.

Долг был этот срок, но истек, наконец, — и пред
ними

430 Гладь широкой реки открылась — уж близился вечер.
Это был Рейн, стремивший свой бег к великому
граду —

Звался Ворматией он, — где замок блистал
королевский.

Вальтер нашел переправу и, дав перевозчику
плату —

Рыб, что он раньше поймал, — он в путь поспешил
без задержки.

Новый день наступил, и тьма ночная бежала.
Ложе покинувши, в названный град пошел
перевозчик.

Повар там был королевский, над всеми другими
хозяин.
Рыбу, которую в плату от путника взял перевозчик,
Повар, различной приправой снабдив, приготовив
искусно,

440 Подал на стол королю; и Гунтер сказал

с удивлением:

«Рыб таких никогда во франкских реках не видел я, —
Кажется мне, что они из каких-то краев иноземных.
Молви же мне поскорей, какой человек их

доставил?»

Повар не скрыл от него, что рыб ему дал перевозчик.
Отдал властитель приказ призвать того человека.

Он на вопрос короля, откуда взялись эти рыбы,
Дал, не замедлив, ответ, и все рассказал по порядку.

«Вечером было вчера — я, сидя у берега Рейна,
Путника вдруг увидал: приближался он быстрой
походкой,

450 Весь оружьем сверкая, как будто готовился к битве.

Был, мой владыка, он в медь закован от пят до
маcusки,
Щит тяжелый держал и копье с наконечником
ярким.

Рыцарем был он, как видно: огромную тяжесть
оружья

Нес на себе, но шагал легко он все же и быстро.

Девушка следом за ним, красотой небывалой сияя,
Шла и на каждом шагу ноги его ножкой касалась,

А за собой под уздцы вела коня боевого:

Два ларца на спине он нес, тяжелых, как будто;

Если он, шею подняв, своею встряхивал гривой,

460 Или хотел, побыстрее шагнуть могучим копытом, —

Слышался звон из ларцов, будто золото билось

о камень.

Путник этот тех рыб королевских и дал мне
в уплату».

Речь эту Хаген услышал — он был на пиру
королевском;
Сердцем ликуя, воскликнул, из сердца слова
зазвучали:
«Радуйтесь вместе со мной, я прошу, этой вести
чудесной:
Друг моей юности Вальтер вернулся из гуннского
плена!»

Гунтер напротив, король, безмерно душой
возгордившись,
Громко вскричал, и дружина ему ответила криком:
«Радуйтесь вместе со мной, я велю, ибо выпало
счастье:
470 Много сокровищ отдал Гибихон владыке Востока,
Их Всемогущий теперь возвращает в мое
королевство».
Это сказав, он вскочил и ногою стол опрокинул,
Тотчас коня приказал оседлать и украсить убором,
Выбрал двенадцать мужей он себе из целой дружины,
С телом могучим и с храброй душою, испытанных
в битвах;
Хагену с ними велел он в поход немедленно выйти.
Хаген, старого друга и прежнюю верность
припомнив,
Стал убеждать короля начинанье такое оставить;
Гунтер однако и слушать его не хотел и воскликнул:
480 «Ну же, не медлите, мужи! Мечи на пояс привесьте,
Пусть вашу храбрую грудь покроет чешуйчатый
панцирь!
Столько сокровищ какой-то чужак отнимет
у франков!»

Взяли оружье бойцы — ведь вела их воля владыки, —
Вышли из стен городских, чтоб узнать, где Вальтер
сокрылся:

Думали, верно, они завладеть добычей без боя.
Всячески Хаген старался им путь преградить,
но напрасно, —
Крепко держался за замысел свой король
злополучный.

Доблестный Вальтер меж тем побережье Рейна
покинул,
К цепи он горной пришел — уж тогда ее звали
Вазагом, —

490 Лесом поросшей густым; в берлогах там звери
скрывались,

Часто лаяли псы и рога охотничьи пели.
Там две горы, от других в стороне и близко друг
к другу:

Горная щель между ними лежит, тесна, но
красива, —

Сдвинувшись, скалы ее образуют, не стены
пещеры,

Все же, не раз в ней приют находили разбойничьи
шайки.

Нежной зеленою травой порос уголок этот скрытый.
Вальтер, его чуть завидя, промолвил: «Скорее,
скорее!

Сладко на ложе таком дать покой истомленному
телу!»

Он с того самого дня, как бежал из края аваров,
500 Только порою и мог насладиться сном и дремотой,
Как, на щит опервшись, едва смежая ресницы.

Тяжесть оружия здесь впервые сложивши на землю,
Голову он опустил на колени девушки: «Зорко, —
Молвил, — гляди, Хильдегунда: коль облако пыли
завидишь,

Только рукой меня тронь и сон отгони потихоньку.
Даже если увидишь, что близится сильное войско,
Все же слишком внезапно меня не буди, дорогая!
Вид отсюда широкий, и взор далеко хватает;
Глаз не спуская, гляди, следя за всею округой!»

510 Так он сказал, и мгновенно закрыл свои яркие очи,
В сон долгожданный войдя, наконец, он
предался покою.

Гунтер заметил меж тем следы на прибрежье
песчаном,
Разом пришпорил коня и погнал его быстро
по следу.
Радостный крик испустил он, обманут надеждой
напрасной:
«Эй, поспешите, бойцы! Пешехода мы скоро
догоним:
Он не спасется от нас и украденный клад нам
оставит!»
Хаген, прославленный витязь, ему возражая,
промолвил:
«Только одно скажу я тебе, властитель храбрейший:
Если пришлось бы увидеть тебе, как сражается
Вальтер,
520 Так же, как я это видел не раз в убийственных
схватках,
Ты б не подумал, что сможешь отнять у него
достоянье.

Я же паннонцев видал, как они выступали в походы
Против народов чужих, на севере или на юге;
Всюду, участвуя в битвах, блестал своей доблестью

Вальтер,

Страх внушая врагам и восторг — соратникам
верным.

Кто в поединок вступал с ним, тот скоро в Тартар
спускался.

Верь мне, король мой, прошу! поверь мне, дружина,
я знаю,
Как он владеет щитом, как метко дрот свой кидает!»

Но не послушал его безумьем охваченный Гунтер,
530 Не отступив ни на шаг, вперед он рвался на битву.

Сидя вверху на скале, смотрела кругом Хильдегунда
И увидала, что пыль вдали поднялась; догадалась
О приближение врагов и, тихонько Вальтера тронув,
Сон его прервала. Он спросил, кого она видит?
И, услыхавши ответ, что конница быстрая скакет,
Он, глаза протирая, развеял остатки дремоты,
Мощные члены свои облек доспехом железным,
Снова свой щит приподнял и копье приготовил
к полету.

Сильным ударом меча, размахнувшись, разрезал
он воздух,
540 Несколько дротов метнул, к жестокой битве готовясь.

Девушка, вдруг увидав, что близко уж копья
сверкают,
В ужасе вскрикнула: «Гунны! О горе! Нас гунны
догнали!»

Пала в отчаянье ниц и воскликнула: «Мой
повелитель!
Я умоляю тебя, пусть меч твой мне голову срубит!
Если судьба не велит мне женой твоей стать
нареченной,
То никогда и ни с кем терпеть я сближенья не
стану».

«Как же могу я себя запятнать невинною кровью? —
Вальтер сказал. — Разве мог бы мой меч сражаться
с врагами,
Если б он был беспощаден к моей столь верной
подруге?

550 Пусть никогда не свершится, о чем ты просиши!
Не бойся!

Тот, кто часто меня спасал от опасностей многих,
Сможет, я верю, и ныне врагам нанести пораженье». Тогда он ответил и, вдаль поглядев, сказал

Хильдегунде:
«Это же, знай, не авары, а франки, туманные люди,
Жители здешних краев», — и вдруг он увидел
знакомый
Шлем, что Хаген носил, и воскликнул тогда,
рассмеявшись:
«Хаген с ними едет, мой друг и старый товарищ!»

Это промолвив, он стал, не колеблясь, у входа
в ущелье;
Девушка стала за ним; и сказал он хвастил свое слово:
560 «Здесь, перед этой тесниной, я гордо даю обещанье:
Пусть из франков никто, вернувшись, жене не
расскажет,

Будто из наших сокровищ он взял безнаказанно
долю!»

Но, произнесши такие слова, упал он на землю
И умолял о пощаде за столь надменные речи.
Вставши потом, он зорко вгляделся в соперников
лица:
«Мне из тех, кто пред нами, не страшен никто —
только Хаген:
Знает он, как я сражаться привык, изучил он
со мною
Все искусство войны, хитроумные в битвах уловки.
Если с помощью Божьей искусство мое будет выше,
570 Жизнь я свою сохраню для тебя, для моей
нареченной».

Хаген увидел, что Вальтер стоит меж скал
неприступных;
Гордому Гунтеру он посоветовал быть осторожным:
«Не вызывай, господин мой, на битву этого мужа!
Прежде отправь ты послов, пусть они обо всем
разузнают,
Имя, и род, и страну, где рожден и откуда идет он.
Может быть, он согласится и сам, без пролития
крови,
Клад свой нам передать: все узнаем о нем по ответу.
Ежели подлинно Вальтер пред нами, поступит
разумно
Он, и наверное, сам королю окажет почтенье».

580 Гунтер исполнил совет и отправил послом Камалона —
Был он у франков назначен правителем города
Метта,

Только вчера королю он оттуда доставил подарки
И, задержавшись на день, услышал новые вести.
Быстро помчался посол, подобен восточному ветру,
Поле, скача, пересек и подъехал ко входу в ущелье;
Там он коня придержал и крикнул: «Ты, путник,
скажи мне:
Кто ты, откуда идешь и куда свою держишь дорогу?»
Но на вопросы его и Вальтер ответил вопросом:
«Знать я хотел бы, ты сам меня расспрашивать

вздумал

590 Или тебя кто послал?» Камалон ответил надменно:
«Знай, что Гунтер-король,ластитель здешний
могучий,
Мне как послу поручил узнать обо всем по порядку».

Эти услышав слова, возразил ему Вальтер разумно:
«Право, понять не могу, зачем вам о путнике надо
Все так подробно узнать? Но дать вам ответ не
боюсь я:

Имя Вальтер мое, рожден я в стране аквитанской;
Мальчиком был я, когда мой отец меня к гуннам
отправил;
Там я заложником годы провел, теперь возвращаюсь,
Видеть родную желая страну и родичей милых».

600 Молвил посол: «Мне король такое дал порученье:
Выдай коня нам и оба ларца и девушку тоже!
Если исполнишь приказ, то жизнь тебе он дарует».

Вальтер, однако, отважно ответил такими словами:
«Глупой речи подобной от умных людей не
слыхал я!

Ты как будто сказал, что король или кто бы там
ни был
Мне обещал даровать то, что вовсе ему не
подвластно,
Да и не будет вовек? Что ж он, бог? и разве он
вправе
Жизнь мне дарить? разве взят я им в плен иль
брошен в темницу?

Или сковал за мою спиной он мне руки цепями?
610 Слушай! Ему передай: коль со мною он в битву
не вступит,
(Вижу, железом одет он: как видно, сражаться
задумал),

Сто украшений ему я отдам, сверкающих красным
Золотом, — вот почтенье мое королевскому сану».
Выслушав эти слова, к владыке посол возвратился
И повторил королю и своим и Вальтера речи.

Гунтеру Хаген сказал: «Прими от него украшенья!
Сможешь своим подчиненным раздать ты щедро
подарки, —
Будь же разумен, реши удержать свои руки от
битвы!

Вальтер тебе незнаком и его великкая доблесть.
620 Ночью минувшей увидел я сон зловещий и
страшный:
Если затеем мы бой, то счастья с нами не будет!
Видел я, будто тебе пришлось сразиться с медведем;
Долго схватка тянулась, но вдруг, тебя пересилив,
Ногу тебе оторвал медведь повыше колена.
Я на помошь тебе поспешил и копьем замахнулся —
Он же напал на меня и глаз мне вырвал зубами».

Гунтер надменно воскликнул, услышав Хагена речи:
«Ты подражаешь, как видно, отцу своему — ведь
Гагатий

Сердцем холoden был, вояка трусливый и робкий,
630 Много он слов говорил, но в бой никогда не
стремился».

Хагена гнев охватил справедливый и ярый —
насколько
Может ярость питать подчиненный против владыки.
«Ладно! — сказал он, — решенье теперь — лишь в
вашем оружье:
Вот он пред вами стоит, как хотели вы, — бейтесь
же сами!
Близко от вас он теперь: ведь вы его же не боитесь?
Я здесь конца подожду и не требую доли добычи». ТАК он сказал и поднялся верхом на холм
близлежащий;
Там он спрыгнул с коня и сел, ожидая исхода.

(М.Г.)

После этого Гунтер вот что сказал Камалону:
640 «Встань, ступай и потребуй, чтоб отдали все их
богатство!

Если помедлят они, — я знаю, ты воин отважный:
В битву вступи, срази его в прах и отбей их добычу».

Вышел вперед Камалон, наместник города Метта;
Панцирь сверкал на груди и шлем сверкал
оперенный.

Издали Вальтеру он закричал: «Эй, слушай, приятель!
Франкскому королю отдай свое золото мирно,
Ежели хочешь отсюда уйти живым и здоровым».

Эту услышавши речь, герой помолчал и помедлил,
Чтобы задорный глашатай к нему бы подъехал
поближе.

650 Тот подскакал и воззванье свое произносит
повторно.

Только тогда ему и ответил юноша твердо:
«Молви, докучный: чего тебе надо, чего вымогаешь?
Разве я что-нибудь крал, что Гунтеру должен
вернуть я?

Разве он что-нибудь дал мне взаймы, что стал я
обязан
Взятое прежде воротить под угрозой расправы
с лихвой?

Или какой-то я вред причинил окрестности этой
И за него пред тобою теперь я должен платиться?
Ежели здешний народ так жаден, что не позволяет
Даже проезжему путнику в ваших являться
пределах, —

660 Что ж, откуплю я проезд: готов послать королю я
Двести запястий, и пусть он за это ведет себя мирно».

Ожесточился в ответ Камалон и Вальтеру
крикнул:
«Ты приоткрой лишь ларец — и увидишь, что дашь
и побольше!
Впрочем, пора бы нам кончить уже неуместные речи —
Или отдашь, чего мы хотим, иль поплатишься
кровью».

Так он сказал и щит свой тройной надвинул на
локоть,
Вскинул копье с блестящим концом, потряс его
с силой,
Бросил, — но юный герой, изловчясь, ускользнул от
удара.
Мимо копье пролетело и в землю с размаху вплиося.

670 Вальтер на это «Ну, что ж! — вскричал, — если
хочешь, за дело!»
И не успев этих слов досказать, копье свое бросил.
С левого краю оно пронизало щит Камалона,
Руку, уже достававшую меч, к бедру пригвоздило,
А проколов и бедро, достало до конского бока.
Конь легконогий взъярился, едва лишь почувствовал
рану,
Сбросил с седла седока и его растоптать порывался,
И растоптал бы, не будь помехой вонзенная пика.

Бросил свой щит Камалон, схватился левой рукою
Он за копье, чтобы вырвать его из раненой правой;
680 Это завидев, к нему подбежал прославленный
Вальтер,
Твердой стопою его придавил и меч ему в тело
По рукоятку вонзил и вместе с копьем его вырвал.
Так и витязь и конь погибли одновременно.

Видел эту борьбу родной Камалонов племянник,
Сын его брата, носившего знатное имя Кимона,
А самому меж людей Скарамунд ему было прозванье.
Он зарыдал и в слезах обратился ко всем
предстоящим:

«Я и никто другой обязан продолжить сраженье!
Или паду под мечом, иль отмщу за достойного
друга!»

690 Так он сказал потому, что в этом тесном ущелье
Только один на один могли сражаться герои.

Вылетел вскачь Скарамунд, уже обреченный на
гибель,
Два копья согрясая в руке, заостренных железом;
Видит, что Вальтер стоит, никаким не тревожимый
страхом,
Твердо, как пригвожденный, нимало не трогаясь
с места,
И закричал Скарамунд, скрежеща зубами и вскинув
Конскую гриву на шлеме: «На что ты надеешься,
жалкий?
Я не добра твоего ищу, не казны знаменитой —
Я лишь хочу отомстить за того, кто погублен тобою!»
700 Вальтер в ответ ему: «Что ж! Докажи, что в этом
сраженье
Я зачинщиком был и заслуженно должен погибнуть, —
И коли сможешь, пронзай меня острием
беспощадным».

Договорить не успел он, как вот Скарамунд уж
направил
Прямо в него и мстиул копье, а потом и другое
Тотчас первому вслед. Уклонился от первого
быстрый
Вальтер и крепким щитом отбил, потрясая, второе.
Тут свой отточенный меч Скарамунд вырывает из
ножен

И налетает, спеша прямо в лоб супротивнику
грянуть.

Так, отпустив повода, подскакал он к герою
вплотную,

710 Но не успел нанести удар, который замыслил:
Только по гребню на шлеме задел он, — и шлем
отозвался
Звоном, и от меча огневые посыпались искры.
Но не успел он коня повернуть, чтобы снова
ударить, —

Вальтер нацелил копье пониже его подбородка,
Сшиб со спины скакуна врага, обреченного смерти,
Голову взмахом отсек, не внимая мольбам о пощаде,
И обагрил траву потоками родственной крови.

Только надменный Гунтер увидел такую погибель,
Стал поощрять он к сраженью товарищей, пышущих
гневом:

720 «Бросимся на него, не давая ему передышки:
Он, утомясь, изнеможет, — тогда-то ему и придется
Золото нам отдать и кровью за все поплатиться!»

Третьим скачет вперед Веринхард, к поединку
готовый,
Долгий ряд за собою имеющий доблестных предков.
Был он потомком твоим, и в твоем изошрился
искусстве,
Пандар, пустивший когда-то стрелу по велению бога
В греческий стан, чтобы мир меж троян и ахеян
порушить.
Он не сражался копьем, а ездил с колчаном
и луком, —

Издали он в неравном бою пускал свои стрелы
730 В Вальтера. Вальтер, однако, не дрогнув, стоял,
подставляя
Стрелам круглый свой щит семислойный и с ним
уклоняясь
От поражающих стрел, предвидя летящий удар их.
То он отскакивал в сторону, то поворачивал щит он,
И отбивал им стрелу, и его ни одна не коснулась.

Как увидал Пандарид, что стрелы его истощились,
А супротивник стоит невредим, он в ярости вырвал
Меч из ножен и к врагу подскакал с такими
словами:
«Ты уклонился, хитрец, от ударов, по воздуху
мчащих, —
Но не уйдешь от удара моей занесенной десницы!»
740 Вальтер на этот клик, душой веселясь, отвечает:
«Долго, долго я жду, чтобы сделался бой настоящим
Боем! что ж, поспешишь, а за мною задержки не
будет».
Так он сказал и метнул копье, напрягшись всем
телом.
Прямо в грудь попало копье коню Веринхарда:
Вздыбился раненый конь и бьет копытами
воздух,
Наземь падает всадник, и конь его падает сверху.
Юноша скакет к нему, из рук его меч выбивает,
Шлем срывает, рукой хватает за рыжие кудри
И на мольбы торошлиевые павшего так отвечает:
750 «Больше не будешь такими словами бросаться
на ветер!»
И, отрубив ему голову, труп оставляет на месте.

Не испугали однако три трупа, лежавших
рядом,

Гунтера: вновь он велит чередою идти на погибель.
Скачет четвертым на бой Экефрид, когда-то
рожденный

В дальней саксонской земле и оттуда ушедший
в изгнанье

После того, как убил одного из первейших
саксонцев.

Конь под ним был гнедой в разномастных яблочных
 пятнах.

Вальтера он увидав готового к новому бою,
Крикнул: «Молви сперва, в телесном стоишь ты
обличье,

760 Или же ты принимаешь воздушные ложные виды?
Ибо ты мнишься мне фавном, лесной обитателем
 чащи!»

Вальтер расхохотался и так Экефриду ответил:
«Кельтский язык во рту у тебя выдает твое племя —
 Племя, первое между людей по забавам и щуткам.
 Ты подойди-ка поближе, отведай-ка нашей десницы,
 А уж потом землякам-саксонцам рассказывать

будешь,
Как ты в Возагских горах померялся с призраком
 фавна».

«Что ж, попробуем, кто ты таков!» — Экефрид
 восклицает

И посыпает в полет копье с острием из железа;
770 Воздух оно пронизало и крепким щитом отразилось.
 Вальтер на этот удар ответный удар посыпает —
 «Вот и обратный тебе подарок от фавна лесного!

Сам посмотри, не сильнее ли бьют у призраков
копья!»

Брошенное пробило копье обтянутый кожей
Щит деревянный, и в тело впилось, и в легких
засело.

Наземь скатился с коня Экефрид злополучный
и кровью
Залил траву: так встретил он смерть, уклоняясь
от смерти.

Вальтер коня его взял под уздцы и отвел на лужайку.

Тут в свой черед Хадавард, исполнившись ложной
надежды,

780 Просит у Гунтера права вступить в сраженье пятым.
Он оставляет копье товарищам в верные руки,
В тщетной отваге своей лишь на собственный меч
полагаясь;

А увидав, что долину заполнили мертвые трупы
И между ними коню не пройти, ступая копытом,
Он, соскочивши с коня, идет пешком. При оружье
Вальтер встречает его и хвалит за избранный способ
Честную битву вести. Хадавард к нему так обратился:
«Змей, искушенный в обманах и ловкий во всяком

коварстве,
790 Все суставы привык ты таить под чешуйчатой кожей,
Словно гадюка, свернув в кольцо свое длинное тело,
Ты ускользаешь от стольких ударов, ничуть не
пораняясь,

Наши только смесины для тебя ядовитые стрелы!
Может быть, ты и сейчас исхитришься уйти от удара,
В ближнем бою над тобой занесенного с верным
размахом

Этой моей рукой? она ведь не издали ранит!
Выслушай мой совет, отложи расписанный щит
твой, —
Мне он назначен судьбой, королевское слово —
порука,
Вид его нравится мне, не хочу его портить, сражаясь.
Если же будет иначе и ты лишишь меня жизни, —
800 Много моих товарищей здесь и родичей кровных:
Даже оборотись ты птицей на крыльях пернатых,
Ты не спасешься от них безнаказанно, как ни
старайся».

Славный воитель на это в ответ, без малейшего
страха:
«Об остальном умолчу, но за щит я хочу заступиться:
Я ему давний должник за долгую верную службу —
Он своей грудью не раз меня защищал от ударов
И за меня принимал на себя наносимые раны.
А как сегодня он мне послужил, это видел и сам ты:
Если б не он, не пришлось бы сейчас говорить мне
с тобою.
810 Так пострайся, рука, напрячься всей твоей силой,
Чтобы тебя не лишили враги твоей верной защиты:
Ты же, другая рука, не выпусти щит, пострайся,
Словно приросши, держать слоновую кость рукояти!
Нам не пристало терять добычу, которую столько
Дней и путей мы с собою везли из аварского стана!»

Крикнул в ответ Хадавард: «Не добром, так силой
уступиши!
Ты нам отдашь и щит, и коня, и девицу, и с ними
Золото, а уж потом за дела свои примешь расплату».

С этим возгласом он обнажил свой клинок

знаменитый,

820 И соступились в бою двух дальних краев уроженцы.

Замер горный Возаг от блеска и треска ударов:

Оба отваги полны и оба оружием грозны,

Этот — вверяясь мечу, а тот — с копьем неприступен,

Мерялись силой они в борьбе напряженной

и долгой.

Так не шумит топорами подрубленный лес

темнолистый,

Как загудели щиты под мечом и отклинулись

шлемы.

Франки диву дались, что Вальтер еще не утратил

Сил, не имея ни часа в трудах боевых передышки.

Вормсский боец, понадеясь, что Вальтер устал и

не страшен,

830 Прыгнул вперед и меч свой занес, пылая душою —

Этим ударом надеялся он закончить сраженье.

Зоркий однажде Вальтер копьем нападавшего

встретил

И удержал; а меч из неловкой руки Хадаварда

Вырвался и, просверкав, упал в далекий кустарник.

Тот, увидев себя без верного в битве оружья,

Бросился прочь, пытаясь достичь кустарника

бегством;

Вальтер же, быстрый в беге и пылкий юной душою,

Так, настигая, кричит: «Куда ты? вот тебе щит твой!»

Тотчас хватает копье, двумя руками заносит

840 И ударяет. Упал Хадавард, загремели доспехи;

Юноша бросился к телу, ногой наступает на горло,

Щит разрубает и павшего труп к земле пригвождает.

Выкатил мертвый глаза и в воздух выдохнул душу.

Был шестым Патафрид, рожденный родною
сестрою

Хагена. Хаген, увидев, что тот выступает на битву,
Увещевать его стал, пытаясь умерить в нем ратный
Пыл; говорил он: «Куда ты летишь? подумай о
смерти —

Ждет она! остановись! уже ведь последние нити
Парка твои допрядает. Племянник, ты неразумен —
850 Лучше сдержись! Ты на битву идешь с неравною
силой!»

Но злополучный, спеша, не внимал увещаниям дяди:
Кровь в его жилах кипела и жаждала битвенной
славы.

Хаген сумрачен стал, испустил глубокие вздохи
И произнес такие слова от чистого сердца:
«О мирозданья пучина, людская несытная жадность,
Омут всяческих скаредств и корень всех бед
неисчислемых!

Если бы это жерло пожирало лишь наши богатства
И без вреда отпускало людей! Но нет, ты пожаром
Обуреваешь мужей, проницаешь их злым
дуновением,

860 И не единый из них своим не доволен уделом.
Люди идут на позорную смерть во имя богатства;
Рвутся к чужому добру, кто силой, кто хитрым
лукавством,
И в довершение бед, в довершение слез и стенаний,
Души свои, порожденье небес, они сводят к Эребу.
Так вот и мой от меня ускользает любимый
племянник, —

Ты подстрекнуло его, свирепое корыстолюбье! —
И, ослепленный, торопится он в объятия смерти,

Ради дешевой хвалы готовый спуститься и в Тартар.
Горе мне! что завещаешь сказать своей матери
милой?

870 Кто утешит твою новобрачную, бедный, супругу?
Ты, на поживу польстясь, не оставил ей даже
дитяти!
Что за безумье в тебе! отколь эта праздная ярость!»
Так говорил он, и слезы со щек на грудь упадали;
«Славный племянник, прости!» — он молвил со
слышимым стоном.

Издали Вальтер услышал, как сетует старый
товарищ, —
Скорбный голос его долетал до чуткого слуха.
И потому-то он крикнул, когда подскакал к нему
вityazъ:
«Выслушай добрый совет, достойнейший юноша!
Лучше
Остановись и себя сбереги для иных совершений.
880 Будь осторожен: не дай обмануть себя юному пылу —
Видишь, сколько здесь пало бойцов? Удержись от
сраженья,
Чтоб не умножить числа врагов, поверженных
мною».
Витязь в ответ: «О смерти моей ты, злодей, не
печалься:
Брось свою проповедь, время теперь не болтать,
а сражаться!»
Так говоря, он метнул свою узловатую пику;
Вальтер ее отклонил острием копья боевого,
И отлетела она от ветра и яростной силы
Прямо туда, где сидела девица, и пала к ногам ей.

Девушка вскрикнула громко от страха, как женщины
кличут;

890 А успокоясь немного и в сердце почувствовав силу,
Стала смотреть издалека, он жив или нет, ее Вальтер?

Снова и снова герой убеждал отказаться от боя
Франкского мужа; но тот, исполнившись яростным
гневом,

Меч обнажил, на Вальтера бросился, сверху ударили;
Славный сын Альфера выставил щит, удобный
к защите,

И притаился за ним, как кабан, скрежещущий
в пене.

Враг устремился разить и тело открыл для удара;
Вальтер однако за крепким щитом склонился
телом,

Съежился, скрылся совсем, и вот Патафрид, набегая,
900 Воздух ударом разит, а сам упадает с разбега.

Тут бы ему и конец, — если б Вальтер, вставая
с колена,

Сам не упал и свой меч не накрыл щитом своим
круглым.

Вальтер покуда вставал, Патафрид поднимается тоже,
Быстро себя заслоняет щитом, опасаясь удара,

И собирается вновь затеять сраженье, — но тщетно!

Вальтер, пику оставив в земле, мечом размахнулся,
Грянул в средину щита, расколол его вправо и влево,

Панцирь қольчужный рассек, обнажив его чрево
и потрох;

Пал Патафрид злополучный, свою сам внутренность
видя,

910 Тело — лесному зверю, а душу предавши Аиду.

Клятву дав за павшего мстить, вырываются

Гервиг,

Сильным своим конем перепрыгнувши груду

убитых

Тел, стеснявшую вход в ущелье, где ждал его

Вальтер.

Тот в это время мечом рассекал Патафридову щею.

Гервиг к нему подскакал и дважды в голову

бросил

Свой боевой топор (есть у франков такое оружье).

Вальтер быстро подставил свой щит, и удар

отклонился.

Сам он назад отступил и копье свое верное поднял.

Меч окровавленный свой оставляя лежать на

пружайке

920 Тут-то и было на что посмотреть и исполниться
страхом!

Оба бойца не сказали ни слова средь Марсовых

копий —

Так обращен у обоих был ум на единоборство:

Этот пылает возмездье воздать за товарищей верных,
Тот старается жизнь защитить любою ценою
И, если силы достанет, стяжать награду триумфа;
Этот рвется разить, а тот ускользает искусно;
В каждом слились природная доблесть и прок от
ученья.

Длинным Вальтер копьем держал на большом

отдаленье

Нелруга с меньшим копьем, а тот разъезжая по

KDVT

930 Ждал, что наступит пора обмануть утомленную силу,

Вальтер, все боле и боле томясь нарастающим
гневом,

Гервита в щит ударяет по самому нижнему краю,
Щит и бедро пробивает, копьем достигает до паха.
Рухнул Гервиг с коня, испуская черные крики
И в ожидании смерти стучал по земле сапогами.
Голову Вальтер отсек и безглавое тело оставил
Павшего Гервига — был перед тем он в Вормации
графом.

Тут только начали франки роптать, от борьбы
уклоняясь,

Стали просить короля удержаться от битвы
дальнейшей.

940 Но злополучный король вскричал, ослепляемый
гневом:
«Вы, храбрецы, чье во многих боях испытано сердце,
Вам бы скорее пристало дышать не страхом,
а местью!

Можно ли мне от Возага вернуться с подобным
бесславьем?
Будь я примером для вас! Я решил, что лучше
умру я,

Чем ворочусь в Вормацию после такого позора.
Как? отступить, чтобы враг, невредим, вернулся
в отчизну?

Вы пламенели досель желанием звонкой добычи —
Нынче пора пламенеть желаньем отмстить за
обиду,

Смертью смерть оплатить и кровь такою же кровью:
950 Сладко убийцу друзей умертвить, воздавая
возмездьем!»

Эта безумная речь возбудила у ратников души,
Каждый забыл о себе, о жизни своей и спасенье;
Словно на состязаньях, стараются друг перед другом
Выйти на верную смерть; однако тропа боевая
Лишь двоим один-на-один позволяла сражаться.
Вальтер тем временем, видя, что медлят враги
нападеньем,
Снял свой шлем с головы и повесил на ближнюю
ветку,
Воздухом жадно дыша и пот с лица стирая.

Тут неожиданно мощный Рандольф выезжает на
сечу,
960 Опередив остальных, не давая бойцу передышки.
Вальтеру прямо под грудь тяжелым копьем он
уметил;
И не препятствуй ему кольчуга, что выделал Виланд,
Вальтеру он пропорол бы живот тяжелым ударом.

Вальтер замер сперва от внезапного страха, но после
Тотчас схватился за щит и вернул себе прежнюю
твердость, —
Только шлем не успел он надеть, берясь за оружье.
Франк, пустивши копье, свой меч из ножон
обнажает
И отсекает над теменем два волоска аквитанца,
Даже кожи его не задев, а удариивши выше.
970 Снова заносит он меч, с размаха его опускает,
Прямо в подставленный щит удар необдуманный
рушит;
Сталь застrevает в щите, и всею он силой не
может

Вырвать клинок. Тут Алферов сын, как молния,
быстрый,
Прянул, вышиб врага из седла, повалил его
навзничь,
Встал над ним, пятою на грудь, и громко воскликнул:
«Ты с меня волосы, я с тебя голову — так отомщаю,
Чтобы невесте своей ты не мог обо мне похваляться!»
Так сказав, обезглавил он тело, не внемля моленьям.

Хельмнод вышел девятым на бой. В руке
потрясал он
980 Крепким трезубцем своим, на три бечевы
укрепленным;

Эти три бечевы у него за спиною держали
Тroe товарищей, с тем, чтобы сразу, как только
трезубец

В щит вопьется, они потянули бы, силу напрягши:
Может быть, так им удастся повергнуть ярого мужа.
Этой надеждою льстясь, они ожидали победы.

Без промедления вождь, со всею собравшимися силой,
В Вальтера бросил трезубец и голосом громким
воскликнул:

«Вот тебе, лысый, и смерть приспела под этим
железом!»
Воздух трезубец рассек, сверкнувши, как аспид
сверкает:

990 Это змеиное племя живет на высоких деревьях
И устремляется с них, сокрушая любую преграду.
Что же? он шишку щита расколол и застрял
в древесине!
Франки подняли крик, и лес отзывался им эхом;

Вместе и врозь ухватили они бечеву от трезубца:
Сам правитель — и тот, не чинясь, схватился
за дело;

Пот ручьями течет, увлажняя усталые члены.
Но несмутимо стоял герой, как дуб средь долины,
Звезд касаясь листвой и Тартара — всеми корнями,
Не сокрушимый ничем, смеющийся ропоту ветра.

1000 Так волновались бойцы, ободряя взаимно друг друга:
Ежели даже не смогут они выбить Вальтера наземь,
То хоть по крайности щит сумеют из рук его
вырвать,
А без щита уже будет нетрудно и взять его пленным.

Всех, кто тянул бечеву, могу я назвать поименно:
Был девятым из них Элевтири по прозвищу
Хельмнод,
Был десятый по имени Трог, из Аргентского града,
Был одиннадцатым Танаст из города Спирь;
Хаген последним не стал, и король заступил его
место.

Так они четверо против единого всей своей силой
1010 Ставши, держались, на все голоса окликая друг
друга.

Тщетная трата усилий наполнила Вальтера гневом;
И как он снял уже шлем с головы, так теперь
положился
Только на крепкий свой меч и на медного
прочность доспеха,
Щит отшвырнул и первым из всех поразил
Элевтири:
Он раскроил ему шлем, разбрзгал мозг и до самой

Шеи ударом достиг, вскрыл грудь, и в последнем
бисны
Сердце простилось кровавое с духом и с жизненным
жаром.

Дальше напал он на Трога — стоял он, застыв
с бечевою

Ибо испуган он был внезапною гибелью друга

1020 И устрашающим видом врага; почувствовав ужас,
Он обращается в бегство, желая взять в руки оружье
И, завладев им, опять начать кровавую схватку, —
Ибо все, кто тянул бечеву, побросали на землю
Копья свои и щиты. Но Вальтер не только сильнее,
А и проворнее был, чем соперник: его настигая,
Вальтер ему острием подрубил подколенные жилы,
Тот замедлил свой бег, и Вальтер первым достигнул
Брошенного щита. Но Трог, хоть и слабый от раны,
Всею душою кипя, заметил камень тяжелый,

1030 Быстро его ухватил, размахнулся и в недруга кинул.
Вальтеру щит раскроил он от верха до самого низа,
Две половины повисли, обшивочной сдержаны
кожей.

Трог между тем, опустясь на колено, из зелени
вынул

Меч, размахнулся им в воздухе, теша им пылкую
душу,

И хоть не мог он на деле явить свою ратную
добрость,

Сердце его и слова отличали достойного мужа.

Смерть смеялась над ним, но этого он и не чуял,
А воскликнул: «О, если бы щит со мною был

верный!

Счастье тебе принесло, а не доблесть твоя, надо
мною
1040 Эту победу. Ну что ж! как щит, отними-ка и меч
мой!»

«Вот, я готов!» — закричал, смеясь, в ответ ему
Вальтер
И, набежав на него, отрубил ему правую руку.
Но как второй занес он удар, широко
размахнувшись,
И собирался душе открыть уже выход из тела,
Вдруг подбегает Танаст, уже подобравший
оружье,
И, подставляя свой щит, заслоняет друга от раны.
Вальтер тогда на него обращается с яростным
гневом:
Взявши его за плечо, вырывает плечо из сустава,
В самый бок погружает клинок, выпуская утробу;
1050 Рухнул Танаст, «Прощай!» бормоча языком
онемелым.

После того, как он пал, перестал молить о пощаде
Трог, а стал осыпать победителя дерзкою бранью,
То ли от доблести, то ли с отчаянья. Вальтер
воскликнул:
«Так умирай же! и весть отнеси к преисподним
пределам —
Всем друзьям расскажи, как ты отомстил их
погибель», —
И ожерелье свое наложил он на Трогоvo горло.
Так полегли один за другим два убитые друга,
В корчах стуча по кровавой земле своими пятами.

(М.Е.Г.П.)

Видя такую беду, вздохнул король злополучный,
1060 Быстро вскочил он в седло на коня с
разукрашенной сбруей
И устремился туда, где Хаген сидел оскорбленный.
С просьбой к нему обратился король, умоляя
смягчиться —
Вместе с ним выйти на бой. Но Хаген ответил
суроно:
«Предков моих опозоренный род мне мешает
сражаться:
Кровь моя холодна, мне чужда боевая отвага —
Ведь от испуга немел отец мой, увидя оружье,
В робких речах многословных походы, бои
отвергал он.
Вот какие слова ты мне бросил, король, перед
всеми —
Видно, помочь тебе показалась ненужной!»

1070 Но на суровый отказ король ответил мольбами,
Снова пытаясь смягчить упрямого речью такою:
«Именем вышних молю, расстанься с бешенством
ярым,
Гнев свой забудь — он вызван мою тяжкой
виною.
Если останусь в живых, и с тобой возвратимся мы
вместе,
Я, чтоб вину мою смыть, тебя осыплю дарами.
Иль не позор для тебя скрывать свое мужество?
Сколько
Пало друзей и родных! И неужто тебя оскорбила

Больше обидная речь, чем злого врага

преступленье?

Лучше бы ярость свою на того ты злодея обрушил,

1080 Кто своею рукой опозорил властителя мира!

Страшный ущерб потерпели мы, стольких мужей
потерявши, —

Франков страна никогда такого позора не смоет.

Те, что пред нами дрожали, теперь зашипят за
спину:

“Франков целое войско лежит неотмщенным,
убито

Чьей-то рукой неизвестной — о стыд и позор
нестерпимый!”»

Хаген медлил еще: вспоминал он клятвы о дружбе,
Те, что давал он не раз, когда рос он с Вальтером
вместе;

Вспомнил одно за другим он и то, что нынче
случилось.

Но все упорней просил его король злополучный,

1090 И поддаваясь мольбам короля, раздумывал Хаген:

Можно ли быть непокорным тому, кому служишь?
Подумал

Он и о чести своей: его слава, быть может, увянет,
Если в несчастье таком себя пощадить он решится.

Вспыхнул душой наконец он и голосом громким
воскликнул:

«О, господин мой, к чему ты меня призываешь?
Куда мне

Вслед за тобою идти? Тебя ложная манит надежда!

Кто же когда-либо был столь безумен, чтоб
страшную пропасть

Видел пред взором своим и спрыгнул в нее
добровольно?

Даже и в поле открытом сражаться с Вальтером
трудно;

1100 Ныне ж он так закрепился в горах, что всех
презирает —

Целое ль войско пред ним иль один слабосильный
вояка.

Пусть бы франков страна и конницу всю и пехоту
Выслала против него, — он всех уложил бы на
месте.

Но, как я вижу, тебя больнее позор угнетает,
Чем соратников гибель, и ты отступать не согласен.
Жаль мне тебя! королевскую честь я выше поставлю
Горькой обиды моей: попытаюсь дорогу к спасению
Я отыскать — либо нынче она, либо ввек не
найдется.

Родича милого смерть не могла бы — поверь мне,
владыка, —

1110 Ныне заставить меня нарушить верности клятву;
Я за тебя лишь, король, иду на опасное дело!
Здесь, в этом месте, однако, я с ним сражаться
не стану:

Скрыться должны мы, чтоб путь открытый ему
предоставить.

Мы расседлаем коней и ему устроим засаду —
Лишь тогда он решится свое укрытие покинуть,
Видя, что нет нас вблизи. Когда ж он достигнет
равнины,
Мы на него нападем, его преследуя с тыла.
Можем таким лишь путем мы отвагу явить
боевую:

Это — надежнейший путь, хоть исход остается
неверным.

- 1120 Сможешь сразиться, король, ты с Вальтером сам,
если хочешь:
Ведь перед нами двумя отступать никогда он не
станет,
Нам же придется иль бегством спастись, иль
насмерть сражаться».

Хагена речь одобряет король и, обняв его крепко,
Дарит ему поцелуй, — и вот, коней повернувши,
Скоро находят они для засады удобное место.
Спрыгнув с коней, их пускают пастись на
свежую траву.

Феб тем временем путь повернул к пределам заката,
Бросил последний свой блеск на широкоизвестную
Фулу

И за своею спиной оставил иберов и скотов.

- 1130 После того, как согрел он собой океанские волны,
Геспер взошел и рога обратил в авзонийские земли.

Вальтер, сам с собой говоря, погрузился в раздумье:
Лучше ль остаться ему в недоступных зарослях
горных
Или пуститься в дорогу вперед по широкой
равнине?

Ум напрягая, пытался он верное выбрать решенье.
В сердце его бушевали кипящие волны тревоги:
Хагена он опасался — уж верно, король не
напрасно

Крепко его обнимал и его подарил поцелуем.

Вражеский замысел Вальтер стремясь разгадать,
колебался:

1140 Может быть, в город враги удалились, чтоб новые
силы

Ночью в подмогу себе собрать, и снова нагрянуть
Ранней зарей, и опять завязать беззаконную
битву?

Может быть, скрылись враги, чтобы где-то устроить
засаду?

Страшен и путь через лес — в нем тропинок
неведомых много,

Можно наткнуться в дороге на заросли дикого
терна

Или на хищных зверей — и невесту утратить
навеки.

Все это Вальтер обдумал и принял решенье такое:
«Как бы дела ни пошли, я здесь останусь, доколе
В небе кружящийся шар не вернет нам свой свет
лучезарный.

1150 Пусть надменный не скажет король, что, как вор,
укрываясь,
Я под покровом ночным рубежи его края покинул!»

Так он сказал и узкий проход перекрыл
загражденьем:

Срезал кустарников ветви, заплел ими острые
колья.

Кончивши эту работу, приблизился к трупам
убитых;

Тяжко вздохнув, приложил он голову к каждому
телу;

На землю пал, повернулся к востоку и, меч
обнаживши,
Взялся рукой за него и промолвил такую молитву:
«Он, кто вселенную всю сотворил и ей управляет,
Без позволенья Его — нет, верней, без Его
повеленья

1160 В мире ничто не свершится: Ему одному
благодарность!

Он защищает меня от оружья врагов, от позора;
Я умоляю смиренной душой благого владыку, —
Он наказует грехи, но губить Он грешных не хочет,-
Пусть я этих людей повстречаю в небесном
жилище!»

Так он молитву закончил, с земли поднялся и
тотчас

Шесть коней поближе пригнал, и тонкие прутья
В крепкую привязь скрутив, коней стреножил;
из прочих

Два погибли в бою, а трех утнал к себе Гунтер.
Выполнив дело, свой пояс тугой расстегнул он
и сбросил

1170 Тяжкий оружия груз, облегчив горячее тело.
Несколько слов в утешенье сказав невесте
печальной,

Взялся он за еду, подкрепил усталые члены, —
Был он измучен — и лег, головой на щит опираясь.
Девушке он приказал охранять его сон до полночи,
Сам же назначил себе на стражу встать до
рассвета —
Стража под утро опасней — и в сон наконец
погрузился.

Девушка села к его изголовью — так было обычно, —
Песней от глаз утомленных она прогоняла дремоту.

Только лишь Вальтер проснулся, он, сон от очей
отрясая,

1180 Мигом вскочил и велел сейчас же уснуть
Хильдегунде,
Сам же копье свое взял и стал, на него опираясь.
Так он провел всеочные часы: то смотрел за
конями,
то подходил к заграждению и слух настораживал
чутко,
Страстно желая, чтоб светом земля опять озарилась.

Вот на небо взошел Луцифер, предвестник
денницы:
«Остров, — сказал, — Тапробан уже видит ясное
солнце».

Был тот час, когда Эос кропит холодные росы.
Вальтер к убитым телам подошел и снял с них
оружье,
Латы и прочий доспех, но одежду мертвым
оставил.

1190 Только наплечную бронь, пояса с литым
украшением,
Панцири, шлемы, мечи забрал он себе как добычу,
И четырех лошадей нагрузив, он позвал
Хильдегунду
И посадил на коня, на пятого, сам на шестого
Вспрыгнул, разрушил заграду и первым ущелье
покинул.
Но все время, пока он тропинкою узкою ехал,

Ясным он взором своим оглядывал путь и
окрестность,
Слух навостряя, старался поймать даже ветра
дыханье,
Ждал, не услышат ли шопот речей иль шаги или
шорох,
Или не звякнет ли где узда под надменной рукою,
1200 И не послышится ль поступь копыт с подковой
железной.

Все казалось спокойным вокруг. Коней
нагруженных
Вывел вперед он и первым пустил коня
Хильдегунды;
Сам же взял под уздцы коня с ларцами сокровищ
И, как обычно, в доспехах пошел, опоясан
оружьем.

Тысячу, верно, шагов лишь прошли, когда
Хильдегунда
(Женщин природа хрупка и страху легко поддается)
Взор обращает назад и видит, что, их догоняя,
Всадников двое несутся, спеша, с угрожающим
видом.

Тут, побледнев от испуга, она назад обернулась:
1210 «Гибель нас догнала, господин мой, беги! они
близко!»

Вальтер немедля взглянул назад, узнал их и молвил:
«Многих врагов нисроверг я вчера во прах бы
напрасно,
Если б в последнем бою стяжал я позор, а не
славу!

Лучше от тяжких ранений погибнуть достойною
смертью,
Чем спастись одному и лишиться всего, что
имеешь.
Может ли тот потерять надежду на жизнь и
спасенье,
Кто уж встречался не раз с опасностью более
грозной?
“Льва”, кто сокровища наши везет, возьми за
уздечку

И поскорее беги вон в тот лесок недалекий.

1220 Я же останусь на месте, поближе к горному склону,
Здесь подожду я, как дело пойдет, и всадников
встречу».

Вальтером данный приказ исполнила девушка
быстро;
Щит свой тяжелый схватил он, копье держал
наготове, —
Нрав чужого коня он хотел испытать под оружием.

В гневе король, обезумев, к нему помчался
навстречу,
И не доехав еще, надменное выкрикнул слово:
«Враг беспощадный, теперь берегись! Ведь дебри
лесные
Нынче от нас далеки, в которых, как волк
кровожадный,
Зубы ты скалил со злобой и лаял, наш слух
оскорбляя.

1230 Если согласен, теперь мы померимся в поле
открытом:

Будет ли битвы исход подобным началу —
увидишь!
Подкупом счастье свое ты купил, потому-то,
конечно,
Ты и бежать не готов, и сдаться на милость не
хочешь».

Алфера сын королю не ответил ни словом единым,
Словно не слышал его, лишь к Хагену он
обратился:
«Хаген, к тебе моя речь: задержись на миг и
послушай!
Что так внезапно, скажи, изменило столь верного
друга?
Ты лишь недавно, когда расставались с тобой мы,
как будто
Вырваться долго не мог из дружеских наших
объятий.

1240 Чем ты так оскорблен, что на нас ты поднял
оружье?
Я ведь надежду питал — но, вижу, ошибся
жестоко, —
Думал, коль вести дойдут о моем возвращении
с чужбины,
Сам поспешишь ты мне выйти навстречу
приветствовать друга,
В дом свой как гостя введешь, хотя бы о том
не просил я,
И добровольно меня ты сам проводишь в отчизну.
Даже того я боялся, что слишком богато дарами
Ты осыплем меня! Пробираясь по дебрям
дремучим,

Думал: “Из франков никто мне не страшен — ведь
Хаген меж ними!”

Я заклинаю тебя: одумайся! Детские игры

1250 Наши припомни, как, вместе учась, мы силы
и опыт

В них набирали и дружно росли в наши юные
годы.

Где же пропала та наша хваленая дружба, что
прежде

Верной была и в дому и в бою, и размолвок не
знала?

Верь мне, дружба с тобой заменяла мне отчую
ласку:

В годы, что жили мы вместе, я редко о родине
думал.

Как ты можешь забыть наши частые верности
клятвы?

Я умоляю тебя: не вступай в беззаконную
битву,

Пусть на все времена нерушим наш союз
пребывает!

Если согласен — вернешься домой с дорогими
дарами,

1260 Щит твой наполню сейчас же я грудою золота
яркой».

Но отвечал ему Хаген со взором суровым и
мрачным —

Речь дышала его нескрываемым яростным
гневом:

«Первым к насилию прибег ты, теперь же —
к хитрым уловкам?

Ты же и верность нарушил — ведь знал ты, что
здесь я, и все же
Многих друзей ты убил и даже родных мне по
крови!

Не говори же теперь, что будто меня не
узнал ты —

Если не видел лица, то видел мои ты доспехи,
Были знакомы тебе и они и мое все обличье.

Впрочем, я все бы простил, если б не было тяжкой
утраты:

1270 Был лишь один у меня цветок драгоценный,
любимый, —

Он, золотистый и нежный, мечом, как серпом,
твоим срезан!

Этим ты первый нарушил друг другу данные
клятвы,

И потому от тебя не приму никакого подарка.

Только одно я хочу — испытать твою силу
и доблесть,

И за племянника кровь с тебя потребую плату:

Пусть я иль мертвым паду, иль подвиг свершу
достославный!»

Это промолвив, он спрыгнул с коня, приготовился
к бою;

Спешился быстро и Гунтер, не медлил и
доблестный Вальтер;

Все решились вступить в открытый бой
рукопашный.

1280 Стали друг против друга, отбить готовясь удары,
И под ремнями щитов напряглись могучие
руки.

Был второй уже час, когда трое сошлись в
поединке,
Вальтер — с одной стороны, и два сооружника —
против.
Хаген первый из них конец положил перемирию,
С яблоневым древком метнув смертоносную пику.
Шумно летящую пику, страшным свистящую
ветром,
Видит Альферов сын и, поняв, что такого удара
Прямо не выдержит щит, подставляет копью его
боком.
Словно от гладкого мрамора, вкось отражается
пика,
1290 И отразившись, вонзается в холм, по самые гвозди
Вгрызшись в склон земляной. Тогда и заносчивый
Гунтер
Сердце напряг до конца, а руку напряг в полусилу,
Бросил копье, и оно, просвистев, впивается снизу
В Вальтеров щит. Но только встряхнул щитом
своим тяжким
Вальтер, — и выпала праздная сталь из трещины-
раны.

Франки, началом таким огорчась и душою
смутившись,
В гнев обращают обиду, мечи обнажают поспешно
И под прикрытием щитов бросаются на
аквитанца.
Вальтер на это в ответ копье острием уставляет
1300 И, устрашая лицом, отстраняет их силой оружья.

Гунтер на этот отпор неладное дело замыслил:
Видя, что бросил копье он напрасно, что вот оно,
павши,
Праздно лежит на земле у ног аквитанского мужа,
Он захотел, подкравшись тайком, подобрать его
снова, —
Ибо ни Хаген, ни он не могли со своими клинками
К Вальтеру вплоть подступиться для рукопашного
боя, —
Дальним ударом большого копья себя ограждал он.
Хагену взглядом король подал знак нападать
горячее,
Чтобы под этим прикрытием исполнить свой
замысел легче.

Так, что король, застигнут врасплох, коленями
дрогнул.
Вальтер бы Гунтера тотчас же мог низвести
к преисподним,
Если бы Хаген проворным мечом не приспел тому
в помощь
И, протянувши вперед свой щит, не спас
господина.
Хаген блеснул перед Вальтером сталью меча
беспощадной,
Вальтер вспять отшатнулся от ранящей стали,
а Гунтер
Встал, онемелый, трепещущий, еле избегнувший
смерти.

1330 Ни промедленья, ни отдыха: вновь закипает
сраженье.
Двое врагов ударяют на Вальтера вместе и
порознь —
Между тем, как он пылко теснит одного из
напавших,
Тотчас другой с другой стороны, грозя, набегает.
Подлинно так нумидийский медведь на псовой
охоте,
Весь окруженный собаками, шерсть поставивши
дыбом,
Прячет голову, рыком рычит и тех, что ближе,
Больно хватает умбrijских собак, визжащих под
когтем,
А отовсюду поодаль свирепые лают молоссы,
К грозному зверю страшась подступиться поближе
вплотную.

1340 Так продолжалась борьба весь день до девятого
часа,
Трех измождая бойцов тройным утомлением
битвы —
Страхом смерти, ратным трудом и солнечным
зноем.

Сердце героя тревожную стало закрадывать
думу;
Сам размышляя с собой, такое он вымолвил
слово:
«Если в теченье своем неизменна пребудет
Фортуна,
То одолеют меня, истомленного, легким
обманом!»

Так поразмыслив, возвысил он голос и Хагену
крикнул:
«Хаген-шиповник, я вижу, ты рад зеленеть и
колоться, —
Так ты насмешливо скачешь, обманом меня
завлекая, —

1350 Что ж! я дам тебе место поближе ко мне
подступиться,
Ты же яви свою силу, свою немалую силу,
Чтобы такие труды не тратили мы понапрасну».
Так он сказал и прыжком направил в Хагена
пику —
Пика пробила щит и повисла на нем, тяжелея,
И повредила доспех, и бок под кольчугой задела,
Хоть и прекрасными были и щит, и кольчуга,
и панцирь.

Вальтер же, кинув копье, бегом вперед устремился,
Меч обнажил и напал на Гунтера с дикой отвагой.

С правой руки короля он щит сорвал и ударом

1360 Метким и ловким его поразил с небывалою силой:
Ногу выше колена отсек он ему до сустава.
Гунтер на щит свой упал и у Вальтера ног
распростерся.

Видя, как рухнул король, побледнел от ужаса
Хаген, —

Кровь от лица отлила. Свой меч окровавленный
снова

Вальтер занес над упавшим, удар готовя
смертельный.

В миг этот Хаген забыл о прежней обиде —
нагнувшись,
Голову он под удар подставил, и Вальтер с размаха
Руку не смог удержать и на шлем его меч свой
обрушил.

Крепок был кованый шлем и украшен резьбою
искусной:

1370 Вынес он грозный удар — только искры кругом
засверкали.

Но, натолкнувшись на шлем, — о горе! — в куски
разлетелся

Меч, и осколки, блестя, полетели в воздух и
в траву.

Только лишь Вальтер увидел свой меч, лежащий
в осколках,

Он обезумел от гнева: в руке его правой осталась,
Тяжесть меча потеряв, одна рукоятка — блестела
Золотом ярким она и искусствой работой литейной.
Прочь он ее отшвырнул, как ненужный презренный
обломок,

Кисть своей правой руки оставил на миг без
прикрытия, —

Хаген тот миг улучил и ее отрубил, торжествуя.

1380 Свой не закончив размах, отважная пала десница:
Много нардов, племен, королей перед ней
трепетало,
В неисчислимых победах ее блистали трофеи.

Но непреклонный боец не хотел уступить неудаче —
Страшную боль победил он своею разумною волей,
Духом не пал ни на миг, и лицо его было
спокойным.

Руку с обрубленной кистью в ремень щита он
просунул,

Вырвал рукой уцелевшую тотчас кинжал он
короткий —

Тот, что, как сказано раньше, висел на поясе
справа, —

И заувечье свое отомстил жестокою карой:

1390 Хагену правое око ударом он выколол метким
И от виска до губы кинжалом рассек ему щеку,
Выбив зубов коренных ему по три и сверху
и снизу.

После, как это случилось, жестокая кончилась
битва.

Всем не хватало дыханья, и тяжкие раны велели

Всем им оружье сложить. Да и кто бы мог дальше
сражаться,
Если такие герои, телесною равные силой,
Равные пламенным духом, сошлись и прошли
сквозь сраженье?

Так закончился бой, и стяжал себе каждый награду:
Рядом лежали в траве нога короля и десница
1400 Вальтера, и трепетал еще Хагена глаз. Поделили
Вот как они меж собой золотые запястья аваров!

Двое присели на траву, а третий лежал без
движенья.
Льющейся крови потоки они отирали цветами.
Девушку Вальтер окликнул, еще дрожавшую
в страхе,
И, подойдя к ним, она перевязками боль утолила.
После ж, как все завершила, велел ей жених
нареченный:
«Ну-ка, смешай нам вина и подай его Хагену
первым!
Он — отличный боец, коли верности клятвы он
держит.
Мне ты потом поднесешь — ведь больше я всех
попрудился.

1410 Гунтер же выпьет в последний черед — он слаб
оказался
В битве, где храбрость и мощь великих мужей
проявилась:
Марсу служит он плохо, и нет в нем огня
боевого».
Все, как Вальтер сказал, исполнила дочь Херирика.

Хаген, однако, не принял вина, хоть и мучился
жаждой.
«Прежде, — сказал он, — вино жениху своему
и владыке,
Алфера сыну, подай: признаю, что меня он
храбрее,
Да и не только меня — он всех в бою превосходит».

Были язвительный Хаген и Вальтер, герой
аквитанский,
Вовсе не сломлены духом, устало лишь мощное
тело;

1420 И, отдохшая от шума сраженья и грозных ударов,
В спор шутливый вступили, вином наполнивши
кубки.

Франк промолвил: «Мой друг, отныне стрелять
на охоте
Будешь оленей одних — тебе нужно немало
перчаток.

Правую — вот мой совет — набивай ты шерстью
помягче;
Тех, кто увечья не видел, поддельной рукой ты
обманешь.

Что же ты скажешь? Увы! Отчизны обычай
нарушив,
Справа будешь ты меч свой носить — это всякий
увидит.

Если ж захочешь ты вдруг супругу обнять, то
неужто

Стан ее охватить придется левой рукою?

1430 Впрочем, короче скажу: за что бы теперь ты ни
взялся,

Будешь всегда ты левшой». Но Хагену Вальтер
ответил:
«Право, дивлюсь я, сикамбр одноглазый, чего ты
храбришься?
Буду оленей гонять — ты ж кабаных клыков
опасайся!
Слугам своим отдавать ты, кося лишь, сможешь
приказы,
И лишь кося, отряды бойцов приветствовать
сможешь.
Старую дружбу храня, совет тебе дам я разумный:
Ты, как вернешься домой и очаг свой родимый
увидишь,
Кашу свари из муки с молоком да заправь ее
салом:

Будет она и пищей тебе и полезным лекарством».
1440 Так шутливою речью они свой союз обновили.

На руки взяв короля, изнуренного болью от раны,
Подняли вместе его на коня и друг с другом
расстались.
Франки вернулись в Ворматий. Родной страны
аквитанской
Вальтер достиг и встречен там был с ликованьем
и честью,
И с Хильдегундою свадьбу свою он спроводил по
чину.
Был он всеми любим, и когда родитель скончался,
Десятилетия три он счастливо правил народом.
Вел ли он войны, и сколько, и много ль побед
одержал он, —
Я написать не могу: перо уж мое притупилось.

1450 Тот, кто это прочтет, милосердым да будет
к цикаде:

Голос ее не окреп, и неопытен возраст незрелый,
Не покидала гнезда никогда и ввысь не взлетала.

Вот о Вальтере песнь. Иисус вам да будет
спасеньем!

Хротсвита Гандерсгеймская Пафнутий

Хротсвите не повезло в России. Писавшие о средневековой латинской культуре упоминали о ней, пожалуй, даже чаще, чем о других авторах (из чувства политкорректности: все-таки первая в Европе женщина-поэтесса), но ни одна из ее пьес до сих пор не имеет полного перевода. Б.И. Ярхо около 1917 г. начал большую серию образцово комментированных переводов из средневековой латинской литературы, подготовил два выпуска — по каролингской поэзии и по жанру видений (оба остались не изданы) — и предполагал, как кажется, выпуски по вагантам и по Хротсвите. Но советское время не благоприятствовало продолжению работы, а его десятилетний труд над детальнейшим исследованием ее латинского текста, по-видимому, отбил у него охоту к созданию ее русского текста: переводчики знают, что так бывает нередко. Он перевел только ее предисловие к драмам и две странички из «Дульциция» для «Хрестоматии по западноевропейской литературе средних веков» под ред. Р.О. Шор (Учпедгиз, 1938), но и в этой хрестоматии они выпали из последующих переизданий. В 1972 г. переводы Б.И. Ярхо были перепечатаны в сборнике «Памятники средневековой латинской литературы

Х–XII вв.» (М.: Наука) и дополнены большим отрывком из «Авраама» и небольшим из «Каллимана»; это – все.

Поэтому предлагаемый «Пафнутий» – первый полный перевод драмы Хротсвиты на русский язык. Главная особенность этой диалогической прозы – односложные неравноударные рифмы – очень необычна для русского читателя; может быть, такой сравнительно большой объем единого текста позволит читательскому слуху выработать первую привычку к ним и научиться их ожидать и замечать. Пропорции разнородных рифм соблюdenы не так точно, как, вероятно, хотелось бы Ярхо: по сравнению с подлинником в переводе больше доля, с одной стороны, повышенno точных двухсложных и трехсложных рифм («согрешение–покаяние»), с другой стороны, пониженно точных «ассонансов» («согрешение–покаяния»: для Хротсвиты это неточная рифма, для русской поэзии последнего полуторастолетия – точная). Свободно допускалась рифмовка мужских окончаний, в латинском языке практически отсутствующих; хорошо ли это, и не становится ли от этого рифмованная проза Хротсвиты нежелательно похожа на русский раек, я не уверен. Параллелизмы и инверсии, поддерживающие рифмовку и создающие своеобразно неловкий синтаксис, обычный у Хротсвиты, воспроизведены достаточно близко к подлиннику. Характерный для всего Средневековья лексический стиль, сочетающий библеизмы и вульгаризмы, напротив, мог быть передан лишь приблизительно.

Сюжет с обращением блудницы появляется у Хротсвity в «Пафнтии» во второй раз: в первый раз он был разработан в «Аврааме», доступном русскому читателю. В раннем «Аврааме», где героиня приходилась герою-отшельнику племянницей, больше мягкости и чувствительности, в позднейшем «Пафнтии» больше резкости, супровности и черно-белой контрастности: отталкивающему описанию покаянной кельи противопоставлено небесное видение спасения, в «Аврааме» подобного не было. Образцом житийных сюжетов такого рода был, конечно, евангельский рассказ о Марии Магдалине. Таида — обычное имя греческих гетер (ради одной такой Таиды Александр Македонский будто бы сжег Персеполь). Житийный рассказ о ней сложился в конце IV в.; появляющийся у Хротсвity Антоний — знаменитый святой пустынник, и у него действительно был ученик Павел. Обративший ее отшельник в греческой версии зовется Серапион, в сирийской — Виссарион, в латинской — Пафнтий.

Латинская версия впервые излагается в «Монашеской истории» Руфина, современника и друга, а потом врага св. Иеронима (написана ок. 403—410); рассказ Руфина и послужил источником для Хротсвity. Но словесных совпадений с источником (в отличие от «Авраама») в «Пафнтии» почти нет. Среди шести драм Хротсвity «Пафнтий» (как и другая ее поздняя пьеса — «Сапиенция») выделяется обилием ученого материала, прямо не связанного с сюжетом. Видимо, это была попытка поэтессы скрестить два диалогических жанра, слу-

живших ей образцами: комедии Теренция и диалогические учебники Алкуина. Рассуждение о трех музыках — гармонии небесных сфер, гармонии человеческого тела и души, гармонии музыкальных инструментов — почерпнуто Хротсвитой (как и всем латинским Средневековьем) из Бёэтия. В таком мироздании всякий человеческий грех расстраивает все гармоническое вселенское единство; эта (очень глухо выраженная) мысль делает разговор о музыке прологом к последующей истории прегрешения и покаяния. За счет столь пространного вступления «Пафнутий» оказывается самой длинной из шести Хротсвитинских драм.

Перевод сделан по изд.: *Hrotsvithae opera, mit Einleitungen und Kommentar von H. Homeyer. München; Paderborn, 1970.* Нумерация сцен и параграфов — по этому изданию; знаками / обозначено членение текста на рифмованные (по большей части) «члены», «колоны», «отрезки», исследованные Б.И. Ярхо.

Обращение Таиды блудницы, / чрез Пафнутия отшельника, / подобно Аврааму, представшего в образе любовника, / ко Господу обращенной, / и для приятия / пятилетнего покаяния / в малой келии заключенной, / после же довольного свершения с Господом примиренной / и после покаяния на пятнадцатый день во Христе опочившей.

<Сцена 1. Пафнутий, ученики>

(1) — Почему, отче Пафнутий, лик твой мрачен, / а не по обычай твоему ясен?

- У кого сердце печально, / у того и обличие мрачно.
 - О чём же печаль твоего сердца?
 - О поношении нашего Творца.
 - Отколе же сие поношение?
 - От собственного его творения, / образа его и подобия.
 - Устрашительно твое рече.
- (2) — Ведаю, что для Божия величия / ничто суть людские поношения, / но ежели Господу Богу / приписать метафорически людскую тревогу, / то есть ли что прискорбнее, нежели когда малый мир противоборствует / Тому, чьим браздам великий мир смиленно покорствует?
- (3) — Что есть малый мир?
 - Человек.
 - Человек?
 - Воистину так.
 - Какой человек?
 - Всякий.
 - Каков же он может быть?
 - Таков, чтобы Создателю своему угодить.
 - Трудно сие разумению.
 - Ибо не тотчас дается пониманию.
 - Изъясни!
 - Напрягите слух.
 - Изготовили мы наш дух.
- (4) — Как великий мир из четырех супротивных стихий составляется, / но по воле Творца в гармоническом согласовании обретается, / так и человек из тех же стихий, но еще более супротивных частей слагается.

(5) – Что же может быть стихий супротивнее?

– Тело и душа: / ибо стихии суть хотя и супротивны, / но все телесны; / душа же в отличие от плоти бессмертна есть, / плоть же в отличие от души бездуховна есть.

– Истинно так.

– Если же диалектически рассудить, / супротивны они не могут быть.

– Как же сие возможно?

– Диалектически рассуждая неложно: / ибо ничто не супротивно сущности, / но сущность объемлет все противоположности.

(6) – Что же значат слова твои «в гармоническом согласовании обретаются»?

– Сие значит: как низкие и высокие звуны, / гармонически быв сопряжены, / в мусическое слагаются звучание, / так стихии разночленные, / подобающе сочлененные, / единое образуют мироздание.

– Странно нам, как разногласное согласным, / а согласное может зваться разногласным.

– Ибо ни вполне подобное, / ни вполне разнотипное / и по сути и природе разнородное / не может сочетаться в согласие.

(7) – Что есть музыка?

– Наука из философического квадригия.

– Но что есть квадригий?

– Арифметика, геометрика, музыка, астрономика.

– Почему сие зовется квадригий?

– Квадригий есть четверопутие, / и как от четырехпутия дороги, / так от единого начала философии исходят сии науки.

(8) — Устрашаемся вопросить о трех иных, /
ибо трудно уму нашему даже начало рассуждения
о них.

- Воистину трудно.
- Молви же хоть вкратце о том, / что уже помянуто в рассуждении твоем.
- Немногое могу сказать, / ибо не отшельнику об этом знать.

(9) — Что есть предмет сей науки?

- Музыки?
- Именно.
- Суть звуки.

(10) — Единая ли она или многовидная?

- Троякая, но единоподобная: / какова одна, такова и другая.

— Чем же они разнствуют?

- Первая заключена в небесах, / вторая в человеческих голосах, / третья в музыкальных орудиях.

(11) — В чем же небесная состоит?

- В сфере небесной и семи светилах.
- Как?

— Так, / что такие же в нихозвучия, толикие же протяжения, / подобные же напряжения / в небесах, / каковые и на струнах.

(12) — Что суть протяжения?

- Отстояния, коими как струны, / также и планеты разделены.

— Что же суть напряжения?

— То же, что и тоны.

— Но и таковым познанием мы не вразумлены.

— Тон образуется из звуков двойных, / между коими отношение десять восьмых.

(13) — Чем предложенное постичь стремимся
быстрее, / тем новое представляется нам труднее.

— Таково уж предмета нашего рассмотрение.

— Поведай же нам, что есть созвучие, / дабы
уразумели мы его значение.

— Созвучие есть звуков совмещение.

— Какое?

(14) — Четырьмя или пятью или осмью зву-
ками образуемое.

— Общее уведавши название, / желаем уведать
и отдельные.

— Первое именуется диатессерон, из звуков
оно четырех, / отношение же их эпитетитное, си-
речь четыре к трем. / Второе есть диапенте, из
звуков оно пяти, / отношение же их гемиольное,
сиречь три к двум. / Третье есть диапасон, из зву-
ков оно восьми, / отношение же их два к одному.

(15) — Стало быть, и планеты имеют звучан-
ие, / если со струнами допускают сравнение?

— Поистине.

— Почему же они не слышны?

— Разные суть тому причины. / Иные говорят:
из-за непрерывности; / иные: из-за воздуха чрез-
мерной плотности; / иные: из-за огромности, / не
вмещающейся в наши ушные полости; / (16)
иные же говорят, что сферные звуки / таковы
суть приятны и сладки, / что, услышавши оные,
человеки / о себе позабыли бы, / дела свои по-
бросали бы / и только звукам внимали бы / от ча-
са восходного / до часа закатного.

— Благо, что они не слышимы.

— Так они Господом предустроены.

(17) – Довольно же о небесном: / поведай теперь о человеческом.

– О чем?

– О воспринимающем.

– Не только в сложении / душевном и телесном, / не только в испускании / голоса высокого и низкого, / но и в сердца биении, / и в тела сложении, / и в суставов перста соотношении / те же меры находим, / какие и возвучиях слышим, / ибо мусическое / обретается согласие / не только в звуках, / но и в иных многоразличных предметах.

(18) – Если бы ведали мы заранее, / сколь трудно сего вопроса решение, / лучше бы нам малого мира сего не знать, / нежели трудности такие вздымать.

– Зато, потрудясь, уведали / то, чего прежде не слыхивали.

– Истинно, / однако же стыдно, / что не объемлет наше разумение / и крупицы твоего рассуждения.

(19) – Не смейтесь надо мною, / ибо не мудрецом пред вами стою, / но невеждою.

– Откуда же ты знаешь / то, что нам излагаешь?

– Малую каплю знания / от безбрежного мудрости излияния, / не труженически сидя, / но случайным образом мимо идя, / уловить я улучился / и вам сообщить потщился.

(20) – За щедрость тебе наше благодарение, / но страшимся апостольского речения: / «но Бог избрал немудрое мира, дабы посрамить мудрых» (1 Кор., 1,27).

- Мудрый ли, немудрый ли превратное творит — / посрамление от Господа претерпит.
- Точно так.
- Не знание знаемого / Господу претит, / но неправосудие знающего.
- Воистину.
- (21) — А кому достойнее / и кому справедливее / знание наук посвятить, / если не Тому, кто знаемое сотворил / и знанием нас одарил?
- Никому.
- Кто больше знает, / сколь предивно Господь все на свете числу, мере и весу подчиняет, / тот и любовию к Нему жарче пылает.
- Доподлинно.
- Но к чему гласить мне разные разности, / от которых ни малой вам нет приятности?
- (22) — Обнажи нам печали твоей причинность, / дабы нас не угнетала любознательность.
- Ежели и узнаете, / радостны от этого не станете.
- Знаем, что любознание / нередко влечет огорчение, / но сильнее нас оно, / ибо слабости нашей врождено.
- (23) — В наши пришла края / некая женщина бесстыдная.
- Беда опаснейшая!
- Красотою она удивительна, / злонравием омерзительна.
- Истинно пагубна. / Как она прозывается?
- Таида.
- Та самая блудница?
- Да.

(24) – Всем она, порочная, ведома.

– И не диво, ибо мало ей немногих губить, /
но всех она готова красотою манить / и на гибель
влечь.

– Удрученльна твоя речь.

(25) – И не только простецы скудость добра
своего расточают, / ее ублажая, / но и вельмож-
ные мужи драгоценности многоразные погубля-
ют, / своим ущербом ее обогащая.

– Страшимся слышать.

– Толпы влюбленных у нее на дворе.

– Себе на горе.

(26) – Ослепленные, / умопомраченные, / к
ней прибывают, / ссоры затевают.

– Одни пороки другие порождают.

– В драках лица друг другу поражают, / ору-
жие обнажают, / крови потоки / орошают распут-
ницыны пороги.

– Грех великий.

(27) – Сие-то поношение Творца / оплакиваю
я в скорби сердца.

– Чаятельно, в райской обители / скорбят с
тобою все небожители.

(28) – Не пойти ли мне к ней под видом влюбл-
ленного, / дабы отвратить от намерения грехов-
ного?

– Кто внушил тебе таковое желание, / Тот по-
дарит тебе искомого достижение.

– Поддержите меня молитвами прилежными /
устоять перед кознями враждебными.

– Кто князя тьмы нисроверг, / Тот и над не-
другом даст тебе верх.

<Сцена 2. Пафнумий, юноши>

- (1) – Вот юноши стоят на площади: / подойдя к ним и спрашиваю: / где та, которой ищу.
– Вот неведомый человек к нам подходит: / попытаемся, чего он хочет.
– Кто вы, друзья?
– Жители этого города.
(2) – Благослови вас Господь!
– И тебе того же, / здешний ли ты жилец / или дальний пришелец.
– Пришелец издалека.
– Ради какого пророка?
(3) – Сказать не смею.
– Почему?
– Тайное дело имею.
– Лучше его открои, / ибо если ты чужой, / то без здешнего совета / нелегко тебе будет достичь успеха.
– Но не явится ли мне от того помеха?
– Не от нас.
(4) – Ободрениям вашим уступаю, / вашей верности мою тайну открываю.
– Неверности не опасайся, / противодействия не пугайся.
(5) – Дошло до меня, / что живет здесь некая жена, / всем прелестная, / ко всем любезная.
– Знаешь ли ты ее имя?
– Да.
– Назови его нам.
– Таида.
– Пламень в нас пыщет от ее вида.

— Говорят, что нет ее прекраснее, / нет ее приятнее.

— Молва нелжива, / так она красива.

(6) — Ради нее я с пути сошел, / чтобы ее увидеть, пришел.

— Ничто тебе в том не мешает.

— Где она обитает?

— Вот / дом, где она живет.

— Тот ли дом, / на который указуешь перстом?

— Тот самый.

— Пойду к ней прямо.

— Если хочешь, мы тебя сопроводим.

— Нет, пойду один.

— Воля твоя.

<Сцена 3. *Пафнумий, Таида*>

(1) — Ты ли Таида, / коей взыскую вида?

— Кто ты, странник?

— Твой поклонник.

— Кто с любовью ко мне приходит, / равную любовь во мне находит.

— (2) — О Таида, Таида, / сколь многие / исходил дороги я / ради счастия тебя узреть / и с тобою разговоры иметь!

— Лица своего не скрываю, / в разговорах никому не отказываю.

(3) — Тайна собеседования нашего / уединенного места себе испрашивает.

— Вот ложе, / мягко стланое, / вести на нем можешь / беседы пространные.

— Для разговора тайного / нет ли места более дальнего?

(4) – Есть дальнее, / есть тайное / такое место, / что лишь Богу да мне известно.

– Богу? какому?

– Истинному.

– Коему все открыто?

– Ничто от Него не скрыто.

– Справедливость ли Он блюдет / или неправедными делами небрежет?

– О заслугах наших и грехах / весы справедливости в Его руках, / с награждением либо наказанием / каждому по его деяниям.

(5) – О, предивное / милосердие Христово и долготерпение, / что грешников, о грехах своих ведающих, видишь, / но промедляешь и не губишь!

– Отчего трепещешь? / отчего бледнеешь? / отчего слезы проливаешь?

– Трепещу о твоем дерзновении, / плачу о твоем падении, / ибо все ты знала / и столько душ погубила!

– Горе мне, бедной!

(6) – Погибнешь тем справедливее, / чем в знании своем дерзновеннее / оскорбляла ты Божеское величие.

– Горе мне, горе! / Что ты гласишь? / чем мне, несчастной, грозишь?

– Ад тебя ждет кромешный, / если в жизни пребудешь грешной.

– В недра проникает душевные / страшное твое назидание.

(7) – О если бы оно / так тебя потрясло, / чтоб не стало в тебе дерзновения / гибельные лелеять наслаждения!

— Есть ли место гибельному наслаждению в сердце моем, / если в нем / горесть внутреннего страдания / порождает страх нового воздаяния / за деяния, / совершенные в здравом сознании?

— Хочу я, чтобы вместо шипов / выкорчеванных пороков / вызрели гроздья покаяния.

(8) — О если бы вера, / если бы надежда / мне, презренной, / тысячию тысяч скверн оскверненной, / грехи мои искупить / и любым покаянием прощение заслужить!

— Нет греха столь тяжкого, / преступления столь великого, / чтоб не смыть покаянными слезами, / если дела последуют за словами.

— Молви, отче, молви, какие деяния / способны снискать дарование прощения!

(9) — От мира отрекись, / развратных любовников сторонись.

— А после того?

— В уединенное место последуй, / сама себя исповедай, / дабы слезы твои горькие / грехи оплакали столькие.

— Если можно мне на сие уповать, / то ни мига не стану я промедлять.

— Нет сомнения, / что сбудутся упования.

(10) — Дай мне время / имения свергнуть бремя, / худо нажитого, / долго хранимого.

— О том не тревожься, / охотники на него найдутся.

— Не о том тревожусь, / чтобы себе что сохранить / или друзей одарить, / ни даже неимущим не хочу их уступить, / ибо цена греха / даже благодеянию помеха.

(11) – Правильно судишь. / Что же ты с ним
делать будешь?

– Огню приобщу / и в пепел обращу.

– Почему?

– Да не будет / оставлено в людях / дурно
нажитое достояние, / Господа Творца поруга-
ние.

(12) – О сколь иною / являешься ты ныне
предо мною, / нежели когда пылала лю-
бовью лживою / и гналась за порочную на-
живою.

– Божию волею / чаю к лучшему переме-
ниться более.

– По Божию изволению / и неизменимому
бывает изменение.

– Иду / и что замыслила, то свершу.

– С миром отправляйся, / вскоре же ко мне
возвращайся.

<Сцена 4. Таида, любовники>

(1) – Спешите ко мне, бывые / любовники
мои недобрые.

– Слышим голос Таиды. / Поспешим, да не
будет ей обиды.

– Придите, ибо с вами / обменяться хочу сло-
вами.

(2) – О Таида, Таида, / что за костер ты сла-
гаешь? / Отчего богатства разные и прекрасные
на него взлагаешь?

– Вопрошаете Таиду?

– Ибо дивимся такому виду.

– Не замедлю показать.

— Жаждем узнать.

(3) — Каждый всмотрись!

— Умирись, Таида, умирись! / Что делаешь? /
почто безумствуешь?

— Не безумствую, / но умоздравствую.

— Для чего ты губишь четыреста фунтов золота, / и горит богатства разность и красота?

— Все, чем вы неправедно льстились меня привлечь, / я на оном пламени хочу сожечь, / да бы не было места надежде, / что вашей любови уступлю, как прежде.

(4) — Остановись на малость, остановись / и причиною смятения твоего объявись!

— Не остановлюсь / и словами с вами не поделюсь.

— Отчего ты нас презираешь? / или неверность какую в нас замечаешь? / Мы ли / твоим желаниям не послушны были? / А ты нас неправою ненавистью встречаешь.

— Отойдите / и одежду мою, хватаясь, не рвите: / и того довольно, / что доселе я с вами грешила своевольно. / Но кончен грех: / отрекаюсь от вас от всех.

(5) — Куда она идет?

— Туда, где никто из вас меня не найдет.

— Диво! о ужас! Таида, / которая всегда / в богатстве радовалась счастью, / а душою прилежала сладострастью / и единого наслаждения искала, / ныне золото и самоцветности без колебания побросала / и влюбленных нас воспрезрела / и недоступна вовеки стала!

<Сцена 5. Таида, Пафнутий>

(1) – Се, отче Пафнутий, / следую за тобою до любых перепутий.

– Промедление твое было мне тревожно: / не пошла ли ты вновь по дороге ложной.

– Не тревожься о том, / ибо помыслы мои об ином: / я одежд роскошеств моих совлеклась / и от любовников моих прилюдно отреклась.

(2) – Благо, что отрекаешься, / ибо ныне предаешься / истинному / любовнику твоему / иже ввыси / на небеси.

– Отче, начерти мне пути, / которыми идти.

– Следуй за мною.

– Следую твою тропою / и вожделею / следовать жизнию твою.

<Сцена 6. Пафнутий, Таида>

(1) – Вот обитель, в которой девицы / обретаются священноможительницы. / Здесь будь место твоего обитания / до свершения / должного покаяния.

– Не противлюсь.

– Вниду к настоятельнице, / оных девиц наставительнице, / упрошу ее тебя принять.

– А мне что делать?

– За мною последовать.

– Как повелишь.

(2) – Се, настоятельница / сама пред нами является. / Диво, / что некто о нас известил ее столь скоро.

– Молва людская, / меж скорыми самая скорая.

<Сцена 7. Пафнутий, настоятельница>

(1) – Во благо нам являешься, / честная игуменья, / ибо днесь взыскую тебя.

– Отче Пафнутий, / любимец Божий, / воистине нами чтимый, / благословен твой приход.

– Благостью вечного благословения / да изольется на тебя милость Вседержителя.

– Для каких причин твоя святость / удостоила посетить обители нашей малости?

(2) – Нуждаюсь в твоей помощности / при некоторой гнетущей надобности.

– Легким словом мне взвести, / что должна я произвести, / я же твоим повелениям / послушствую со всем прилежанием.

(3) – Козочку привел я полуживую, / волчьими зубами истерзанную, / дабы жалостию ты ее возлелеяла, / заботою исцелила, / доколе козией щетины она не отрешится, / овчей рунной мягкостию не облечется.

– Изъясни.

(4) – Сия, / тебе предстоящая, / в блудодействии жизнь свою провождала.

– Горестно!

– Всяческому распутству себя предавала.

– Себя погубляла.

– Ныне же моим побуждением / и Христовым Господним вспоможением, / пременила она желанное в ненавистное / и познала вместо легконравного чистое.

– Исполать побудителю премены и содетелю.

(5) – Поелику же скорбь душевная, / яко и телесная, / средствами / изживается противодейств-

венными, / то ныне, отъяввшись от мирских забот, / в малую / да внидет она келию, / дабы в ней / отрястись от греховности своей.

— Во благо.

(6) — Повели, / дабы келию таковую построили.

— В самом малом времени.

— Да не будет в ней ни входа / и ни выхода, / но оконце лишь малое, / чрез которое / дастся пропитание скучное, / венный день и час ей назначенное.

(7) — Опасаюсь, что нежность ее душесложе-
ния / не потерпит тягости толикого труждения.

— Не опасайся, ибо греховные бедства / на-
дежного для исцеления требуют средства.

— Истинно так.

(8) — Тягостно для меня промедление, / ибо
опасно ей меж людей пребывание.

— Напрасно твое опасение: / введи ее в заточе-
ние, / ибо достроена келия, / столь тебе желанная.

(9) — Преславно.

<Пафнумий, Таида>

— Вниди, Таида: / се твое жилище, / для оп-
лакивания грехов твоих должное прибежище.

— Сколь малое, / сколь темное, / сколь для
женского обитания неудобное!

(10) — Почто пугаешься? / почто войти не ре-
шаешься? / Поистине, жившей доселе в блужда-
нии неукротимом, / днесъ тебе довлеет обуздание
в месте уединенном.

— Душа, привычная к роскошности, / часто
неприязненна бывает к суровости.

— Тем паче ей должно послушанию покорствовать, / доколе не престанет противоборствовать.

(11) — Что повелевает отческое твое степенство, / того не отвергнет мое убожество; / некое однакоже неудобство / вижу я в сей обители, / трудное для плотской моей слабости.

— Каково / то неудобство?

— Краснею вымолвить.

— Не стыдись прямосердечно открыть.

(12) — Есть ли что неудобнее / и несноснее, / нежели то, что различные надобности плотские / в едином месте / надобно избывать? / Станет оно вскорости негодно для обитания / крайнего ради зловония.

— Не страшись скоротечного, / но страшись во аде мучения вечного.

— Слабость моя / ко страху побуждает меня.

— Пагубную сладость наслаждения / должно омыть тебе оным излиществом зловония.

(13) — Не отвергаю, / не отрицаю, / что мне, смердящей, / справедливо пребывать в щели мерзейшей, / но о том стражду, / что места такого не вижу, / откуда возносить чисто и честно / моления ко грозной силе небесной.

— Но откуда в тебе / такое самомнение, / чтобы оскверненными губами твоими / пречистейшей божественности выговорить имя?

(14) — На кого же возложить мне упование, / чье спасти меня может милосердие, / если мне запретно воззвание / к Тому, пред Кем я преступница / и к Кому Единому должны молитвы возносятся?

— Должно тебе молиться не словами, / но слезами, / не звонкостию гласа, / но рыданием уязвленного сердца.

— Если не дано мне Господа словесно умолять, / как же мне тогда о спасении уповать?

— Тем скорее ты спасения удостоишься, / чем смиреннее пред Господом умалишься. / Только и молви: / «Господи, / сотворивший меня, / ныне помилуй меня».

(15) — В милосердии Его нуждаюсь, / и без оного в борении сломаюсь.

— Борись упорно, / и победу одержишь наверно.

— Но мне надобны твои молитвы, / дабы с победою выйти из битвы.

— И без просьб я на том стою.

— Уповаю.

<Пафнутий, настоятельница>

(16) — Ныне пришло время в желанное / воротиться мне мое уединение / и дорогих / посетить учеников моих. / А тебе, / досточтимейшей игуменье, / благости твоей и попечительности, / оставляю я узницу сию, / дабы слабость ее ты крепила умеренными телесными вспоможениями, / а душу вдосталь восстановляла целебными наставлениями.

— Не тревожься, ибо материнскою / опеку я ее заботою.

— Отхожу в свой путь.

— С миром!

<Сцена 8. *Пафнутий, ученики*>

(1) – Кто стучит у дверей?

– Эй!

– Не голос ли то Пафнутия, / нашего учителя?

– Отворите!

– Здравствуй, отче.

– И вы здравствуйте.

– Тревожны мы были об отсутствии твоем долгом.

– Но было оное благом.

(2) – Что же сделалось с Таидою?

– Все по моему желанию.

– Где она?

– В малой келии / оплакивает прегрешения свои.

(3) – Слава Господу Триединому!

– И благословение имени Его грозному / ныне и присно.

– Аминь.

<Сцена 9, через три года. *Пафнутий*>

– Се, / миновало трехлетнее / Таидино покаяние, / мне же неведомо, / было ли Господу благоугодно / сердечное ее угрызение. / Встану и пойду / к Антонию, брату моему, / дабы чрез его посредство / стало мне сбывающееся явлено.

<Сцена 10. *Антоний, Пафнутий*>

(1) – Что сие за нечаянная радость? / что за внезапная приятность? / Не Пафнутий ли, брат мой и соотшельник? / Воистину он.

– Воистину я.

— Прекрасно, брат мой, что ты пришел, /
прекрасно, что меня приходом твоим порадовал.

— Не менее я ликую о твоем лице, / нежели
ты о моем приходе.

(2) — Какова же причина, столь мне отрадная, /
извела тебя из твоего уединения?

— Изъясню.

— Внемлю с жадностию.

— Обреталась у нас тому назад три года / блудни-
ца по имени Таида, / и не только себя погубляла, / но
и иных многих за собою к погибели увлекала.

— О, нравы достослезные!

(3) — К ней пришел я во образе любовника и
распутную душу ее поначалу сладкими поощре-
ниями льстиво услаждал, / после же суровыми
увещаниями грозно устрашал.

— Таково сочетание, / для ее распутства уместное.

— И она, отступаясь, порочные свои обычай
воспрезрела, / чистоту избрала / и себя в тесней-
шую келию заточить предпочла.

(4) — Радуюсь, слыша, / и ликует моя душа, /
и счастливо бываются / жилы моего сердца.

— Таковая радость / украшает твою святость; / я
же, безмерно ликуя о ее обращении, / пребываю, од-
нако, в некоем смущении, / преуспела ли ее телесная
слабость / одолеть трудов столь долгую тягость.

— Где неложно благоволение, / там присуще и
доброе сострадание.

(5) — Посему и тебя прошу о благоволении: /
чтобы ты и ученики твои / общими со мною мо-
литвами / дотоле усердствовали, / доколе не
явится небесное знамение, / что божественное

милосердие, / тронутое слезами покаяния, / удостоило кающуюся прощения.

— Соглашаемся мы на просьбу твою охотно.

— И всемилостивым Господом услышаны будете несомненно.

<Сцена 11. Антоний, Пафнутий>

(1) — Се, сбылось на нас евангельское обещание.

— Какое?

— Божье слово нам обещает, / что моление совокупное всего достигает.

— Что же?

— Павлу, ученику моему, некое / явлено было видение.

— Призови его.

<Антоний, Павел>

— Приди, Павел, / и поведай Пафнутию, что ты видел.

(2) — Видел я в видении ложе небесное, / чистейшими покровами прекраснейше устланное, / и при том ложе / четыре светлые девы стояли на страже, / и такая была дивная светлость и сладость, / что в душе моей мне подумалось: / «Славы такой достоин лишь один / Антоний, отец мой и господин».

— Недостоин есмь.

— И мне грянул небесный глас: / «Слава сия / не для Антония, / но для того хранится, / дабы обрела ее Таида блудница».

<Пафнутий, Антоний>

(3) — Слава сладости, Господи Христе, Твоего милосердия, / что в печали моей удостоен я столь благого утешения.

— Воистину слава.

- Ныне пойду / и узницу мою навещу.
— Да, пора возвестить ей спасительное упование /
и вечного блаженства обетование.

<Сцена 12. Пафнутий, Таида>

- (1) — Таида, дщерь моя приемная, окно свое
отвори / и лицо свое мне яви.

— Кого слышу я?

— Отца твоего Пафнутия.

- О, за что мне сладость толикой радости, /
что снизошел ты меня, грешную, навестить?

— Я три года, отсутствуя телесно, / пекся ду-
шою о спасении твоем небесном.

— Несомненно.

- (2) — Изъясни мне повесть твоего обращения /
и меру твоего покаяния.

— Изъясню свободно, / разумея, сколь мало /
делала я то, что Господу угодно.

— Если Господь на беззакония воззрит, / ни
единий не устоит [Пс. 129,3].

- (3) — Если хочешь знать, что я делала, / то ве-
ликое множество грехов своих я в мыслях своих как
в связку связала / и душевным оком постоянно на
них взирала, / дабы как от ноздрей моих мерзость
зловония, / так от мысли не отступал ужас адского
наказания.

— Покаянием себя наказуешь / и тем проще-
ние себе обретаешь.

— О, прощение вожделенное!

(4) — Дай мне руку, / я из келии тебя изведу.

— Нет, чтимый отче, / из нечистот моих не ис-
торгни смрадную меня, / по грехам моим да бу-
дет мне обитель моя.

— Время настало, умерив страх, / уповать на истинную жизнь в небесах, / ибо Всеышнему / угодно твое покаяние Господу.

— Ему же славу / да возносят ангелы и архангелы, / что не воспрезрел он смирения / сердечного моего сокрушения.

(5) — Будь же в страхе Господнем неколебима / и в любви к Нему неутомима, / и через пятнадцать дней / отрешишься ты от смертной своей / плоти / и по счастливом свершении пути, / вышнею благодатью осененная, / преселишься ты в горные селения.

— О, когда бы заслуга моя / избавила меня / от наказующего огня! / Ибо не по заслугам моим / быть мне одаряемо блаженством вечным.

— Даром Божий дар даруется [Римл. 3,24] / и заслугою человеческою не меряется, / ибо если бы сие благо по заслуге давалось, / благодатью оно бы не именовалось.

(6) — Посему да восславит Его согласное / пение всенебесное, / и весь круг земной, и всех тварей род, / и все бездны мятущихся вод, / что не только Он терпит наши согрешения, / но и дарует воздаяния / за наши покаяния.

— Так издревле / Господу угоднее / малых миловать, / нежели казни предавать.

<Сцена 13, через пятнадцать дней. Таида, Пафнутий>

(1) — Чтимейший отче, / не уходи от меня прочь, / не лишай меня утешения / в час конечного моего отрещения.

— Не уйду, / не отойду, / доколе, души твоей занебесному внемля плесканию, / тела твоего не предам погребению.

(2) — Приступаю умирать.

— Ныне должно молитвы воссыпать.

— Господи, сотворивший меня, / ныне помилуй меня, / и душе, которую Ты одушевил, / для счастливого возвращения к Тебе дай сил.

(3) — Не сотворенный ни от кого, / Образ, Коему чуждо вещества, / Чье Единобытие / воздвигло состоять из оного и сего / человека, который не есть то, что он есть, / — даруй разновидным частям разрешаемого человека / желанно воротиться к тому, что началом их было от века, / дабы и душа, / небесною причастностью хороша, / к радостям небесным возвеялась, / и тело в нежном лоне земли, вещества своего, мирно улелеялось, (4) впредь до дня, когда прах сойдется с прахом / и возрожденные члены вновь живым проникнутся духом / и восстанет сия Таида в совершенной своей человечности / в овчем чистейшем стаде / вековечной радости ради, / — Ты же, иже един еси еже еси, в Триединости Твоей царствуй и славься во веки веков.

Руодлиб

Средневековая латинская поэма «Руодлиб» — неизвестного автора, незавершенная, мало читавшаяся — вошла в историю европейской литературы с устойчивой репутацией: «первый европейский рыцарский роман». Правда, к этому определению тотчас приходится делать разного рода оговорки, но из-за них историко-культурный интерес этого произведения становится не меньше, а едва ли не больше.

Рукопись «Руодлиба» была обнаружена в начале XIX в. на разрозненных листах большого формата, вклеенных в переплеты разных книг из библиотеки Тегернзейского монастыря в Баварии. По почерку видно, что писал ее один человек, хоть и в несколько приемов, а по характеру подчисток видно, что это, скорее всего, автограф самого сочинителя — нечастый случай в средневековой текстологии. Кроме того, один фрагмент сохранился в копии (очень близкой по времени) из библиотеки Санкт-Флорианского монастыря. Всего в дошедшей до нас части поэмы около 2300 стихов, из них около трети — сильно поврежденные. Они образуют 18 отрывков с большими разрывами между ними; даже порядок этих отрывков восстанавливается исследователями не еди-

ногласно. Первая полная публикация принадлежала Якобу Гримму и его ученику Андрею Шмеллеру (*Lateinische Gedichte des X. und XI Jh. Göttingen*, 1838), потом поэму издавали Ф. Зайлер (1882), К. Лангош (1957), Э. Зейдель (1959) – с последнего издания и сделан нижеследующий перевод (*Ruodlieb: the earliest courtly novel / Introd., text, transl., comm. and textual notes by E.H. Zeydel. Chapel Hill, North Carolina UP, 1959*).

Первоначально считалось, что дата произведения – около 1030 г. (встреча королей на мосту напоминала встречу императора Генриха II с французским Робертом II на Маасе в 1023 г.); теперь считается, что скорее это время около 1050 г. (во время пропаганды «Божьего мира» между феодалами после декларации 1040 г.). Безымянный автор «Руодлиба» – наряду с безымянным автором «Ecbasis captivi», Випоном и собирателем «Кембриджских песен» – видимо, принадлежал к малоизученному культурному кругу императора Генриха III (1039–1056). Он хорошо знаком с придворным бытом, любуется дворцовой роскошью и светским вежеством, списывает с натуры сохранившиеся до нас драгоценности королевы Гизелы, матери Генриха III (V, 340), знаком с новыми византийскими монетами (V, 323), знает новомодную игру в шахматы, ученых животных и птиц (но еще не соколиную охоту, которая развилась позже). Тегернзейский монастырь в это время уже клонился к упадку, но еще пользовался общим уважением.

Сохранившаяся часть поэмы содержит четыре эпизода.

Первый эпизод. Рыцарь по имени Руодлиб, доблестный, но бедный, служил разным сеньорам, но не видел от них ничего, кроме обид. Он оставляет свое поместье и едет искать счастья на чужбину. Там ему удается попасть ко двору «большого царя» и снискать его милость искусством в охоте и рыбной ловле. Случается война; « большой царь» отправляет его во главе войска, а после победы — во главе посольства к «меньшему царю». Руодлиб устраивает встречу двух царей (подробнейше описанную) и тем содействует заключению мира. Тут к нему приходит письмо от матери: враги его погибли или угомонились, а друзья и вассалы просят его воротиться в свою землю. «Большой царь» отпускает его, а в награду дарит ему щедрые подарки и сверх того — двенадцать мудрых советов. Советы такие: 1) не водись с рыжим; 2) не съезжай с дороги, чтобы объехать грязь по засеянному полю; 3) ночуй не у старого мужа с молодой женой, а у молодого мужа со старой женой; 4) не впрягай в борону кошку на сносях; 5) не надоедай собою друзьям; 6) не давай воли служанке-наложнице; 7) не давай воли и жене; 8) сдерживай гнев; 9) не спорь ни с сеньором, ни с судьею; 10) проезжая мимо церкви, помолись; 11) если кто позовет тебя с ним разговеться, согласись; 12) придорожное поле не окапывай.

Второй эпизод: сбываются первые три совета. По дороге домой к Руодлибу прибывает рыжий

бродяга. У Руодлиба он крадет плащ (но Руодлиб не подает и виду); встретив грязь, он облезжает ее по засеянному полю и за то побит мужиками (а Руодлиб невредим); а добравшись до ночлега, он останавливается у старика, польстившегося на молодую и похотливую жену (а Руодлиб — у пожилой хозяйки, после смерти мужа вышедшей за толкового молодого работника). Рыжий тотчас заводит шашни с молодой хозяйкой, ночью старик застает их вместе, в драке рыжий его убивает, любовников хватают и утром выводят на суд. Женщина слезно каётся, ее отпускают, и она до конца жизни терзает плоть власяницею, постом и молитвами. О казни рыжего рассказ не сохранился.

Третий эпизод. По дороге Руодлиб встречает своего племянника, избавляет его от дурной женщины и берет с собой. Они гостят в замке знакомой вдовы с дочерью, всех пленяя светским обращением; племянник и вдovья дочь любят друг друга, народ радостно празднует их брак. Тем временем Руодлиб приезжает домой, родня и друзья встречают его ликованием, мать уговаривает его тоже взять жену, чтобы родить наследника. Однако женщина, которую ему сватают, оказывается, имеет любовника-клирика; Руодлиб отвергает ее и остается чист.

Четвертый эпизод. Мать Руодлиба видит сон: ее сын побивает мечом два стада диких вепрей, а потом оказывается сидящим на высоком дереве, и птичка-голубка возлагает на него венец и садится рядом с ним. Сон, видимо, начинает сбы-

ваться: Руодлиб схватывается перед дикой пещерой с горным гномом, и тот за пощаду обещает показать ему клады двух царей, отца и сына: Руодлиб их победит, а царскую дочь возьмет за себя замуж и станет наследником царства. Здесь, у самой завязки, поэма обрывается; как должны были сбыться в дальнейшем повествовании остальные девять мудрых царских советов, мы не знаем.

Поэма «Руодлиб» замечательна соединением всех трех пластов средневековой европейской культуры: рыцарского, клерикального и народного. Виднее всего это в образе главного героя. Руодлиб прежде всего — образец рыцарских добродетелей. Точнее, добродетелей рядового рыцаря: он не богатырь и даже не вельможа, на царей и знать поэма смотрит снизу вверх. Руодлиб верно служит всем своим сеньорам и терпеливо ждет от них ответной верности. Он богобоязнен: на первой странице поэмы он молит Господа о помощи, выезжая в дальний путь, на последней вместе с матерью благодарит Господа за все хорошее и худое. Он благороден с побежденными: «Будь в сражении лев, но будь в отмщении агнец» (и таков же чтимый им «большой царь»). Побежденного графа он с честью доставляет к своему государю, но гонит перед ним толпу захваченных пленных, чтобы тот видел и угрызался сердцем. Он вызывает общее уважение не тщеславием, а скромностью: рыцари «большого царя», дивясь, что за десять лет верной службы он заработал «лишь на прокорм и платье», вос-

клицают: «Так не поистине ль он есть столп всего нашего царства?!» Он искусен на охоте, щедр в застолье, изящен в обхождении, играет на арфе. (Но реалистически неграмотен: письмо матери ему читает «чтец».)

Замечательно, что все это — добродетели не военного, а мирного времени. Главная рыцарская доблесть — боевая — мало трогает стихотворца-монаха. Правда, описание победы Руодлиба над войсками соседнего царства просто не сохранилось, но и без этого в поэме было много случаев помянуть его храбрость и удачу, а сочинитель этого не делает. Ему, лицу духовному, ближе к сердцу не храбрость, а мудрость, щедрость и красота: он без удержу любуется царскими дарами, придворной утварью, драгоценностями, одеждами, забавами. Хоть герой и неграмотен, он учен: на охоте и в рыбной ловле он делает чудеса, потому что пользуется удивительной травкой буглоссой, описанной Плинием. А когда «большой царь», отпуская, спрашивает его, что предпочтет он в награду, богатство иль мудрость? — Руодлиб отвечает: мудрость, потому что «лучше лишиться добра, чем лишиться здравого смысла»: где богатство, там и зависть и обман, и вражда, а где мудрость, там ею можно добыть и богатство. И царь, славный «агнчею кротостью и софийною мудростью», дарит ему двенадцать известных нам мудрых советов и лишь в придачу к ним — пару хлебов с незаметным золотом.

При всех этих добродетелях, светских и духовных, герой совсем не кажется отвлеченно-идеали-

зированным. Это оттого, что общий тон поэмы — бытовой, приземленный, богатый житейскими подробностями, местами даже шутливый. Такого красочного изображения крестьянского быта, с которым сталкивается герой, европейская литература не знала и через триста лет. Возвышенные тирады встречаются — похвалы Руодлибу, похвалы государю, — но лишь изредка и только в устах действующих лиц. Школой высокого стиля для латинского Средневековья была античная поэзия — здесь заимствований из нее нет почти совершенно. Напротив, главный источник неизвестного автора — фольклор, причем не только немецкий: параллели к истории с рыжим отыскиваются и в славянских, и в кельтских сказках. От этого Руодлиб наряду со своими рыцарскими и человеческими качествами приобретает еще и качества сказочного героя — здравомысленного, простодушного и удачливого. До сверхчеловеческих доблестей и добродетелей, которыми будут сверкать рыцарские романы сто и двести лет спустя, здесь еще очень далеко.

На русском языке поэме «Руодлиб» посвящена малотиражная монография Т.К. Сулиной (Первый роман в средневековой литературе Европы. М.; Калуга, 1994) — обстоятельная и добросовестная, хотя слишком замыкающая свой кругозор немецким культурным материалом. (Давняя склонность немецких исследователей видеть в таких памятниках, как «Руодлиб», не интернациональную средневековую латинскую литературу, а «немецкую литературу на латинском языке», хо-

роша известна.) Несколько отрывков в переводе М.Е. Грабарь-Пассек были напечатаны в антологии «Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.» (М., 1972). В подлиннике поэма написана гексаметром с постоянными внутренними «леонинскими» рифмами («Жил-был некогда встарь родовитый доблестный рыцарь...») — передать эти разноударные рифмы в переводе нам не удалось.

I. [Руодлиб отъезжает на службу к чужому царю]

Жил-был некогда встарь родовитый доблестный
рыцарь,
Древнюю славу отцов украсивший кротостью нравов.
Межу сеньоров своих он числил больших и богатых,
Но хоть служил он всегда отменно и всем
в удовольство,
Он за свои труды не снискал достойной награды.
Много иные из них поручали дел ему важных,
Месть ли какую свершить, иное ли что-нибудь
сделать,
Он не медлил ни днем, все делал с великим
усердьем.
Часто во имя господ рисковал он собственной
жизнью,

10 Будь то в жестоком бою, иль на ловле, иль где ни
случалось,
Но ничего не имел — претила злая фортуна.
Всякий рад посулить, да не всякий надежен
исполнить!

Из-за таких обид и от них возникавших раздоров,
В коих обидчик силен, а он, бессловесный, бессилен,
Жизнью подобной устав, а лучших надежд не
изведав,
Он оставил поместье, чтоб мать блюла его с честью,
И порешил попытать удачи на дальней чужбине.
Только при нем и был товарищ его щитоносец,
Везший с собою мешок, наполненный всякою
кладью.

- 20 Смолоду был он учен таскать хозяйскую тяжесть —
Сумку на правом боку, а щит господина — на
левом,
В правой руке — копье, под щитом — колчан со
стрелами,
В сумке же всякой еды довольно на первые нужды.
Вздел господин доспех, и поверх — шерстяную
рубаху,
На голове у него — шелом из блещущей стали,
Меч на боку его в злате до самой блестит рукояти,
С белой шеи висит подобие грифова когтя,
Пусть не целого когтя, но все же длиною в
пол-локтя;
С каждой он стороны и к узкому он оконечью
- 30 В чистом золоте был и в ремне из кожи оленьей,
Цветом не белой, как снег, но блестящей, как камень
граненый.
Если подуть, издавал он гул сильнее, чем трубы.

Вот говорит он «прости» и дому и матери милой.
Конь под ним вороной, как будто вымытый мылом;
Но по его черноте рассыпаны белые пятна.
С левой его стороны свисает грива на шею,

В панцире блещет грудь, под стать седоку из
знатнейших;
У боевого седла ничто не привязано было,
Кроме кожаной фляги, пропитанной сладкою мазью,
Чтоб налитое питье ароматнее было и слаще, -
Да невеликой подушки, из алого бархата шитой.
Как он вскочил на коня, — сам конь на дыбы
подлетает,

Словно рад, что на нем такой могучий наездник.
Вслед за ним вырывается пес, отменно проворный,
Пес-ищейка, какого нет на свете другого,
Перед которым зверь никакой, ни большой и ни
малый,
Сроду не ускользнет — любого найдет и поймет.

Матери он говорит «прости», и слугам «простите»,
Всех целует в уста, от слез лицо его влажно;
50 Дернул коня за узду, боков касается шпорой,
Мчится в открытый луг быстрее, чем ласточка в небо.
Смотрит всаднику вслед и взор отвести не умеет
Мать его из окна и челядь его из ограды:
Смотрят вслед, вздыхают, слезу проливают, стенают,
А как уже его не видать — еще больше страдают.
Слезы затем отерев, как будто лица умыvши,
Все спешат со всех ног сказать госпоже утешенье, —
А госпожа, сердечную боль прикрывая надеждой,
Их утешает сама, их горькое видя унынье.

60 Между тем не меньше забот осаждают и сына.
Он в дорожном пути о многом с собой размышляет:
И о том, что дом сторожить — не стоит усилий,
И о том, что со всех сторон встающие распри

- Днесь понуждают его уйти из отчизны в изгнанье,
Что на чужой стороне готов он на низкую службу,
Если фортуна к нему по-прежнему будет враждебна,
Если как мачеха, а не как мать, ему ближние будут,
И обернутся дела не лучше, а хуже, чем прежде.
Так, в тоске и слезах, он молит Господа Бога,
- 70 Да не покинет его и не даст бесславно погибнуть,
Но воспоможет ему превозмочь труды и невзгоды.

Так скорбя, въезжает беглец в соседнее царство;
Тотчас там навстречу ему едет царский охотник
И говорит «привет», и «привет» от рыцаря слышит.
Рыцарь изгнанный был и мужествен видом и крепок,
И громогласен в речах, и разумен в толковых ответах;
Но, услышав вопрос, кто он, куда и откуда,
Слова в ответ не сказал и ехал презрительно молча.
Стыдно встречному стало ловцу за вопрос; он

подумал:

- 80 «Если это посол ко двору, то мала его свита:
Кто за ним везет дары и кто меченосец?
Думаю, бедный он человек, но доблестью славный».

Молча подумал он так и снова уста размыкает:
«Не осерчай, прошу, если вновь начну я вопросы,
Ибо хочу тебе быть не во вред, а в посильную пользу.
Я здесь царский ловец, царю и верен и дорог,
Царь склоняет слух ко мне благосклонней, чем к
прочим.

- Если ты, покинув свой край от вставших усобиц,
В эти явился места, где я, как и ты, чужеродец,
90 С тем чтобы службу нести и печальную участь
поправить,

То я хотел бы тебе помочь полезным советом.
Если ты хорошо изучил искусство охоты, —
О, под какой счастливой звездой обрел ты изгнанье!
Любит охоту наш царь и сам в охоте искусен <...>
---- [пропущен 1 стих] ----

Даст имущий, не даст неимущий — ведь нечего
датъ-то!

Наш же царь заведомо даст не нынче, так завтра:
Ты не будешь иметь нужды в еде и одежде!
Если ведут ему в дар коней прекрасных и быстрых,
Он доверяет их нам: испытать их бег и их норов,

100 Кто проворен и скор и послужен узде без
упрямства,
И кому надобен этакий конь, тот его и получит.
Ты за прожиток платить ни гроша на службе
не будешь —

Всю еду и питье получишь, сколько попросишь.
Даже и за столом, от важных вельмож отвернувшись,
Он во время пирам, шутя, беседует с нами.
Если ему привезут угощенье получше — подарит,
И не в уплату за труд, а в знакуваженья и чести.
Если ты хочешь со мной побрататься вечным

союзом,
То давай же сомнем в знак верности наши десницы,
Дабы пребыть нераздельно до часа горестной смерти.
110 Где б ни случилось нам быть, мы станем о деле друг
друга
Печься как о своем и стараться сделать получше».

Рыцарь-изгнаник поверил ему и так отозвался:
«Добрый мой господин, видна мне твоя
благосклонность!

Твой хороший совет отнюдь не премину
вниманьем,
Ибо мою судьбу угадал ты верно и точно.
Будь же так! Будь верный союз меж тобою и мною!»
С этим сомкнули они десницы и стали друзьями.
---- [пропущен 1 стих] ----
Запечатлели они поцелуем вечную дружбу,
С тем чтоб единой душой служить владыкам друг
друга.

120 Между тем как они об этом вели разговоры,
Стали они подъезжать к столице ближнего царства,
К той, где царь оглашал закон окрестному люду.
Въехали в стены они, коней и слуг разместили
И поспешили тотчас ко двору пред царские взоры.
Видя охотника, царь обратился к нему со словами:
«Молви, откуда спешишь и какие приносишь нам
вести?
Верно, выследил ты, по нашим рыская чащам,
Вепря или медведя, угодный предмет для охоты?»

130 Ловчий ответил ему не так, как царю, а как другу:
«Не кабана, не медведя — ловца кабанов и медведей
Выследил я, повстречал и с собою к тебе привожу я.
Это — юный боец, достойный служить тебе службу,
В славном деле ловцов он ловок весьма и удачив,
Как заключил я, увидев его в совместной поездке, —
Будь лишь воля твоя, ты сам испытать его
сможешь.
Он везет тебе дар, хоть и малый, однако достойный,
И коли примешь, вступить в твою желает он свиту».
Левой рукой держал он пса с двухцветною шерстью,
Шея же пса была золотою украшена цепью...

II. [Царь дружески принимает пришельцев. Руодлиб показывает свое искусство в рыбной ловле с помощью травы буглоссы]

...Силу этой травы ученые так описали:
Если ее иссушить, растереть, подсыпать к муцице,
Шариками скатать не больше боба иль фасоли
И побросать их в реку иль пруд на съедение рыбам, —
То любая из них всплынет из глубин на поверхность.
Меж трех пальцев скатав такие круглые комья,
Он бросает их в пруд, а там уж сплываются рыбы,
Каждая жадно стремясь схватить назначенный

шарик.

Только отведав его, под водой они больше не
в силах

- 10 Плавать, а над водой взлетают, как будто играя,
Кто куда, но вглубь нырнуть они больше не могут.
А человек в челноке плывет на веслах по пруду,
Рыб подгоняя прутом туда, где песчаная отмель;
Там стоят уже двое, простерши сеть под водою,
И выгребают улов подальше на твердую сушу.

Так ловил он рыб, а товарищ оказывал помощь.
После того, приказав поварам на уголья бросить
Меньших рыб, больших они на щите разложили
И отнесли к царю: «Вот все, что смогли мы
сегодня».

- 20 — «Удочки были у вас, крючки, невода или сети?»
— «Нет, наш лов не таков, — говорит чужеземец, —
однако

Есть такая власть, что сами к нам рыбы выходят
И поверх воды кувыркаются нам на потеху:

Им под водою невмочь, над водой устают они скоро,
Тут-то мы их прутом и гоним скончаться на суще».
— «Это, — царь говорит, — хотел бы и сам я увидеть».

Плиний различных трав описал различные
свойства

И похвалил особо траву под названьем «буглосса».

Если, он говорит, положить ее в крепкий напиток,

30 То хоть пей без конца, а пьян никак не напьешься.

Если ее растереть в порошок, — так учит нас

Плиний, —

И на мясной кусок посыпать, и бросить собаке,
То становится пес слепым на недолгое время.

Всякая тварь, какая на свет рождалась слепою,
Этой отведав травы, опять лишается зрея.

Ловчий рыцарь, этой травы знаток и любитель,
В дальний уходит лес, где стаями водятся волки,
А товарищ за ним ведет козу на веревке.

Эту зарезав козу под сенью ветвистого бука,

40 Шкуру сдирают с нее, а тушу рубят кусками,
Каждый кусок порошком посыпают, все кутают

в шкуру

И залезают потом на дерево, прячась меж веток.

Рыцарь-изгнаник отоль искусно по-волчьему воет,
То как старый волк, то как молодые волчата,

Так что поверит любой: это вправду лесные злодеи.

Сходятся волки на вой, находят под деревом козу,
Быстро ее растерзав, мгновенно ее пожирают

И, не успев разойтись, теряют всякое зрея.

Вот какие дела и подобные рыцарь захожий

50 Делать умел и всех привлекал к себе дружеским
чувством.

В это время царство стояло покойно и мирно.
Были в ладу пограничные жители смежного царства
С нами, а наши блюли и к ним такие же чувства,
Друг ко другу ходили на торг при всякой потребе,
Дар давали друзьям и дар от друзей получали,
Брали в жены невест с обеих сторон пограничья
И величали себя зятьями и кумовьями.

Эта меж ними любовь продолжалась долгие годы,
Но по нашим грехам разрушились мирные узы.

- 60 Общий враг людской, ненавистник нашего мира,
Не преставал рассевать семена опасных усобиц,
Чтобы, где верность была, там ей и конец наступал бы,
А вслед тому начинались жестокие войны.
Как-то в базарный день при многом стечении народа
Из-за пустых причин случилось много убитых...

III. [Пограничный граф соседней державы затевает войну. Царь собирает войско и ставит во главе его Руодлиба. Он разбивает врагов, а графа берет в плен. Тот признается, что предпринял это не по своей воле, а по приказу своего царя. Руодлиб ему говорит: ...]

«Царь ваш мне знаком, он муж достойный и
мудрый,
Это слова не его, а твоей надменности глупой;
Видишь сам, добился ли ты желаемой чести:
Мнил ты славу стяжать, а сгубил ты верное дело —
Право, ты заслужил быть вздернут вниз головою».«
Все на это вскричали вокруг: «Зачем же ты медлишь?»
Вождь ответствовал так: «Наш царь повелел вам иное:

- Не убивать того, кто в плен попал или сдался,
А получить за него, как принято здесь у обоих,
- 10 Наших пленных людей и посильную долю добычи.
Есть ли выше честь, чем когда побежден победитель?
Будь в сражении лев, но будь в отмщении агнец!
Слава невелика — отмстить былье обиды:
Трижды лучшая месть — смирить кипящую ярость.
Вот почему прошу — изъявите ваше согласье!
Пусть преступный граф при нас пойдет безоружен,
Иль на своем коне, иль на том, который похуже;
Если позволите — пусть при нем в услужении будет
Паж — вести и кормить коня и конника тоже,
- 20 Чтобы свою же знать пред собою же видя в оковах,
Он понимал и этот позор, и эту опасность
И никогда б не пошел на такое безумное дело».
Все кричат всенародно, что это решенье угодно,
И поспешают в обратный путь с ликованьем
- великим.
- И хоть видят они в пути, как пылают их села,
Это им не в печаль, потому что с ними свобода.
- Вождь, вельможи и все остальные царские люди
В град пограничный идут, заточают пленников
- в башню,
- Смотрят, все ли спаслись друзья, и радостно видят
- 30 Всех в живых, и ко Господу шлют благодарные
- клики.
- Вождь к царю отправляет гонца с подробною вестью
И чтоб услышать приказ: что ныне с виновными
- делать?
- Вестник требует дать коня; щитоносец подводит
Тут же к нему скакуна, подает ему прут из ограды;

Сел ездок на коня, хлестнул, конь мчится, как птица,
Шпоры с двух боков багрятся конскою кровью.

Царский сторожевой, с высокого видя утеса
Скачку гонца, говорит: «Спешит к нам юноша
некий —
Ради вести пустой не стал бы он так торопиться».

- 40 Все навстречу бегут, все рады новое слышать,
Лошадь берут под уздцы, а гонца пытают: «Что

скажешь?»
Вестник всем говорит привет, ни многий, ни малый,
Меч отдает слуге, спешит пред царское место
И возглашает: «Незыблемый столп и надежда народа.
Здрав цвети, веселись и ликуй, достойный хвалений!»
Царь на это: «Скажи, каково мое верное войско?
Все ли остались в живых, или кто погиб среди

схватки?

Вся ли добыча, у нас отбитая, к нам воротилась?»

- Вестник, уже окружен отовсюду людной толпою,
50 Так, склоняясь, говорит: «Да минет подобное горе!
Радуйся: все в живых, никто не погибнул из верных,
Вся добыча опять при нас, цела безущербно;
И вопрошают друзья тебя чрез меня о едином:
Как им с пленниками быть, которые ныне в оковах?
Кроме этого, царь, никакого нет к тебе спроса».

Царь велит гонца одарить тремя марками золота
И говорит такие слова восхищенному даром:
«Друг, возвращайся к своим и такое товарищам
МОЛВИ:
Всех, на словах и в делах, вас царская ждет
благодарность —

- 60 Будьте ж скорее назад со всеми, кто узники ваши!»
Юный гонец пригнулся в седле и мигом в дорогу —
Два часа сюда и час скакал он обратно:
Так от хороших наград окрыляется бег лошадиный.

Только приспел он во стан — созывает всех воедино,
Все на широком дворе вокруг становятся башни;
К ним обратясь, посол говорит сквозь оконные
прутья:

«Вам посыает царь великое благодаренье,
И на словах, и в делах, какие последствуют слову.
Хочет царь, чтобы вы скорее к нему поспешили

- 70 И чтобы не был никто из злодеев отпущен на волю...»

IV. [Войско возвращается с пленными. Царь их милостиво принимает, а пограничному графу предлагает остаться при себе, подальше от опасности. Руодлиб отправлен к «малому царю» с предложением прощенья и мира. «Малый царь» принимает его с почетом, собирает совет и обсуждает, как ответить «большому царю» и какие послать ему дары]

«Ныне настала нужда услышать разумное мненье,
Как отблагодарить большого владыку за милость?
Речь не о словах, которых у нас предовольно,
Речь о дарах, обильных и разных, какие отправить:
Будь то мои скакуны в покрытой золотом сбруе,
Будь то серый короткий мех или длинный
цветистый, —
Кто чем может помочь, пусть скажет об этом
словесно».

Все отвечают ему, что во всем охотно согласны.
Благодарит их царь и так свою речь продолжает:

- 10 «Прежде всего поведайте, что мне ответить
посланцам?»

Был при дворе мудрец, превосходнейший прочих
философ,

Ибо ни страх, ни любовь не могли смутить его разум,
Ищущий верный путь к всегда благому решенью.

Все ему говорят: пусть скажет первое слово.
Он в ответ: всему указ — королевская воля,
Следовать ей одной он хочет и всех призывает.
Царь на то: «Если мне предложено высказать волю,
То пускай войдут послы и своими словами
Все перескажут для вас, хоть верьте вы им, хоть не
верьте».

- 20 Тут ввели послов. Вошли они, царь заявляет:
«Вот, ваш царь и мой друг прислал ко мне вас с
речами,
Сладкими нашим ушам и достойными всяческой
веры —
Как он милостив был, помиловав смерти достойных
И воротивши тех, кто был на волос от казни.
Этой милостью он оказал нам великую почесть —
Мне подобает и вам отслужить ее честно и вместе,
Если он сделает так, как сам через вас предлагает».
Так отвечает посол: «Наш царь не так переменчив,
Правда в мыслях его, и правды желает он в речи».
- 30 Царь говорит: «Скажи, когда и где это сделать?»
— «Это, — ответил посол, — решать тебе, государю».
— «Ты, однако, скажи, в каком нам встретиться
месте,

Чтобы на тысячу лет два царства сблизились миром». Молвил посол: «Если ты, господин, и эти вельможи Будут согласны, то нет удобнее места для встречи, Нежели поле то, где сходятся наши границы И на котором мы недавно бились друг с другом.

Там свобода дана всем пленным, нашим и вашим, — Где распустят их, там и быть меж державами миру».

- 40 Всем показалось к тому пригодно просторное поле, Чтобы обоим царям сойтись для мирного дела: А чтоб собраться к тому, назначено три семидневья.

После этого царь встает, совет распускает
И с друзьями идет отдохнуть в жилые покои.
Тут вручают послам дары для их государя —
Вновь от царя к царю благодарности должные знаки.
Лучшее им вино в широкой замещано чаше;
Выпив, встали послы и просят пустить их в дорогу.
Царь говорит: «Прошу, послушайте, добрые гости,
50 Что я вам скажу: передайте царю не как другу,
А как отцу, который детей добру наставляет:
"Сердцем каков ты есть, таков и в слове ты слышен —
В слове, которое к нам твое доносит посольство.
В нем — виновным прощенье, и в нем — надежда
спасенья,
Дивная в нем полнота доброхотной любви к
человеку;

Мы на такое воздать бессильны мерой за меру.
Мы, однако, разбиты тобой на поле сраженья,
Подчинены тебе и обязаны всякою службой,
И готовы идти, куда изъявил ты желанье, —
60 Три семидневья спустя, как об этом условлено ныне,
В место, которое вам и нам одинаково зrimo,

В поле, которое ты нам первый обдуманно назвал".
Если я что позабыл, — то ваша верность доскажет».

Чинно послы в ответ: «Поистине сам ты достоин,
Чтобы служили тебе мы вечно преданным сердцем». Делаают низкий поклон, «прости!» говорят и выходят.
Дальше, как водится, ищут они правителя дома,
Тот им вручает дары, а от них принимает прощанье,
А по приказу царя провожатого в путь назначает,

70 Чтобы, о чём ни попросят они, все было готово.
В этом старанье усердствовал он от чистого сердца
Вплоть до того, как довел гостей почетно и мирно
До порубежной черты, разделявшей смежные

царства.

Здесь одарили его, отблагодарили словами
И передали поклон царю. «Передам», — он ответил.
Так простиивши с ним, они воротились в отчизну.
Только вступив во дворец, царя они ищут увидеть.
Тот, приметивши их, благосклонно приемлет обоих
И говорит: «Какую же весть несете вы нынче?»

80 Старший ответил посол: «О царь, Господь тебя
любит:
To, что другие цари обретают великим усилием,
Ты из Господних щедрот получаешь, нимало не
тратясь,
Ибо поистине все с тобою смежные царства
Верят, что ты — как лев, никогда не смыкающий
вежды.

Агнчая кротость твоя и твоя софийная мудрость
Больше приносят тебе, чем меч приносит иному.
Бог свидетель, что там, куда меня ты отправил,
Трудно сказать, боятся тебя или более любят.

Только услышал их царь (а с ним — и двор и
всльможи),

- 90 Что предложил ты ему и его большому народу, —
Честную службу блюсти по любовной склонности
сердца, —

Он встает, и шляпу долой, и гнется в поклоне.
После сел и молчал, пока до конца не услышал,
Как его и твои на границе поссорились люди,
Как напали врасплох его злодеи на наших,
Стали бить и жечь, и вязать, и грабить нещадно,
И как наши потом, собравши сил для отпора,
Пленных спешат отбить, а пленивших хватают
и вяжут.

- Выданные тебе, злодеи дрожат перед казнью,
100 Но милосердье твое сняло с них смертные страхи,
Ты им свободу вернул, утешил своею заботой,
Герцогам их, богачам, аббатам их и прелатам —
Всем воротил и слуг и коней и для них пропитанье.
Не по заслугам своим в темнице они и в оковах
Приняли должную кару, а жили твоими друзьями
Так, что, вернувшись к своим, едва ль не жалеют о
плене.

Сам пограничный граф, зачинщик всего
преступленья,
Не был отдан за то никому под надзор и под стражу —
Сам по себе живет и меч неотнятый носит,
110 Да не обидит никто того, кого царь возвеличил.
Я царю сказал: «Забудь и больше не помни
Тех подвластных твоих, которые в столько несчастий
Ввергли царство твое и покрыли неслыханным
срамом,
Ибо во славу твою заведомых этих злодеев

Ты получишь свободных от зла и во всем
безущербных,
Если захочет наш царь восстановить мир меж
народов».
Так сказав, я сел и смолк по царскому знаку.

Царь отложил свой ответ на завтра, на самое утро.
В этот утренний час пришли ко двору все вельможи,
120 Даже не ради царя, а ради того, что решится.

Всех допускают к царю, от кого ожидается польза
В этом царском совете о столь великом предмете.
Двери затем на запор, никакие речи не слышны,
Длится недолгий совет, соглашающий мысли

мудрейших.

Нам же, послам, в этот час подается обильнейший
завтрак.

Между тем как мы наедались и мы напивались,
Призваны мы, все трое послов, к царю и совету.
Мы послушно вошли. Предстали, и царь объявляет:
«О послы того, кто нам господин-покровитель!

130 Если бы мы могли хорошо и пристойно ответить
Вам на те слова, что отеческой милостью дышат,
То отвечали бы мы еще достойней и лучше.
Ныне же весть отнесите царю от меня и народа,
Здесь подвластного мне, от высших, средних и

низших:

Верную нашу ему обещаем покорную службу!
Дивная доблесть твоя, забота о людях и мудрость
Полнят душу твою и обличье твое украшают.
Знаем: мы несравнимы с тобой ни людьми, ни
богатством,
Знаем: лишь пожелай, и ты нас поделом уничтожишь;

- 140 Но высочайшая месть — воздаянье добром за худое,
Ибо венчает она человека не страхом, а славой.
Мощь твоя велика, доброхотство твое несравненно —
Вот ограда твоя, и ее никому не повергнуть!
Как! Обиженным быть и просить для обидчика
блага?
- Право, мнишься ты нам подобен Господу Богу,
Без побужденья, сполна, дарящему грешникам
милость.
- Нам тебе невмочь ничем подобным ответить:
Только молить, чтобы Царь, которого взял ты
примером,
- Тем же воздал и тебе, — и молим, устами и сердцем:
- 150 Долго живи и правь и красуйся богатством и силой —
Вот чего желать и о чем молить подобает
Нам и всем иным соседним с тобою державам,
Ибо ты наш столп, Христа земная замена,
Ибо пока ты жив, мы можем праведно править,
Зная, что верность твоя — нерушимый нам щит и
надежда.
- Ныне же, о государь, не гнушайся нашею просьбой:
Быть в установленный срок на том установленном месте.
Там мы выйдем к вам и встретимся в переговоре».
- Так он сказал, а потом одарил подарками щедро —
- 160 Длинным мехом, коротким мехом, конями во злате,
И напоил вином, блаженной любовью Гертруды
Соединивши нас всех; и напечатлел поцелуй,
И, со вздохом простясь, напутствовал
благословеньем.
- Выйдя от царя, пришли мы к правителью дома,
Он на обратный путь снабжает нас провожатым
И целованье дарит как знак великой любви,

Тем обещая служенье тебе, своему господину.
Так от всех мы встречены были приветом и дружбой.
А предназначенный нам провожатый усердно и честно
170 Нам служил во всей простоте открытого сердца
Вплоть до часа, когда мы увидели нашу границу».

Царь сказал: «Хвалю договор: он впрямь
безобманен.
Ну, а теперь скажи: что делать тебе приходилось?»
Так ответил посол: «Правитель царского дома
Был так добр, что все я имел, и ни в чем недостатка.
Часто в шахматы он играл, желая победы,
Но не умел одержать, разве сам с собою играя.
Пять он дней меня не пускал с царем повстречаться —
Все желая узнать, зачем и с чем я приехал.

190 После того, как ничем не смог он добиться ответа,
Царь послал за мной и все, что сказал я, услышал.
Свой, однако, ответ до другого дня отложивши,
Он приказал подать игральную доску и кресла
И повелел мне сесть напротив себя за доскою,

Чтобы сыграть игру; а я отвечал, что не буду, —
«Страшно ничтожному мне играть с венчанной
особой».

Только увидеть сумев, что я ему не соперник,
Я согласился играть в надежде быть побежденным:
«Если ты победишь, — говорил я, — что мне дурного?

200 Только боюсь, господин, что ты на меня
прогневишься,

Если фортуна кивнет и меня подарит победой».

Царь с улыбкой такие слова промолвил шутливо:
«О любезный посол, прошу, не тревожься об этом:
Если выпадет мне проиграть — ничуть не взмолнусь!
Знай, потому я хочу сыграть с тобой за доскою,
Что любопытствуя знать те ходы, которых не знаю». Тотчас царь и я усердно начали дело,
И на радость мою улыбнулась мне трижды победа,
Как ни дивились тому стоявшие рядом вельможи.

210 Ставит царь на меня, а мне на него запрещает,
И что поставил, дает, пока ничего не осталось.
Многие следом за ним садятся за доску в надежде
Отвоевать успех и новые делают ставки,
А от меня не хотят, доверяя неверной фортуне.
Все помогают друг другу, и всем от этого худо —
Свой у каждого толк, друг другу они лишь помеха.
Так, пока шел их спор, у них я выиграл трижды —
Трижды, ибо играть мне больше уже не хотелось.
Тотчас они мне дают все ставки, которые были;

220 Я сперва не хотел их брать, считая негожим
Обогащать себя и бездолить игравших со мною.
Я говорю: «На шахматах я не привык наживаться».
Мне говорят: «Здесь наша земля — здесь наши и
нравы;

А как вернешься домой — тогда и живи, как
привычно».

Как ни противился я, но взял, что они предлагали:
Так фортуна мне даровала и честь и богатство».

Царь сказал: «Такая игра должна быть доходна —
Видно, недаром твои башмаки изукрашены славно.

Что ж, спасибо тебе, отлично ты выполнил дело».

230 Он разослал ко всем, у кого были пленные в доме,
Свой приказ: собрать их к нему, красиво одетых,
Пешим пленным раздать коней и вернуть

верховыми,

В новые брони одев, как будто для новых сражений.

Тот пограничный граф облачен, как первыйший

вельможа,

В два коротких меха и в столько же пестрых и
длинных.

Дан ему красный плащ, весь в золоте и в самоцветах,
В коем бы он царю подавал вино за обедом;

Дан ему славный конь, иноходец скорый и сильный,
Золотом сбруя горит, на груди — сверкающий

панцирь;

240 Вместе кольчуга дана, удобная к всякому бою —

Как один на один, так и ратью супротив рати;

Острый меч, и шлем, и копье с коротким ударом.

Всем, кто в свите его, даются добротные платья —

Платья, какие они нечасто видели дома,

И доспехи, в каких безопасно любое сраженье.

Царь разослал гонцов созвать сатрапов и графов

К царскому их двору, и чтоб каждый с собою запасся

Всем, что нужно ему, и свите, и коням, и людям

На две недели вперед, а может быть, даже и больше.

250 Благочестивые с ними мужи зовутся к совету —
Кто аббат, кто епископ, лишь были б разумны и
дельны.

V. [Два царя, как условлено, встречаются на поле
бывшей битвы]

Царский широкий стан был с двух сторон
ограничен:

Посередине пустой, а с краев — палатки с шатрами,
Где бы, двенадцать созвав епископов или аббатов,
Мог государь на просторе скушать и завтрак, и ужин.
Возле стана стоял навес, повернут к восходу,
Видом велик, при нем — тропинки для пеших

прогулок,

А на конце, как большой мотылек, стояла палатка:
Там, под навесом, был стол, алтарным покрытый
покровом,

10 А на столе и царский крест и венец возлежали, —
Здесь государь любил спрашивать святую обедню,
Утренние часы соблюдал и вечерние также,
А между ними — все иные уставные службы.

Вот вошел государь, услышал священное пенье
И призывает второго царя, пославши посланца,
Вот уж не в первый раз посредника между двоими:
С тем чтобы оба царя о полдень обедали вместе.
Царь, увидев гонца, его привечает с улыбкой,
И поцелуем дарит, и так вопрошаet: «Что скажешь?
Ты от меня заслужил все самые добрые речи».
20 — «Мне мой царь повелел с такой прийти к тебе
вестью:

Прежде чем свидитесь вы, не вкушай полуденной
пищи!

Он уж в виду моста меж твоей стороною и нашей,
Где и скрепится мир, и решенья положены будут,
Пленники возвращены, и притом никому не в обиду,
Ибо предстанут они не в худшем виде, а в лучшем».
Царь: «Да будет так». И посол спешит к господину.

Как повстречались цари на ими назначенном
месте, —

Прежде слов они сочетали уста в поцелуе;
Наш государь велит, чтоб епископы сделали то же,
30 Сам одного за другим он всех лобызает аббатов,
Истинную любовь изъявляя придворным вельможам.
Как цари и весь клир, епископы все и аббаты,
Герцоги двух сторон, и графы, и прочие люди
Сели все заодно, царь начал мудрые речи:
«О мой гость и царь, из всех наибольше любезный,
Как уже я сказал и просил под великой присягой,
Что бы наш неразумный народ ни сделал друг другу,
Пусть отпустится грех и снова мир водворится,
И безобманное вновь меж ними наступит согласье.

40 Пусть не вспомнит никто, каким подвергся обидам,
Пусть забудет навек и не помышляет о мести:
Лучше за зло воздать добром, чем неладной победой».
Меньший царь встает с достойным благодареньем —
Но и заставленный сесть, все ж он молвит ответное
слово:
«Столько таких от тебя приявиши благодеяний,
Мы бессильны воздать по заслугам тебе
благодарность.

Тот, под чьим щитом ты победное носишь оружье,

Вдоволь тебя осенил хвалой и всяческой честью,
Так что нам не след славословия попусту множить.

- 50 Доблость, щедрость твоя и любовь к человеку
и Богу

Наперекор врагам тебя увенчали наградой.
Я и все, кто со мной, тебе обязаны службой,
Словно победой твоей под твои поставлены стяги».

Царь в ответ: «Да не будет того! Покуда живу я,
Да не умалит никто ни власти твоей, ни почета.

Оба мы цари, и себя я выше не ставлю —
Сколько я, столько ты и власти несешь и почета.
Ныне же время свершить то дело, к какому

сошлись мы:

Всех своих людей прими, но с новою честью».

- 60 Так сказав, явил он ему пограничного графа,
В царском наряде, в броне, как будто готового к
битве.

Девять было сот человек, при нем возвращенных, —
Каждый был в броне и каждый в достойном наряде.
И говорит: «Вот, царь, все те, кто остались живыми!
Было нехорошо, когда, одержавши победу,

С нами они обошли огнем, грабежом и убийством;
Как, напротив того, обошелся я с ними самими, —
Это сами расскажут они, по домам воротившись.

Пусть же наступит мир, и будем, как прежде мы
были,

- 70 Каждый другу друг и товарищу верный товарищ».

По совершеньи сего был мир заключен обоюдный,
Клятвой сугубой скреплен, для обоих царей
нерушимой.

Далее оба царя к своим вернулись палаткам

Попировать меж своих, и была великая радость:
Каждый рад, что друг к нему возвращается целый.

А как убрали столы, предстали люди с дарами,
Что подобают царю и вельможным сопутникам
царским.

- Тут выносят пятьсот талантов чистого золота,
И серебра, какого не счесть, и сто одеяний,
80 Крепких панцирей сто и столько же шлемов
булатных;
Дважды пятнадцать молов, одетых в конские латы,
Дважды пятнадцать диких ослов и столько же
верблюдов,
Двух леопардов, двух львов — друг друга достойные
пары —
И наконец, медведей двоих, единоутробных
Братьев, белых, как снег, черны лишь ляжки да лапы,
Каждый шел на задних ногах, и несли они чашу.
Если струнный игрец поведет свои пальцы ладами,
Пляшут медведи и в такт ладам топочут ногами,
Или подпрыгнут вверх, кувыркнутся и снова
присядут,

- 90 Или один другого несет, верхом усадивши,
Или бороться начнут, за бока ухвативши друг друга;
Если же люд поведет хоровод под музыку с пеньем,
Оба скорее туда и ищут тех женщин, которых
Звонче звенят голоса и звучит приятнее песня.
В крепкие лапы свои подхватив их нежные руки,
Встанут в рост и выступят в пляс, ворчат и бормочут,
Так что все, кто толпятся кругом, лишь диву
даются.
А коль медведь и заденет кого — никто не в обиде.

К этим добавлен дар еще один и не меньший.

- 100 Зверь есть рысь, рождена от блуда лисицы и волка,
А у нее из мочи самоцвет является дивный,
Имя — лигурий, цветом горяч и ценней, чем
карбункул.

Как добывают его — скажу, кто хочет услышать.

Сделать себе прикажи четыре ключа из железа,
В дважды двух местах их вставь в котел из металла,
Крепко ввинтив, чтоб никто не мог и силою вырвать.
Сделай сверлом дыру в кotle на самой средине,
Внутрь посади ту рысь, как ни бейся она и не гнися,
И к четырем ключам привяжи, как распяв, ее лапы,

- 110 А на упрямую шею накинь железную петлю,
Чтобы склонилась она головой и осталась в оковах.
Вдоволь ее корми, а тем паче пои ее вдоволь,
Самым крепким пои вином и приятным для вкуса.
Как опьянеет она, не станет сил удержаться,
И не заметив сама, она испустит урину —
Жидкость вытечет в таз сквозь отверстье, пробитое
в днище,
А не получится так — наступит конец ее жизни.
Если она не испустит мочи до самой кончины,
Надобно с мертвой шкурой содрать, обнажить ее
брюхо,

- 120 Вынуть из брюха пузырь, проткнуть его тонкой
иголкой
И осторожно мочу в очищенный выдавить тазик,
После чего разлить по маленьким медным сосудцам,
Каждый размером в боб, или в чашки не больше
ореха.

Эти сосуды зарой под землю на две недели,
А откопав, увидишь ты сам, что капли застыли

В них в самоцветные камни, которые все ты и
вынешь.
Будут они сиять в ночи, как яркие угли,
Будут достойны любой царицы, чтоб вставиться в
перстень;
Если ж они велики, то и царский венец изукрасят.

- 130 Следом — иные дары, хоть в них и меньше почета:
Здесь обезьяна с коротким хвостом и бесстыдно
открытым
Задом, здесь в серой шерсти и с пронзительным
криком мартышка, —
Хоть ни в одной, ни в другой человеку пользы не
видно.
Царские эти дары родословьем пополнены птичьим —
Два попугая и ворона два, говорящие пары,
С ними [— — — — — — — —]
Что ни услышат они, подхватят и тут же повторят.
Вот какие дары выносит царь иереям.
Герцогам вместо того — щиты, кольчуги и шлемы,
140 А при них рога, как одетые в золото трубы;
Графам — серых коней и одежды из куньего меха;
Воинам, кто познатней, — меховые кафтаны да
шубы.
Этим распорядясь, прилег отдохнуть он немного,
Но приказал разбудить, как проснется второй
венценосец.

Только разбужен — встает, садится на лошадь во
сбре,
С избранной свитой своей отправляется вновь к
государю,

А со всех сторон все бегут и служить ему рады.
Принял его государь, попросил с почетом усесться;
Младший царь говорит: «Государь, удостой меня

части

150 Вместе поехать со мной и даров моих не отвергнуть,
И да пребудут с тобой и все, кто тебя окружают». Царь сказал: «Да будет так. Поспешим с

посещеньем».

Всех своих вельмож он велит созвать пред собою,
А как они собрались и сели пред царской особой,
Ибо таков был порядок у них, — повелительно

просит,

Чтобы для каждого честь была дороже подарка
И чтоб никто не брал того, что предложено будет.
«Пусть не подумает он, что вы на добро его

льститесь!

Делайте так, как я, а сейчас ступайте за мною».

160 Вышли они за царем, все приняты были с почетом,
Сели за стол, и вино обошло три полные круга,
Как обращается царь к царю и пройти его просит
В ближний широкий двор, обнесенный высоким

балконом.

Там стояли столы, уставлены лучшим убранством,
Кони стояли в броне боевой, под стать государю,
Мулы стояли подряд и с ними большие верблюды,
Трижды десять диких ослов под уздою стояли,
Были там и львы и страшные те леопарды,
Рысь меж ними была на позолоченной цепи,

170 И обезьяна была, и мартышка, на привязи обе,
И близнецы-медведи, ученые многим забавам,
Птицы были там, говорящие по-человечьи,

Ворон, и попугай, и дрозд, и сорока, и галка.
Царь сказал: «Все это твое, государь наилучший,
Это награды твоим достойным и верным прелатам».
Каждому он пожелал подарить по тридесять фунтов
Золота, по пятьдесят серебра раздать капелланам,
Столько же дать остальным усердным епископским

слугам;

Для щитоносцев и малых служителей дворского чина
180 Не пожалел серебра по двадцать каждому фунтов;
И чтоб свое получил самый малый в полках

щепетильник,

Каждому по десяти отсчитал он заслуженных фунтов,
Дав двенадцатиерым епископам их для раздачи.

Герцогам он вручил мечи, и кольчуги, и шлемы,
Трубы для громкого зова к войне и щиты в позолоте,
Каждому, кроме того, шестьдесят серебряных

фунтов.

Графам дает коней в боевом железном убore,
Сопровождающим их — по десять на каждого фунтов.

И, наконец, двенадцатиерым королевским аббатам
190 Душу вверяет свою и у них услужения просит;
Каждый из них получил и из их товарищей каждый
Тридцать фунтов, и даже из служек каждый по

фунту;

В монастыри ж разослал по пятнадцать он фунтов на
брата.

Далее, царским друзьям и прочим наперсникам
ближним,

Кои при нем состоят от раннего утра до ночи,
Дуют в уши царю, подобно раковин шуму,
И за хороший взнос помогут тому, кто попросит,
Тысячу каждому дал талантов отменным залогом.

Между всех иных охотника он чужестранца
200 Всех щедрей наградил и его товарища тоже –
Тех, кто посланы были к нему с посольством о мире.

Эти увидя дары, государь остался доволен
И говорит царю: «Твои подарки отменны,
Но не желая тебе такого от нас разоренья,
Мы ничего не возьмем: добрый помысел лучше
предметов.

Я приму от тебя смешную пару медведей,
А для забавы царевне моей – дрозда да сороку,
Но благодарствую так, как будто все получил я.
Так же не нужно даров прелатам, герцогам,
графам;

210 Только в том, что даешь моим чернецам и аббатам,
Я не перечу тебе, ибо эти дары воздадутся –
Все они, прилежно служа всемогущему Богу,
Будут молить за тебя неотступно и денno и нощно,
Так что за каждый им дар воздастся небесным
блаженством.

А остальных вельмож уволь от толикой щедроты».
Лишь про епископских слуг промолчал он, нарочно
ли, нет ли,
Только они тайком получили награды и рады.
Переступить же царский приказ никто не решился,
Не пожелав и не взяв ни большого, ни малого
дара.

220 Тут цари сказали друг другу прощальное слово,
Облобызались, и каждый в свое возвращается
царство.

[Мать зовет Руодлиба воротиться]

Тут, вернувшись домой и зажив по обычному
нраву,

Руодлиб вдруг увидал одного человека, который
Милой матерью был к нему послан. Приветливо
встретив

Вестника, он говорит: «Скажи, моя матерь
здрава ль?»

Тот в ответ: «Жива и здорова и вот посыпает
Это письмо, где сказано все и вернее и лучше».

Взявши письмо, зовет он чтеца и прочесть его просит.
Тот, прочтя, сказал: «Тут коротко сказано вот что:

230 «Мы, твои князья, доброхотно и дружески просим:
К нам воротиться изволь, ибо все эти долгие годы
Плохо нам без тебя, хоть за нас оказался ты изгнан
И без конца принимал на себя усобицы наши,
А как покинул родные места для дальней чужбины,
Знаем, сколько и там опасных трудов превозмог ты.
Сетуем мы о тебе, всякий раз на совет собираясь,
Ежели надобно дело решить или спорить с

посольством, —

Ибо никто не сравнится с тобой в надежном совете
И не рассудит суд так честно и так справедливо,

240 И не возьмет под покров несчастных вдовиц и
сироток,

Коих готова всегда бездолить коварная алчность,
И воссыпают они, угнетаемы, слезные крики.

Ныне из всех твоих врагов никого не осталось,
Тот из них погиб, а этот вконец изувечен,
И ни единый тебе уже ни в чем не опасен.
О, любезный, вернись, ибо мы без тебя стосковались,
Дай обновить с тобой и мир, и вечную верность,
И наградить тебя за все, что давно заслужил ты,

Столько раз за нас не щадя и собственной жизни».

250 В самом конце письма и мать приписала приписку:
«Ах, мой милый сын, о бедной матери вспомни,
Ибо ты знаешь и сам, какой меня ты оставил,
В дальний отправившись край, — безутешную
дважды вдовицу,
Ибо нет при мне ни мужа, ни милого сына.
Живши прежде со мной, спасал ты меня от
несчастий,

А отлучась от меня, усугубил мое гореванье.
Первое время я дух собрала и стойко терпела,
Лишь бы ты был жив и хоть скуден, но безопасен
От угрожавших тебе врагов, столь сильных и грозных.

260 Ныне они уже все изранены или убиты —
Так воротись же, конец положи материнскому горю
И возвращеньем своим обрадуй своих домочадцев,
Да и не только своих, а и всех по нашей округе».

Выслушав эти слова, наш рыцарь ликует душою,
Но материнская весть увлажняет лицо его скорбью.
Скоро об этом узнал от людей его верный товарищ —
Трудно поверить, какой преисполнился дух его
грустью,

Да и не только его, а всех, кто водился с героям.
Сидя и стоя, они в глубине души тосковали,
270 Так говоря, что ему никто подобных не видел
Ни чистотою души, ни верностью доброго нрава:
Всем, кому мог, помогал, а зла ни к кому не
питал он.
А кто знали его последнюю царскую службу,
Все говорили: «Не диво ль? Трудом усилиным
и тяжким

Он заработал себе на самую крайнюю бедность —
Лишь на прокорм и на платье, а больше ни малой
награды:

Так не поистине ль он есть столп всего нашего
царства?»

Вот, с собою взяв своего любезного друга,
Рыцарь идет к царю и с такой обращается просьбой:
280 «Если бы я, государь, не страшился смутить твою
душу,

Я бы тебе рассказал о том, что меня омрачает». Царь отвечал: «Говори: я добр, и добьешься ты цели». Тут он пал к ногам царя, лобзал их лобзаньем, После же встал и поведал с трудом сквозь частые
вздохи:

«Лучше, царь, увидишь ты сам, каково мое дело», — И протянул письмо, которое передал вестник. Царь, его прочитав, сказал: «От души сострадаю! Если твои господа исполнят, что обещают, То мой совет: поезжай, посмотри, не оставь без
вниманья.

290 И в материнском письме я слышу добрую нежность, А потому не хочу мешать поперечным советом, Чтобы вернулся ты к ней, утешением неким явился И успокоил друзей, давно тебя ждущих увидеть. Так отправляйся, когда захочешь: прошу одного я — Здесь еще неделю побудь, потому что должны мы Прежде раскинуть умом, каким наградить тебя
даром.

Честно ты нам служил и был вернейшим из верных, Этого я не смею забыть и внимательно помню; И как не раз и не два ты шел на верную гибель

300 Ради меня и моих, — тебе зачтется по праву».

Изгнанный рыцарь царю говорит спасибо за память
Службы его при царе и такие слова прибавляет:
«Все, чем я послужил, отплачено мне по заслугам:
С той поры, как пришел на твою я царскую
службу,

Каждый день и хлеб, и вино делил я с тобою,
Много раз получал от тебя и почет, и подарки,
И от тебя, и от всех, кто здесь тебе верен и предан».

Повелевает царь два серебряных сделать сосуда,
Каждый — локоть в обхват, а видом как крупная
чаша,

310 Каждый из двух частей, глубокой с плоскою
крышкой,
Так прилегавших друг к другу, как будто бы это два
хлеба,

Если к тому же их обсыпать пшеничной мукою.
Первый сосуд наполняет царь золоченой монетой,
Той, которую люди у нас называют «безанты», —
Плотно так, что больше нельзя воткнуть ни единой,
Даже большим молотком, а встряхнешь — ни стука,
ни звука.

Это затем, чтоб, вернувшись домой, дела он
поправил,
Всех своих господ привлек к себе щедрой раздачей
И чтоб они за то исполнили, что обещали.

320 Чаша другая была внутри из двух отделений,
В ней с одной стороны опять же лежали монеты,
Чистого золота все, каленые огненной пробой;
Имя им дано византийскою той же столицей,

Надпись кругом из греческих букв и чекан в
середине:

Высшая власть и царская власть бок о бок друг с
другом,

Первая дланью своей благословляет вторую.

Эти монеты — затем, чтоб дать друзьям и ближайшим
Родичам в знак, что он и в самом тяжелом изгнанье
Благополучен был и ни в чем не понес посрамленья,

330 Но преуспел и с почетом вернулся на радость
домашним.

В то отделение, где такие лежали монеты,

Царь положил и дважды шесть искусственных запястий:
Восемь из них — сплошные внутри и свинцом не
налиты,

А золотые насквозь, со змеиными все головами,
Но не грозят их уста, а друг друга дарят поцелуем.

В каждом из них — немалый груз тяжелого золата.

Дважды два остальных были кольцами, гибко
витыми,

В каждом — веса полфунта, а вид — как на печени
жилы:

Эти должны служить не столько красе, сколько
пользе.

340 Далее, там была от царицы большая заколка,
В глиняной форме лита, единой, плотной и цельной,
Золотокузнец не касался ее молоточком,
И не долбило ее никакое иное орудье.
Был посередине орел, раскинувший крылья в полете,
Малый кристальный шар держался в кривом его
клюве,
В шаре же этом видны три очень маленьких птички,

Как живые они, готовы взлететь и умчаться.

Замкнут этот орел в золотом широком окружье —
Столь широком, что грудь во всю ширину

прикрывает;

350 Золота целый талант пошел на заколку недаром.

Впрочем, были здесь и заколки весом полегче,
В каждой был разный блеск от разного рода

жемчужин,

Словно если взглянуть на небо в горящих созвездьях.

Каждая весом была по ровной четверти фунта.

Эти с большой дуги спускались на тонких цепочках.

И еще заколка была невеликого вида,

Так, чтобы каждый день под горлом скреплять

покрывало

И не показывать кость, коль она крупна не по росту.

Далее, был в сокровищах тех золотой полумесяц,

360 Весом в целый фунт, — все искусство вложил в него
мастер.

Внешний выгиб его, равно и внутренний выгиб,

Были унизаны сплошь жемчугами разного цвета,

Теми, что в недрах скорлуп рождаются в месяце мае,

А промежутки, как водится, были из чистого золата.

И усыпает стекло украшеньями эту поверхность:

Шарик к шарику льнет, прожилками стелется золото,

То сплетаясь в узлы, то в листья, то в образы птичии.

В плавящем были они огне и стали шершавы,

После этого гладь наводилась влажным напилком:

370 У мастеров янтарем искусственным это зовется.

А за концом полумесяца, там, где предел украшенью,

Мелкие шарики сладостный звон издают на

подвесках.

Царь вложил такой полумесяц в сосуд осторожно,
Чтобы затем к нему добавить восемь сережек:
Были четыре из них благородными крыты камнями,
Блеском блестел берилл и пестрели вокруг аметисты,
Но четыре других украшались не камнем и перлом,
А соплетеньем узлов удивительно разного вида,
Словно тончайшая кисть стекло украсила златом.

380 Чуть шевельнется ушко, и звякнет шарик о шарик.
Трижды десять потом велел он выковать перстней, —
Каждый из чистого золота, лучше какого не
същешь, —
В каждом кольце заключил по три драгоценные
камня —

Славный берилл, гиацинт и рысий камень лигурий:
Три из тридцати — для будущей перстни невесты,
Невелики, но красивы собой для женского пальца.

Царские эти дары уместив в двух полых сосудах,
Крышки приколотив гвоздями с крепкою шляпкой,
Царь велел облить сосуды вяжущим kleem,
390 Густо его смешав с хорошо протертой мукою,
Чтобы уже ни смыть, ни стереть получившейся
корки.

Вот наступил и день, который царь предназначил,
Чтобы служителю верному дать ответ благодолжный.
Он сказал князьям: «Наш рыцарь, наш чужеземец
Хочет вернуться домой, своей же призванный
знать,
Из-за которой в былье года лишился отчизны.
Есть о том письмо, какое — сами услышьте».
Молвил и подал письмо чтецу для общей огласки.

Было письмо прочтено, и все исполнились скорби,
400 Что отъезжает такой от царя заслуженный воин

И такой же от них добрый, кроткий и верный

товарищ.

Все убеждают царя удержать его силой иль просьбой,
Дать ему жену, осыпать богатством и честью,
Ибо он, говорят, любой достоин награды.

Царь сказал: «Да не будет того, чтоб от нас огорчился
Друг, от которого я ни разу не был во гневе,
А коли был на кого — смягчавший меня, как ягненка,
И во всех делах всегда мне преданно верный.

Так тяжело на нем лежало бремя изгнанья,

410 Как ни на ком никогда не мог я это заметить.

Нынче отпустим его, позволим вернуться в отчизну
И отблагодарим, да так, чтобы если случится
Дома неладно ему и он захотел бы вернуться,
Здесь бы он нашел все так же отрадным, как

раньше».

Так сказав, зовет он слугу и за ним посыпает.

Тот бежит и зовет; к царю является рыцарь.

Вот, помолчав, говорит ему царь любезное слово:
«Мой дорогой, отпускаю тебя я с большой неохотой:
Был ты всегда проворен на все и во всем мне

угоден —

420 Будет за это тебе велика моя благодарность.

Ты здесь нравишься всем, у тебя завистников нету.

Ныне скажи мне правду одну, мой самый любезный:
Дать мне в награду тебе богатство или же мудрость?»

Рыцарь взвесил это в уме и толково ответил:
«Я не желаю того, что люди считают почетным, —
Где богатство, там вокруг него и обманы,

Многих бедных людей нужда к воровству побуждает,
Меж родных и меж друзей воцаряется зависть,
Брата на брата ведет и рушит присяжную верность.

430 Лучше лишиться добра, чем лишиться здравого
смысла!

Если же кто лелеет в груди благочестную верность,
Тот серебра и золота будет иметь сколь угодно,
Ибо в душе у него – оружье для их добывания.
Также наоборот: я часто видел неразумных,
Все богатства свои через глупость свою растерявших
И в нищете влачивших свой век, в порочном упадке.
Вот где была видна не польза, а вред от богатства.
Стало быть, лучше ты мне преподай такие уроки,
Чтобы, последовав им и ни в чем их завет не

нарушив,

440 Был я более рад, чем десять взявиши талантов.
С этим уроком меня никто не возненавидит,
И не ограбит меня, и убийца не тронет в ущелье.
Лучше пусть богатство лежит в казне королевской,
А бедняку хорошо, когда сила в нем есть и уменье.
Денег я не хочу, а мудрости жажду отведать!»

[Король с мудрыми напутствиями отпускает Руодлиба]

Это услышав, царь говорит: «Ступай же за мною». Входят в закрытый покой, никого за собой не пуская, Царь садится, пред ним стоит изгнаник-служилый, И объявляет царь: «Запомни же мыслю и сердцем
450 Все, что тебе скажу, как друг вернейшему другу!

(1) Да не будет тебе товарищем рыжеволосый!
Если разгневать его, он забудет всякую верность,

Ибо гнев в нем сильней и прочней, чем прочие
чувства.

Он никогда не хорош до конца, всегда потаенный
Жив в нем обман, и ты не останешься незапятнан:
Кто лишь тронет смолу, тому уже ввек не отмыться.

(2) Как бы грязна ни была дорога по сельскому
месту,

Ты с нее не сходи и засеянным полем не езди;
Могут тебя схватить, ответить тебе неприветно,
460 Вырвать поводья из рук, и тогда тебе худо придется!

(3) Ежели старого мужа найдешь с молодою
женою —

Гостеприимства у них никогда не проси по дороге,
Чтоб на тебя без вины худому не пасть подозренью:
В ней надежда, в нем страх, такова уж судьба их
связала.

Если ж, наоборот, молодой и со старой женою —
Смело приюта проси — тебя подозренья не тронут:
Ни вожделенья в жене, ни в муже не будет опаски.

(4) Если захочет сосед взборонить свое поле и в
помощь

Будет просить у тебя кобылу, чреватую плодом,
470 То не давай, потому что это верный убыток —
Выкинет плод, бороня, и лишишься ты жеребенка.

(5) Даже к лучшему другу не часто захаживай в
гости,

Чтобы не стали ему твои посещения в тягость.
Все, что редко, милей для нас, чем все, что обычно:

Дешево ценится все, что бывает с тобой
повседневно.

(6) Если служанка твоя хотя бы и очень красива,
Не позволяй, как жене, выступать ей рядом с тобою,
Чтобы тебя свысока не унизила дерзким ответом,
Чтоб не держала в уме, будто всем она в доме хозяйка
480 Лишь оттого, что делит с тобой постель и застолье.
И обедая вместе с тобой, и ночь провождая,
Хочет она одного: над всеми быть госпожою.
Кто такое допустит, тот сам себя опозорит.

(7) Если задумаешь взять жену из хорошего рода,
Чтобы она родила для тебя детей вселюбезных, —
Женщину отыщи, какую достаточно знаешь,
И ничего не решай, пока мать об этом не спросишь.
А как получишь совет, будь учтив и почтителен
с нею,
Кроток и нежен будь, но помни, что ты ей хозяин,
490 Чтобы она никогда затевать не думала споров:
Ибо хуже нет порока между мужьями,
Чем в подчинении быть, когда господствовать
должен.

Пусть она с тобой во всем на свете согласна —
Но до конца никогда не делись с ней своими делами:
Чтобы, если потом заслужить ей придется побранку,
То не могла бы она ни в чем тебе поперечить,
И уваженье у вас и любовь осталась бы прежней.

(8) Не предавай свой дух порывам внезапного гнева,
Чтобы нельзя было ночь потерпеть и расчеститься на
утро, —

500 Пуще всего, если что-то услышишь, а дела не
знаешь.

Завтра сам будешь рад, что не дал норову воли.

(9) В спор никогда не вступай ни с сеньором твоим,
ни с судьею,
Ибо они одолеют тебя не правом, так силой.

Им ничего своего не давай — назад не получишь,
Но коль попросят в долг, то дай, потому что иначе
Вздорный предлог сочинят и на нем с тебя столько
же взыщут,

Ты же сиди ни с чем: ни денег тебе, ни спасиба.

Ну, а ежели он, обобрав, хоть скажет спасибо,
То поклонись и благодари всевышнего Бога,

510 Что хоть уходишь цел; а деньги — добро наживное.

(10) Если едешь куда, никогда не спеши без
оглядки,
Чтоб по дороге своей завидев Божию церковь,
Не забыть помолиться святым, ее осенившим;
А колокольный заслышавши звон или пенье
обедни,

Тотчас слезь с коня и беги к святому притвору,
Чтоб приять благодать православно-вселенского
мира.

Этим пути не продлишь, а скорее его укоротишь —
Будет спокойней езда и от злого врага безопасней.

(11) Не откажи никогда, если кто подойдет к тебе
с просьбой,

520 Ради Господа Бога Христа вместе с ним разговеться.
Это тебе не в ущерб, а воле благой в исполненье.

(12) Если случатся твои поля у проезжей дороги,
Ты не окапывай их канавой, чтоб люд проходящий
Не забредал и не портил посев, потому что обхода
Люди будут искать с обеих сторон по сухому,
Так что без всяких канав потерпишь ты меньше
убытка».

Царь сказал и умолк, закончив премудрые речи.
Оба вышли к князьям, уселся царь на престоле
И превознес до небес любезного рыцаря доблесть;
530 Вторил его речам многолюдный сочувственный
ропот.
Рыцарь царю и всем в ответ принес благодарность.

Царь возгласил: «Ступай же домой.
Награжденный по чести,
Мать свою повидай, осмотри свое достоянье,
Сам рассуди, где лучше тебе, у нас или дома,
Точно ль твои господа все выполнят, что обещают;
Если это обман, то сам обойди их обманом;
В службу к ним не вступай, обманувшим служить
неподобно,
И не вступай к тому, кто скареден или бесчестен.
Если ж случится так, что твое заколеблется сердце,
540 Станет тоскливо в родной стороне и вспомнишь о
нашей, —
Ты меня найдешь таким же добрым при встрече,
Как при отъезде твоем — не держи никакого
сомненья!»

Далее сделал он знак перстом правителю дома
И прошептал тайком, как меж ними условлено было,

Чтобы хранитель принес сюда две те самые сумки,
В коих лежали хлеба, дорогие, каких не бывало:
Сверху покрыты мукой, а внутри набиты деньгами.
Как внесли их, царь говорит: «Любезный, прошу я:
Не преломляй этих двух хлебов, потерпи лишь до
срока.

550 Первый, меньший, тогда преломи, когда ты увидишь
Милую мать, у нее на виду и ей на отраду.
Ну, а второй помедли ломать, покуда не сядешь
Сам с женой за свадебный стол, и тогда меж
друзьями
Так его подели, чтобы знали они наши хлебы!»

Эти сказавши слова, царь рыцаря трижды лобзает
И отпускает, вздохнув. В слезах удаляется рыцарь;
Весь придворный люд его до коня провожает,
Все говорят «прости», и плачут, и нежно целуют.
Дальше он едет один, и с ним лишь первый товарищ,
560 А щитоносец его, приехавший с малой сумою,
Ныне ведет битюга, груженного тяжким богатством.

Едут дорогой друзья и оба томятся печалью,
Что столь недолгое время дано им в радость друг
другу:
Три лишь ехали дня в обоюдном они разговоре,
И до полночи потом затянули приятственный
ужин.

После того, отыскав для себя подходящее ложе,
Оба разулись они, отошли ко сну, но не спали,
А повернувшись спиной, горевали молча и слезно.
Словно мальчик, в слезах содрогался товарищ
о том, что

570 Ныне разлука пришла с таким приверженным
другом,
Коего, может быть, никогда уже он не увидит.
Так без сна и хотел прободрствовать он до
рассвета,

Если бы сон не налег ему на скорбящее сердце.
Как засветился день, они просыпаются сразу,
Встали, оделись, поели, взнуздали коней и пустились
В путь до того рубежа, где уже начинались владенья
Смежного царства и где наставал им черед
разлучиться.

Так изгнаник сказал, насколько позволили слезы:
«Друг дорогой, расскажи государю от чистого сердца,
580 Как я молюсь за него и как ему преданно верен
Вместе со всеми его людьми, любезными сердцу».
Облобызались они, проливая сердечные слезы,
Вновь и вновь повторяя слова прощанья друг другу,
И разъезжаются прочь, терпя обоюдное горе.

[*K Ryodlibu пристает рыжеголовый человек*]

Только начал путь изгнаник к отеческим кровам,
Видит рыжий его человек и к нему поспешает.
Молвил привет, спросил, куда и откуда он едет,
И не позволит ли он попутчиком быть ему верным.
Рыцарь ему отвечал разумно-презрительным словом:
590 «Путь для всех широк — где хочешь, там и держися».
Рыжий стал перед ним красно и пестро изъясняться,
Хоть и не слышал в ответ от него ни единого слова.

Дело к полудню шло, и плащ стал рыцарю тяжек.
Он привязал его за седло коню, как обычно.

Рыжий задумался, как бы тот плащ ухватить да
присвоить.

Едут они до реки, в реке коней напоили.

Тут-то, словно бы с тем, чтоб погладить коня да
почистить,

Тянется рыжий к чужому коню, тайком добывает
Плащ, передернул ремень и назад из воды и на берег.

600 Тут, соскочив с коня, в свою дорожную сумку
Прячет плащ и едет с оглядкой, как будто бы ищет,
Не растерял ли гвоздей от подков он на этой дороге?
К рыцарю подскакав, он к нему обращается

льстиво:

«Добрый друг, скажи, у тебя за седлом, мне казалось,
Был привязан плащ: почему же его я не вижу?»

Рыцарь на это в ответ: «Мне странно, куда он
девался».

Рыжий ему: «Под водой, показалось мне, плавало
что-то —

Видимо, мы его потеряли на водопое.

Не воротиться ли нам: а вдруг еще он найдется?»

610 Рыцарь в ответ ему: «Нет!» — как будто ему это
мелочь.

К вечеру близился день; они приближались к
деревне,

Через которую шла широкая улица, грязью
Полная до того, что верхом из нее и не выйти,
И что пешком не пройти стороннего возле забора,
Ибо так уж узка тропинка для пешего хода,
Что и держась за забор одною рукою, наверно
Ты поскользнешься и в грязь упадешь, судьбы не
минувши.

Рядом, однако, была тропа поперек через пашню —
Рыжеволосый сосед предлагает по ней и проехать,
620 Это будет быстрей, а на грязной дороге завязнешь;
Столько топкой грязи с водой никогда он не
видел...

**VI. [Мужики отколотили рыжего; на его жалобы
Руодлиб сказал, что поделом ему]**

«...Сделал зло, навредил, — так не надо еще
и ругаться:

Ибо всегда тяжело двойную сносить неприятность —
И понести ущерб и вдобавок терпеть поруганье». Много пустых угроз кричал, уходя из деревни,
Рыжий, суля отрубить обидчикам руки и ноги
И сожалея, что сжечь живьем их не мог в тот же
вечер.

Рыцарь тихонько смеялся: он знал, что придется
похуже.

Вот уж пора ночевать — они подъезжают к деревне.
Солнце шло в океан и звало просить о ночлеге.

10 Рыжий зовет, чтобы встречный пастух подошел к
ним поближе;
Тот подошел, и рыжий к нему обратился с вопросом:
«Молви, какие вокруг живут почтенные люди?
Есть ли богатый какой человек, чтобы принял нас на
ночь?»
«Многие есть, — отвечает пастух, — заведомо знаю,
Кто бы сумел принять и графа с сотенной свитой
И услужил бы им во всем пристойно их чести.

Может быть, есть и бедняк-человек, который не
сможет
Ваших коней накормить и вас угостить по заслугам, —
Многие все же гостей принимать и служить им
привычны.

- 20 Но между всех остальных наилучший гостеприимец —
Это один молодой человек со старой женой». Рыжий: «Зачем молодой женился на старой вдовице? Это должен стариk женатым быть на старухе!» Но отвечает пастух: «Я не знаю лучшего брака. Был он бедняк бедняком, покуда на ней не женился — Был при ней слугой, а нынче стал ей хозяин, Все потому что он добр, благонравен и всем превосходен.

Слава Господу Богу, что так печется о бедных!» Рыцарь с вопросом: «Скажи пожалуйста, как получилось,

- 30 Что богатейка-вдова взяла и за бедного вышла?» Так отвечает пастух: «Господин, ты наверное, слышал: Овцы, лизавшие соль, готовы лизать и солонку.
— — — [1 строка неразборчива] — — —

Первый ее человек с ней жил неладно и люто: Неблагодарен, скуп, почти никогда не смеялся, — Впрямь его никто не видал ни с улыбкой, ни с шуткой.

- Сколько было у них коров, лошадей или ульев, Сам он не знал: своему же добру не ведал он счета. Сами они от своей говядины, впрочем, не ели,
40 Ели жесткий сыр, молоко снятое хлебали; Все, что было, шло на продажу, а деньги копились.

Тот молодой человек пришел сюда нищим и жалким,
Стукнулся к мужу ее, попросил ради Господа хлеба;
Тот ему дал с пребольшой неохотой ржаную

горбушку,

Юноша взял ее, встал в стороне и ел потихоньку.
Как отодвинули стол — со стола он снимает посуду,
Чтобы ее невзначай не обгадили пес или кошка,
Моет до чистоты, в посудные ящики ставит,
Для господина кладет на блюдце ложку-витушку,

- 50 Чтобы служила ему для завтрака и для обеда,
Нож кладет и соль и ложку-крошку для соли, —
Где на столе недосол, там ложечка делу поможет,
Будь то похлебка, будь то салат или прочая пища.
Смотрит старик и все замечает, хоть вслух и ни слова.

Юноша не упускал ничего, в чем надобна помошь —
Поит коров и овец, ни свиней, ни коз не забудет,
Носит охапками сено — кормить лошадей на
конюшне,

И все сам да сам, ни в каких не нуждаясь приказах.
Если еще в чем нужда — и ее не преминет
заметить.

- 60 Так три целых дня оставался он в этом семействе,
А получал за то все те же ржаные горбушки.
После того, как стал не под силу этакий голод,
Он отвесил поклон старику и хотел их покинуть.
Тот ему говорит, такие увидевши сборы:
«Ты погоди еще денек, другой или третий,
Чтобы получше узнать могли мы нравы друг
друга!»

Юноша не возразил, а старику хлеба прибавил:
Четверть фунта дает ему утром и вечером четверть.

Спрашивает старик: «А что умеешь ты делать?»

Понял старик, что парень не глуп, а многое
смыслит,

И поручил ему под надзор свое достоянье —
Все добро, всех слуг, весь дом на его усмотренье.
Он управлял с таким умом, с такою заботой,
Что не бывало ни в чем недостатка ни старым, ни
малым,

А для себя не брал ничего — такое условье.

100 Платье, какое на нем, — и то ведь сам себе шил он.
Так служа своему хозяину верой и правдой,
Долго ль, коротко ль жил он, — но вот умирает
хозяин.

Скареден был старик и скверен был его норов —
Мало кто плакал о нем, когда его хоронили.
Кто ж запретит вдове слюбиться от чистого сердца
С парнем таким, как он? Идут они рядышком в
церковь,

Рядом садятся за стол и рядом отходят на ложе.
«Матушка», — он говорит, «сынок», — она отвечает.

Скоро уж слуги в дому его величают «папашей»,

110 Он их — «дети мои» называет, к ним обращаясь.
Лучшей любви, чем эта любовь, не случалось нам
видеть,

Чтобы жена и муж друг к другу так подходили.

Дверь, для вдов и сирот всегда закрытая прежде,
Ныне стоит, широко раскрыта богатым и бедным.
Там и найдете вы достойное гостеприимство.

Дом их очень большой и стоит в начале деревни».

Рыжий на эти слова тщеславно спросил и
надменно:
«Нет ли здесь еще старика с красивой женою?»

«Есть, — отвечает пастух, — был женат он на славной супруге,

120 Но, увы, она умерла, он снова женился.

Эта жена молода, глупа и бесстыдна на редкость,
Ставит его ни во что и поэтому ищет повсюду
Для сладострастной игры молодцов еще
поглупее...»

VII. [Рыжий пошел ко второму хозяину, Руодлиб к первому. Тот за ужином раздает пищу беднякам]

...Режет он хлеб на куски, и каждому часть
достается.

Мяса — полных шесть блюд, и каждому перепадает.
Всяк удоволен и рад и уходит домой, благодарный.
Их проводив, хозяин сказал: «Коли Бог посыпает
Гостя в мой дом, то это для нас настоящая Пасха,
Вот как в этот раз, когда о тебе мы так рады.
Что у меня от тебя, то, верю, от Господа Бога».
Он отрезает кусок от телячьей ноги и лопатки,
Режет его ножом на самые малые части

10 И разделяет меж слуг, как будто святое причастье.
После гостю кладет вареного мяса, жаркого,
И подает бокал, из орехова дерева резан,
Лучшего полный вина с приправой из меда и перца.
Дважды две золотые реки — резьба на бокале,
Держит поддоноье его резная Господня десница.
Этот бокал — подарок ему от знатного гостя,
Сам он не пьет из него, а только гостям выставляет;
Если же гость, испив, поднесет, он примет и выпьет.
Кончен ужин, подали воду, вымыли руки,

- 20 Вносят вино, хозяин испил и гостю подносит,
Рыцарь подносит сперва госпоже, а потом выпивает.

Встал из застолья гость и идет отдохнуть от
дороги.

Лежа, он думает, как одарить бы гостеприимца, —
И преподносит учтиво свой плащ почтенней
хозяйке,

Чтобы она его надевала в Божию церковь.

Между тем не забудем о том, что делает рыжий.
Как только рыцарь пошел туда, где нашел столько
блага,
Рыжий спросил, на что ему дом с обезьяною
старой?

Рыцарь сказал: «Пошел бы со мной и был бы
доволен:

- 30 Я нашел, что хотел, и ты найдешь, чего ищешь».
Многие, стоя вокруг, советуют рыжему: «Лучше
Спутника не покидай — привольнее дома не
сыщешь»,
Тот воротит нос и в другую сторону смотрит —
К мнимой сестрице спешит, где сыщет он только
кончину.

Вот подошел — ворота хозяина крепко закрыты,
Сам стоит посреди двора, с ним рядом два сына.
Рыжий кричит и стучит, да так, что ворота трясутся:
«Эй, отворяйте скорей, мне некогда здесь
дожидаться!»

Сыну старик говорит: «Кто там есть, посмотри сквозь
ограду!»

- 40 Сын отвечает: «Стучит человек и лезет в ворота».

Рыжий ему: «Отвори! не узнал меня, что ли,
знакомец?»

Оба сына стоят и сердятся больше и больше.

Тут отец, чтоб не быть беде, говорит: «Отоприте».

Рыжий ворвался во двор верхом, надменный и
наглый,

Шапку снять с головы — и то не заблагорассудил.

Прыг с коня своего, подводит к столбу за поводья,

Меч из ножен, глядит безумцем, стоит басурманом.

А потом к старику, да как раскатится смехом:

«Что ж стоишь и молчишь? или вовсе меня не
узнал ты?»

- 50 Тот: «Я не знаю тебя, но вижу: ведешь себя глупо.
Я не знаю тебя и не знаю, чего тебе нужно».«Да не твоя ли жена мне двоюродной будет
сестрицей?

Ну-ка пустите нас с ней один на один повидаться!»

Муж говорит: «Ну, что ж!» и велит жене показаться.

Вышла жена, глядит, и огонь загорается в сердце.

Он улыбается ей, она отвечает улыбкой,

«Твой отец и мать тебе лучшие шлют пожеланья,

Шлют и еще кое-что, но об этом — в сторонке,
отдельно!»

Встали они у ворот, рукой опервшись об ограду.

- 60 Рыжий ей говорит: «Что скажу, хорошенько запомни,
Ибо времени нет для долгого нам разговора.

Только не смеяся и только не плачь, оставайся

спокойна,

Чтобы твой старый пес не понял, о чем наши речи.

Если поверишь ты мне — от него мы избавимся

скоро.

Есть один молодец, отменно хороший и славный,
Он ни велик, ни мал, а лучшего среднего роста.
Кудри его — как желтый песок, а щеки румяны;
В целом мире нет мужчины приглядней и краше.

- 70 Только он узнал о том, какова ты прекрасна,
И каковые должна терпеть ежедневные муки,
Сердце в нем прониклось тоской, и сказал он мне
вот что:

«Если верен ты мне, как прежде, добрый товарищ,
То отправляйся, скажи от меня той страдалице слово:
Если хочет она, чтоб я вырвал ее из темницы,
Завтра она, услыхав благозвучные трубные гулы,
Пусть, не сказав никому, ни самой верной служанке,
Выйдет с двора своего и тихонько на улице станет
Ждать, пока я и друзья налетим на нее и похитим.
После станет она сама себе полной хозяйкой.

- 80 Вот и все: реши и ответь, что хочешь, сестрица».
Чинно стояла она, все эти слушая речи,
Сердцем ликуя, но вслух ответив словно бы с
грустью:
«Я готова на все и клянусь тебе, будь же уверен!»
Рыжий руку ей жмет и уже уверенно молвит:
«А за услугу прошу: три раза побудь подо мною».
Та в ответ: «Хоть десять раз, хоть сколько угодно». —
«Я притворюсь, что хочу уходить, а ты
воспрепятствуй».

- Он отошел к старику и сказал: «Позволь мне уехать».
Тот бы и рад отпустить, да он над женой не хозяин:
90 Просит и просит она, чтобы муж не спровоживал
братца.
«Что ж, коли хочет, пускай остается поужинать с
нами».

Рыжий тотчас в стойло спешит отвести свою лошадь,
И забывает о ней — теперь о другом его мысли.
Пусть стоит и пусть жует, коли сыщется сено!
Братца отводят в дом, сестрица его принимает,
Вместе сидят за столом и вместе щебечут беседу,
Пальцы с пальцами всплещут, и губы к губам в поцелуе.

Тут поднимается к ним старик, суровый, как туча,
Все в морщинах лицо, да так, что лица не

увидишь, —

100 Все оно у него поросло бородою косматой.
Только нос и торчит, кривой, отливающий красным.
Смотрят два глаза из темных глубин, как будто из
шахты,

И нависают над ними густые хохлатые брови.
Даже где рот на лице — никто не увидит провала,
Так прикрыли его, свисая, усы с бородою.
Он отдает приказ, и слуги подали ужин.
Очень ему не по нраву, как братец с сестрой
веселятся.

Сел между них на скамью, разделил их увесистым
задом;

Те примолкли и огорчены, что их рассадили,
110 Но, наклонясь перед ним, опять болтают и шутят.
Это стало ему невтерпеж. Приказав своим слугам
Скатертью стол застелить, говорит он жене:

«Постыдися,
Так себя вести не приставало хозяйке и гостю
И с посторонним мужчиной любезничать прямо при
муже».

Так сказав, встает, как будто собравшийся в нужник,
Сам же из-за стены глядит в просверленную дырку.

Рыжий на ту беду вскочил на хозяйское место,
Груди подружки хватает рукой, а другою рукою —
Ноги, забравшись под мех, ее оторочивший платье.

120 Все это старый муж воровски подсмотрев из-за
стенки,
Входит, а гость не встает, потому что жена не пускает.
Муж садится за стол, кипя отчаянным гневом,
И говорит жене вновь и вновь, чтоб обед подавала.
С шуткой, с ужимкою та кое-как расставляет
посуду.

«В меру ль поспел обед?» — стариk обращается к
слугам.

«В самую меру, — они говорят, — берите и ешьте».

«Что ж, хозяйка, тогда поедим и скорее на отдых,
И твоему дорогому дружку пора отдохнуть бы.
Много было у вас трудов — нужна передышка».

VIII. [Ночью мужик застигает рыжего со своей женой.
В драке рыжий разбивает хозяину голову. К тому
приходит священник]

Поп пришел, старается поп, чтоб стариk
помолился.

Тот вздыхает без сил и «верую» вяло лепечет.
Поп ему говорит: «Покайся в грехах своей жизни».
«Грешен, — мужик в ответ, — не словом, так взглядом
и знаком».

Тело Господне его очищает от всякия скверны,
Он испускает последний вздох, и душа возлетает
Ввысь со словами «Прости меня, грешника, Господи
Боже!

Дай отпущение тем, кто жизнь похитил из тела,
И вдохнови моих сыновей, умоляю, на то же!»

10 Так промолвив, умолк, и жизнь его прекратилась.

Утром встает заря, народ спешит отовсюду,
Сходится к церкви святой, и уже там большое
собранье
Всех живущих окрест больших и малых соседей.
Сам управитель предстал разобраться в прискорбном
убийстве.

Вот расселись все, кому надлежало рассесться,
И управитель сказал: «Печальные слухи я слышу,
Будто убит человек, которого не было лучше».«
Все, кто были кругом, ему соответствуют с плачем:
«Если б не Божия мзда, мы сами бы то же
сказали».

20 Вот привели сыновей, а за ними — повинных в
убийстве.

Все они пришли и перед правителем встали.
Рыжий смеется, подруга его потупила очи.
Видя, что рыжий смеется, правитель сказал ему:
«Скверно
Так смеяться тебе, меж тем, как все мы рыдаем.
Чем рассердился ты так, что почил он в вечном
покое?»

Рыжий в ответ: «А тем, что он мне передние зубы
Выбил за сущий пустяк — что подсел я к любезной
сестрице».

Тот: «Но если она тебе приходилась сестрою,
Как же сошелся ты с ней, свой грех грехом
умножая?»

- 30 Рыжий: «Зачем же она коварно меня завлекала?
Если б не этот соблазн, я бы, право, не сделал
дурного».
- Женщина плачет навзрыд, ручьями текут ее
слезы,
Кончились слезы — из глаз кровавые капают капли.
Силы потом собрала и так говорит, чуть живая:
«О, неверный злодей, почто так лжешь и глумишься?
Ты — как тот Адам, свой грех сваливший на Еву.
Я тебя не звала и раньше тебе не видала.
Сам ты меня обманул своим обещанием лживым.
Не защищаю себя, но тебя осуждаю сугубо
- 40 За преступленье твое, к которому я не причастна.
Как перед Богом реку: за себя я мстить не желаю,
Нет; отложи, судья, приговор на малое время, —
Я себя обличу и сама себе кару назначу.
Вот, я сама выношу приговор и ему подчиняюсь:
Если хотите повесить меня высоко меж деревьев —
Волосы срежьте мои и свейте из них мне веревку,
Пусть обо мне говорят: «Чем грешила, то задушило».
Только прошу: три дня спустя из петли меня выньте,
Тело сожгите мое, а пепел выбросьте в реку,
- 50 Чтобы при виде моем не померкло яркое солнце,
Чтобы ни град, ни великая сушь не грянули с неба.
Если хотите меня утопить в конопаченной бочке —
То напишите на ней, каково мое преступленье,
Чтобы нашедшим меня не предать земле по
обряду,
А чтобы бочку разбить и труп мой выбросить в море,
Рыbam прожорливым в снедь и страшным зубам
крокодилов.

Если хотите сжечь в печи, где пламя и дымно, —
В печь войду сама, это лучше, чем пламя геенны.
Если меня утопить хотите вы в мерзкой клоаке —

- 60 (Нечистоте моей — нечистоты достойная кара!)
Смело пойду на казнь, и радостно будет на сердце,
Что претерпела я здесь мучения адского смрада.
Сколько бы вы ни нашли мне кар еще тяжелее —
Все готова принять, ибо худшее я заслужила».

Смолкла она. Пожалев, говорит правитель народу:
«Вот она судит себя: скажите, достойно ли судит?»
Все со слезами в глазах, с сочувствием в жалостном
сердце
Молвят: «Довольно с нее! Не взыскивай больше,
правитель».

- 70 Судьи хором гласят: «Нет нужды казнить ее смертью,
Если она принесла покаянье в таком злодеянье». Пасынки грешной жены смиренно, как кроткие
агнцы,

Перед правителем в прах упали и жалостно молят
Ей сохранить и жизнь, и прощенье, и благополучье,
Чтобы звалась она впредь, как и раньше, хозяйкою
дома.

Он милосердно гласит: «Будь так». Но она не
согласна:
«Нет, не хозяйкою, нет! Убийцею должно мне
зваться!

- Если даруете жизнь — не надо благополучья!
Если быть мне живой и если не быть мне калекой,
Вырвите ноздри мои, отрежьте мне снизу и сверху
80 Губы мои, чтобы зубы торчали, ничем не прикрыты,
Чтобы никто никогда не коснулся меня поцелуем;

Выжгите два креста, два клейма глубоко на обеих
Этих щеках, где доселе цветут румяные розы,
Так, чтобы встречный любой догадался, сколь
тягостен грех мой,

И вопросил: “Увы, что было причиной казни?” —
Да не останется грех великий на мне неотмщенным».

Тут правитель вручил ее сыновьям старииковым,
Чтобы не мачеха им была она ныне, а мать.

Пышные платья свои она отринула в гневе,
90 Только рубаха на ней, да и та — как крашена сажей;
Срезала кудри она, сплела много малых веревок,
Чтобы свои затянуть, как узами, полные груди, —
Врезались вервия в плоть, чтоб стала гнилой из
цветущей.

Голову рваный лоскут покрывает с лица до затылка —
Только нос и глаза сквозь него и можно увидеть.
Знает псалтырь наизусть и поет его по душу мужа,
Пищи в рот не берет до первой звезды в небосклоне,
А после этого — хлеб, сухой и черный, как пепел.

Пьет три ложки пустой воды за целые сутки,
100 В зной и в стужу идет по земле босыми ногами,
Спит на голой соломе, ничем ее не прикрывши,
А в изголовье себе кладет сухое полено.

Раньше, чем день взойдет, — она над могилою мужа
Бьет поклоны, пока не в поту и стоять еще может;
После — падает ниц, проливает потоками слезы
И распростервшись лежит под зноем, дождем или
снегом;

Слыши к заутрене звон, она является к церкви
И не отходит, пока белый день не засветится ярко.
Тут — на недолгое время домой, покуда священник,

110 Руки омыв, не начнет звонить, призывая к обедне;
Вновь она к церкви, и там до девятого молится часа.
Нет у нее ничего своего — все отдано детям:
Что дадут — возьмет, чего не дадут — не попросит.
Не улыбнется ни разу, ни шутки соседу не бросит —
Если другие смеются, у ней слезы сладкие льются.
И ни один не видал ее гневной, сердитой, развязной
Вплоть до дня, когда пришел конец ее жизни.

120 Вверив ее сыновьям, и когда сыновья ее взяли,
Людям правитель сказал: «А что мы сделаем с рыжим,
120 Чья двойная вина таким оплакана плачем?»
Рыжий, предчувствуя смерть, народу кричит:

«Заклинаю:
Я не один, мы вдвоем — пускай придет мой товарищ
Прежде, чем вы для моих грехов подыщете кары, —
Он расскажет вам все, кто я есть и какого я рода».
Все охотно спешат найти того человека.
Гостеприимец его говорит: «Он явится быстро,
Он ночевал у меня, а вот этот с ним не остался».
Рыцаря привели; правитель его спрашивает:
«Молви, рыцарь, товарищ тебе или нет этот рыжий?»...

IX. [Какой был рыжему конец, неизвестно. А Руодлиб находит на чужбине племянника, избавляет от дурной женщины и зовет с собой, говоря так:]

...«Пусть отойдет все то, [что было тебе так
досадно]:
Будет время — и ты расскажешь все по порядку,
Нынче седлай боевых коней себе с щитоносцем,

Ибо здесь для всех не я, а ты многознатен:
Будут смотреть на тебя, а меня совсем не заметят.
Если ты любишь меня — в дорогу, вместе со мною!»

Счастливо сердце его, от счастья он радостно
плачет;

Рыцарь: «Остановись», — говорит, — [не разлейся
рекою]...

.....

10 Он щитоносца зовет...

.....

И щитоносцы вдвоем...

.....

Скоро который взо[йдет]...

.....

Я щитоносцев назвал...

.....

20 Быстрым бегом...

.....

Все, что хотят...

.....

Чтобы споздна...

Х. [Руодлиб уговорил племянника. С двумя щитоносцами
они скачут мимо замка, где живут вдова с дочерью.
Руодлиб развлекает их ловлей на буглоссу]

Тайный есть уголок...

Там в стене торчат обильно забитые гвозди.

Путники могут на них повесить все, что угодно:

Воры добра не возьмут и даже мыши не тронут.
Тут госпожа господ выводит в солнечный домик
И говорит: «Добро пожаловать, милые гости!»
Оба благодарят, а она приглашает садиться
И повести разговор, различных исполненный шуток.

.....
10 Ей что угодно...

.....
Глыбы разных родов...

.....
Только трех и нет...

.....
Рыцарь молвит: «Рыбу ловить...

.....
Тем порошком буглоссы, [которым и раньше
ловили].

.....
20 Есть на воде челнок...

.....
Вооружась прутом...

.....
Рыбы потом подплывут [и эти комочки проглотят]...

.....
Кто их отведал, [уже под водой оставаться не
может]...

.....
Рыцарь их прутом подгоняет к зеленому брегу.
Диву дается хозяйка и с ней — все юные дамы.

30 Родственник рыцаря сам восхищен таким
дарованьем.

Все веселятся и громко смеются и плещут руками;
С кухни бегут повара и уносят рыбу в готовку.

Выйдя из членока со всем попутным народом,
Он спешит к госпоже и ею приветливо встречен:
«Ни один рыболов на свете с тобой не сравнится!»
Рыб велит разложить наш рыцарь на травке зеленой,
Чтобы увидели все, сколь их много и сколь они
разны.

- Вот из всех, кого он поймал, лежат на показе
Шука и краснонос, волкам подобные рыбы,
40 Ибо сами ловят рыб и их пожирают;
Карп и лещ, лосось и линь, усач, красноглазка,
Полные острых костей голавль и носач плосконосый,
Донный житель голец и две породы форели,
Красная с белой, кефаль с большой головою и слабо
Бьющим хвостом, и угорь, и сом, ужасный обличьем,
Хариус и подсомовник, на вкус превосходные оба,
Окунь с острым шипом в плавнике, над спиною
подъятом;
Было и много других, которые мне неизвестны.
Всех посмотрев, госпожа велит отнести их на
кухню;
50 Быстро готовится стол, с четырех сторон
укрепленный.

Между тем госпожа велит, что и дочь появилась.
К ней с поклоном спешат проворные
мальчики-служки.
В это время ткала она две золотые повязки
Для жениха, которого Бог пошлет милосердный.
Вышла она к гостям – и как будто луна просияла.
Так прелестна она, что никто сказать не сумеет:
То ли она плывет, а то ли летит, но как будто
Птицей она была, в красоте взлетающей дивной.

- [Просит хозяйка воды], дает наследнице юной,
60 После обносят ее по гостям, а последней — хозяйке.
....одновременно
Старший с хозяйкою гость, а младший — с дочерью
рядом.
- [Каждой паре и стулья и стол] искусно подобран.
Рыцарев родич сидит с хозяйскою дочерью вместе,
[Пьют из чаши одной, едят] с единого [блюда].
А перед ними стоит собака, воров устрашитель,
Часто лает она и часто двигает мордой
И шевелит хвостом, чтоб и ей без куска не осталось.
[Что ей рыцарев даст племянник], она принимает,
70 Что упадет со стола — она и того не упустит.
[Ей племянник сказал, что дурным] человеком был
повар, —
Тотчас бросает она кусок, и других не желает.
- [Чашник у рыцаря] срезал с [седла богатые
шпоры —
Нынче чашник зовет слугу и требует кубка.
Тот, как хороший слуга, безотказно приказ
выполняет —
[Вдруг как пес] поглядел на него подозрительным
взглядом,
Как подскочил к нему, как вцепился чашнику в
платье,
Так и загрыз бы его, но пса оттащил щитоносец.
Рыцарь — в громкий смех, а люди недоумеваю.
80 Даже сама госпожа говорит: «Не странно ли это?»
Чашнику рыцарь на то: «Пес знает про некую кражу.
Что украл — вороти, иначе быть тебе мертвым!
Ну-ка неси и на стол положи все то, что присвоил».

Тот бежит и приносит с собой две рыцарских
шпоры.

«Вот, — говорит, — от вашего я седла их отрезал;
Не было там никого, кто мог бы это увидеть;
Пес — и тот ничего не знал; подсказал ему дьявол!»
Рыцарь: «Клади их сюда и смотри, кому он отдаст их». Пес эти шпоры берет и несет из пасти владельцу.

- 90 Тот говорит: «Теперь пускай их возьмет мой товарищ». Пес щитоносцу их дал и хвостом почтительно машет. «Ну, а теперь ступай, проси прощенья у вора». Пес раскинулся ниц, зарыл свою голову в лапы И, как будто в слезах, завыл, прося о прощеньи. «Сам скажи теперь псу: вставай, вновь будем друзьями».

Как только чашник это сказал, собака вскочила
И то ему, то другим хозяевам радостно служит.
Рыцарь сказал: «А теперь кто хоть волос у чашника
вырвет,

Тот поплатится так, как впору мстить за обиды».

- 100 Тотчас двое к нему: «Зачем воруешь?» — и каждый Рвет по волосу. Пес на них и с рычаньем их гонит, И одному и другому кусая ноги за то, что Так надругался над тем, с которым уж он примирился. Все смеялись кругом, а иные весьма дивовались.

Так и завтрак, так и обед прошли в насыщенье,
Много сменилось блюд и много выпито кубков.
Воду внесли, посидели еще, запивая, что съели.
Время древесным плодам еще не пришло в эту пору.
Но расторопные слуги собрали в лесу землянику,
110 Ягоду к ягоде, все до одной обобравши в дубраве,
И подают иную в сосудах, иную в корзинах.

Съев, отодвинули стол и руки омыли водою...

— — — [11 строк отсутствуют] — — —

...идет разуваться.

Голени были его перевиты ремнями из Лукки,

...к нему натекало.

Были поверх чулков башмаки из китайского шелка,

...шелковой тканью.

Родич его носил [сапоги] из кожи кордовской

Сверху красных носков, и все отменно пошито.

120 Обе ноги он оплел ремнями, свитыми вдвое,

...все по самому краю,

С края ж, со всех сторон, звенящие шарики бились.

После этого он обулся в мех полосатый,

С красной обшивкой вверху, с разрезами спереди,

сзади, —

...надев меховую длинную шубу,

Шубу, черным широким бобром опущенную снизу;

[Взял хозяйской дочкой себе] подаренный перстень,

Перстень, в самый раз подошедший на палец

мизинный.

...плохо промытое нижнее платье,

130 Плащ из куньих шкур, потемневший от лет и от пота;

Так одетые, вышли они к обеим хозяйкам.

Обе, стоя у окон, смотрели на них сквозь решетки...

XI. [Хозяйка и гости развлекаются в саду пением птиц в клетках]

Старые сами едят и малым птенцам уделяют.

Ежели кто-нибудь им насыпет в щель между прутьев

Крошек, тотчас туда спешат, разинувши клювы,

Все, желая поймать, кому что достанется в долю.
К этому все привыкают за самое малое время.
После, если им дверцу открыть, то даже выходят
Прямо в руки они и клюют, что дадут, на ладони;
А наедятся — дадут погладиться пальцем по спинке
И вперебой опять спешат в знакомую клетку.

- 10 Там присев и себе разбирая кловиком перья,
Так уж рады они, что весь день поют, не смолкая.
Для молодой госпожи это лучшая в мире забава —
Тем, кто постарше, такая игра не столь уж по вкусу.
Только в клетках дроздов ни питья не ставят, ни
пищи,
Голодом их приучая к тому, чтобы они попривыкли
И между прутьев совались, просясь, чтобы их
накормили.
Старшие птицы на это всегда отвечают отказом.
Младшие, пищи не видя от них, бросают родивших
И разевают голодный клюв на протянутый палец.
- 20 Между них выбирают одну с язычком поживее,
Чтобы учила других и «отче» и «наш» по-людскому,
«Иже на небеси», «си-си-си» повторяя три раза.
Ну а скворцу легко научиться петь «славься, славься»:
Малым птенцам — быстрей, а тем, кто постарше, —
не сразу.

Рыцарь между тем, а с ним его добрый
племянник

- Вслед госпоже идут туда, где играют арфисты.
Чуть услышал гость, как плохо звучали напевы
Даже в игре того, кто чтился здесь наилучшим, —
Сразу спросил госпожу, а есть ли в доме вторая
30 Арфа? «Есть, — ответила та, — и лучшая в мире:

Мой покойный герой при жизни звенел в ее струны,
И от звучания их душа томилась любовью.
После кончины его никто ее не касался, —
Но, коли хочешь, на ней сложи нам ладные ритмы».
Арфу велит принести и спешно струны настроить...
— — — [пропущены 2 стиха] — — —

[То он левой руки] двумя перстами, [то правой]
Струн касаясь, родит для слуха сладчайшие песни,

- 40 Много на разный лад извлекая раздельных звучаний.
Даже тот, кто невежда совсем и в песне и в пляске,
То и другое легко постиг бы с такою игрою.
Те, кто смелой рукой шутя бряцали по струнам,
Смолкли, слушая звон, сидят и не трогают арфы.

Так три раза сыграл он сладчайшие новые ритмы,
И о четвертом его хозяйка с дочерью просят,
Чтобы племянник сплясал под нее с наследницей
дома.
«Системой» им и «диастемой» им отвечает игравший,
Дивно движа рукой и умело приладившись к пляске.

- 50 Юноша встал, напротив него наследница встала,
Он — как сокол, она — как ласточка, делают круги,
А повстречавшись лицом к лицу, ускоряют движенье:
Он — как будто скользит, она — будто льется в потоке.
Ни в движении ног, ни в движении пальцев по арфе
Не отыскать слабины, хотя бы и очень стараться.
Тут дают они знак (и многим было досадно) —
Знак, что пляске конец: опустились руки плясавших,
Сели они по местам, и равно в обоих пылает
Жаркая страсть друг с другом свестись законами
брака.

XII. [Хозяйка беседует с Руодлибом о делах племянника и о собственной его семье, которую знает]

«...Ах, госпожа, если ты мою мать недавно
видала,
лви, здорова ль она и точно ль благополучна?
или меж вами — крестная связь, то, может быть,
братец

Есть у меня от нее, которого ты окрестила,
Или сама она твою дочь приняла от купели?»
Рыцарю так хозяйка в ответ, подивясь его речи:
«Как подумать ты мог, что вышла она за другого,
Если ей без тебя и жизнь была не в утешу?
Не о тебе ли она ослепла, проплакавши очи?

- 10 Да, она мою дочь сама приняла от купели
И оттого и меня и ее считает родными,

Часто бывает у нас и с собою приносит подарки». Слышит рыцарь и так говорит, о матери плача: «Можно ли мне домой воротиться на этой неделе?» «Завтра вечером свидитесь вы, — отвечает хозяйка, — Но сперва на этом пусть мой заработает вестник». Всем объявлено: гость есть сын их матери крестной, Быстро веселье бежит по всем домочадцам и слугам, Делят радость они, что к матери сын воротился.

- 20 А госпожа снаряжает гонца, чтоб матери крестной Тот возвестил, что родной ее сын сегодня вернется. Между тем племянник бойца и наследница дома В кости ведут игру, то он, то она побеждает. Каждый рад проиграть — уж таким они связаны
знаком:
Он ли ей, она ли ему достается добычей,
Главное — не победить, а пасть победителю в ноги.
Скажет она: «я твой», а он «я твоя
отвечает,
Род меняя на род, как бывает в ином солецизме.
Уж не скрывают они, что пламенно любят друг
друга,
- 30 Вместе и спать бы легли, когда бы позволила мать.
Мать и позволила бы, да только не хочет позора —
И потому-то еще предстоит ожиданье девице.
- [Брак договорен; Руодлиб и племянник готовятся к отъезду. Три гонца от матери Руодлиба]
- ...не быть господином ...пред тобой обвиняет
...желает позволить ...были должны мы
...и хозяин рад и хозяйка ...как и встарь,
не по-рабски

...надо хозяйское сделать		...такое служенье
...обитают в котором		...пришли только трое
...беседуя много в дороге	55	...наши вчера-то
...гонцов от матери видит		...стараясь устроить
...и всех лобызает		...говорит с поцелуем
...материнской любовью		...стал велик между ними
...едва он только заметил	60	...там был он, и пили
...пусть Бог возворотит		...проводя хозяина с криком
...долг наш — служенье		...во всем остальном же
...мы видим: вернулся		...каково положение дела
...с великой честью		...сказали б, что все получили
...скажу вам спасибо		...своего повредить бы
...доброты материнской	65	...полей простиравось
...залог и приветы		...был всемогущим

[Мальчик высматривает подъезжающих с дерева]

...меж черешен
 Он сидел и глядел, отстряня свисавшие ветки,
 ...задержка,
 70 Чтобы он первый донес приближение хозяина к дому
 ...а по небу галка
 Смотрит, летя, почему сидит и не ест он черешни,
 [Все замечает кругом затем, чтоб] об этом поведать.
 Хочет он увидать, как дорогою скачет хозяин,
 [Все твердит про себя: Руодлиб, госпо]дин,
 поспешай же!
 Галка запомнила эти слова — и на крыльях к хозяйке,

[И говорит: «Что скажу я тебе!] пожалуйста, слушай». Та говорит: «Говори». — «Руодлиб, господин,
поспешай же!»

- 80 [Тут, хоть видят пажи: залилась хозяйка] слезами,
Все ударились в радостный смех от галкиной вести.
[Галке мать говорит: «Лети,】 примостишь над
мальчишкой,
Все, что скажет, заметь, что крикнет, мне
перекрикни».

Галка [летит вперед, замечает] точное слово
Мальчика, ждущего так увидеть приезд господина,
[«Где, говорит, Руодлиб, и】 когда, наконец, он
вернется?»

Видит: свита его выезжает из темного леса,
Первым едет племянник, а рядом с ним щитоносец,
И наконец господин спешит настоящий, с которым
...и каждый из свиты.

- 90 Мальчик громко кричит: «Господин подъезжает,
ликуйте!»

XIII. [В честь приезда Руодлиба с племянником готовят пир]

...Он бороды не бреет — ни волоса в ней не имеет,
Здесь и зоркий хитрец ничего для бритья не
нашел бы.

Клирик он или женщина он иль безусый подросток —
Но такова красота его девичьего лика.
Долго они соскребали грязь и смывали водою —
Вышли из ванны они, наконец. Послебанное платье
Дал щитоносец ему; он пошел отлежаться на ложе,

Чтобы обсохнуть и лишний жар чтобы вышел из тела.

Так полежав, встает и свои башмаки надевает...

[Пробел. Дальше текст по Санкт-Флорианским фрагментам]

- 10 Рыцарь идет, подходит к столу, садится на место;
Но не желал он сидеть превыше всех пировавших —
Сел, как достойный гость, по правую матери руку.
С радостью он доверяет ей всю управу застолья,
Все, что она давала ему, принимая с почтеньем.
Он разрезает хлеб и делит его между всеми,
Каждому передает поднос с подобающей снедью
И угощает то кубком вина, то чашею меда.
Руодлиб родичу был хороший застольный товарищ, —
С блюда едят одного, от общего хлеба кусают,
20 Из одного черпака одним угощаются хмелем.
С матерью за столом одна застольница — галка:
Бросишь ей хлебную крошку, она ее ловит и гордо
Ходит, шагает вдоль, поперек по столешнице крытой.
Вот после многих блюд и многих за ними бокалов
Просит воды госпожа, и воду приносит служитель.
Прежде к верхним местам велит подать она воду,
После чаши ники носят питье меж всеми столами.
Вот столы отодвинули прочь, а скатерти сняли,
Все встают с весельем в лице, величают хозяйку.
30 Каждый рад, что к ним Руодлиб невредимо
вернулся,
Чтобы утешилась мать, чтоб душа ее не терзалась,
Как бывало, когда вспоминала ушедшего сына.
Быстро разносится весть по всей окрестной округе,
Что прискакал Руодлиб и привез большие богатства.

Вот однажды он, улучив незаметное время,
С матерью в дальний покой удалился, сказав
щитоносцу
К ним принести мешок, который брал он в дорогу.
Разные он достает оттуда богатые вещи,
Длинных много мехов, и коротких, и серых, и
пестрых,

- 40 Коими за десять лет его одаряли в изгнанье.
После две сумы приносит ему щитоносец,
И вынимает он два в дальней Африке сделанных
хлеба,
И говорит о них своей матери в добрую шутку:
«Вот что, матушка, я заслужил за долгую службу —
Мне подарили их царь, но велел разломить их лишь
дома».
[Мать говорит: «Не созвать ли, сынок, сюда
домочадцев?】
Пусть узнают на вкус, каковы африканские хлебы». [Он говорит: «Нет, лучше】 сперва посмотрим мы
сами».
Вынул нож, которым лишь хлеб себе разрезал он,
50 Взял сосуд, где под серебром таилось золото,
Счистил сверху муку, серебро блестит из-под корки;
Видит: в трех местах прибита крышка гвоздями,
Быстро с этих гвоздей напильником счистил
головки,
Крышку с чаши снял, золотые видит монеты,
Плотно, одна к другой, ни единой больше не всунуть.
Руодлиб счастлив и рад, воссыпает царю
благодарность.
Не отлагая, берет он второй же сосудец,
Быстро стирает муку и с гвоздей сбивает головки,

- И все деньги и все богатства, какими он полон,
60 Видит, оцепенев. Несказанна и матери радость:
Вздох излив из груди, но душой веселясь и ликуя,
С влажными взорами шлет благодарность
всевышнему Богу,
Что оказал ее сыну такую блаженную щедрость.
- Рыцарь же падает ниц, припадая к земле
поцелуем,
Словно лобзая стопы царя, подателя дара.
После, рыдая до слез, отирая влажные щеки,
«Господи, — молится он, — кто быть может Тебе
равносителен,
В милости вышней своей меня, недостойного мужа,
Так снизошедший почтить богатством и всяческой
честью,
- 70 Все мои прегрешенья забыв пред Тобой,
милосердным!
Ныне, Боже, молюсь об одном: не дай мне
скончаться
Прежде, чем вновь увижу того, кому я впервые
Нищим предстал и кто по Твоим милосердным
веленьям
Принял меня и дал мне в удел такие улады,
И продержав десять лет при себе, убогого прежде
Обогатил настолько, что я отныне достойно
Буду жить, покуда сие принимаю разумно».«
Вдоволь нарадовавшись, Руодлиб и любезная
матерь
Вновь замыкают со всех сторон дорогие сосуды
80 И забирают с собой, а с ними иные богатства.
Тут подбегают к ним молодые служители дома...

XIV. [Подготовка племянниковой свадьбы. Руодлиб говорит матери невесты: «Старые друзья жениха...»]

...к мальчикам, вижу, подходят,
А подойдя, будут жить они здесь, когда скрепятся
узы.
Я теперь вас прошу: пусть дочь ваша с нами
предстанет,

А с обеих сторон все ваши верные дамы». Дочь сошла, и стали вокруг все верные; тут же Весь наполнился двор пришедшими вкупе друзьями. Руодлиб их привечает, в уста и ланиты лобзает И зовет за столы подкрепить усталые силы.

А как убрали столы и как унесли их обратно

- 10 По кладовым, впереди своих дам наследница вышла, Следом за нею — те, что несут подушки из пуха, И остальные сопутницы, к всякой готовы услуге. Рыцарь велит подать вина, чтобы выпили гости. Каждый пьет по глотку, потом уступает соседу Чашу, покуда пустой не вернут ее чашнику в руки. Все поклонились и вновь сошлись к Руодлибу и знати.

Им говорит Руодлиб: «Коли Бог вас собрал в это место,

- Слушайте ныне меня и придите на помощь советом. Ныне брачное здесь совершившееся должно сочетанье, 20 Мы должны сотворить обряд в исполненье обета. Я хочу, чтобы вы свидетели были при этом. Так случилось, что мой племянник и эта девица Тешась игрою в зернь, вдруг так полюбили друг друга,

Что вознамерились днесь сочетаться узами брака». Тé говорят: «Коли так, о том должны мы подумать, Чтобы такой человек, ума и доблести полный, Не был бесчестьем клеймен, а вырван скорей из
объятий

Гнусной шлюхи, давно достойной огненной кары». И восхваляют они Творца за то, что явилась

- 30 Женщина, в силах его оторвать от пагубной ведьмы. Тут поднимается юноша сам, гласит благодарность Всем, кто были к нему сообща так добры и любезны, И говорит, как он сам за себя стыдится и злится, Что обесчещен был той самой проклятою шлюхой. «Ныне видите вы, какова мне потребна супруга, И какова благодать, что здесь я ее обретаю. Эту девицу всем сердцем хочу в невесты и жены, Вас же, добрые люди, прошу: свидетели будьте, Как обменяемся мы, по обычаю, брачною данью».
- 40 Все гласят: «Мы в этом готовы помочь, чем способны».

Руодлиб встал и всех троих выводит к ним
женщин.

Вышли они чередой, а первой, по чину, невеста. Все, кто был во дворе, поднялись в означенье почета. Как уселись опять и краткое время молчали, Вновь встает Руодлиб и просит внять его слову. Родичам он и друзьям говорит, что признано всеми: Он и она друг к другу горят взаимной любовью. [Все вопрошают: «Жених, желаешь ли ты ее в
жены?»]

«Эту [девицу?] желаю ли я? Клянусь, что желаю!»]

- 50 С тем же вопросом и к ней; она слегка усмехнулась

И говорит: «Ну, как не желать? Он — раб мой
законный,
В кости выигран мной, и условие было такое —
Выигрыш мой иль его — моим лишь будет он мужем.
Пусть он служит мне с покорностью нощно и
дневно:

Чем услужливей он, тем более будет мне дорог».

Тут и хохот и смех со всех сторон раздается, —
Столь говорит она надменно и столь же любовно;

А как узнали, что мать не против такого союза
И что обе семьи равны богатством и знатством,

60 Мудро решают они, что супруги достойны друг друга,
И что уже пора связать их супружеским чином.

Вот жених вынимает свой меч и о столб его
точит;

Видно: меча рукоять в кольцо золотое одета.

Это кольцо невесте жених подает со словами:

«Как кольцо со всех сторон окружает твой палец,
Так связую тебя обязательством верным и вечным:
Так мне будешь служить, или меч с тебя голову
снимет».

Дева ответила юноше так разумно и тонко:

«Эти слова должны о тебе, как о мне, говориться.

70 Чем должна моя служба тебе быть вернее и лучше,
Нежели мне — твоя? Ответь, коли можешь ответить:
Мог ли Еве Адам соперницу выбрать иную,
Если Господь сотворил из ребра одну лишь
подругу?

Сам Адам признал: от его она плоти и кости;

А говорилось ли где, что две даны ему Евы?

Если захочешь блудить, то я ль тебе стану блудницей?

Мне не по нраву такой уговор — ступай на свободу
И сколько хочешь, блуди, мне нет до этого дела.
Много в мире мужчин — я тоже найду себе мужа».

- 80 Так промолвив, она вернула меч ему с перстнем.
Юноша ей говорит: «По твоей да сбудется воле!
Ты же этим мечом отсечь мне голову вправе». Тут улыбнулась она, повернулась к названному мужу И говорит: «Вот такой договор единит без обмана». Тот заключает: «Амины!» и оба целуются крепко. Весь народ на такой союз отвечал ликованьем: Господу спели хвалу и брачную песню запели.

Руодлиб дал жениху кафтан, расцвеченный
красным,

- Шубу дал на меху, полою метущую землю,
90 Быстрого дал коня в броне искусной отделки;
Дал и невесте дары, с которой свойство их связало:
Три подвески дарит, прикрывшие полные груди,
Дважды два запястья отменно искусной работы,
Три кольца на три перста, и каждое с камнем,
И обымающий плащ, в червцовый окрашенный
пурпур.

Все остальные толпой за своими подходят дарами;
Ну, а каков получится толк, — какое мне дело?..

XV. [После этого мать убежждает Руодлиба самого жениться]

...хотя [окаянная старость]
Всех подчиняет себе, никому не зная пощады.
Женщина, чье лицо луне подобно в расцвете,

Будет с годами точь-в-точь со старою схожа
мартьшкой.

Гладкий некогда лоб перережут морщинные складки,
Очи померкнут — а встарь сияли, как у голубки;

Слизью нальется нос и грязными каплями каплет;

Щеки были круглы, а теперь мешками обвиснут;

Длинные зубы торчат, шатаясь, готовые выпасть;

10 Между ними язык с трудом протиснет словечко,
А как протиснется — словно оно насквозь
пропылилось;

. Стал подбородок кривым и отвис, коверкаясь, к
горлу;

Рот, манивший к любви, теперь лишь смех вызывает —
Полуоткрыт, на пещеру похож, пугалище людям.

Шея, гибкая столь, ощипана, словно у дятла;

Грудь, прекрасная грудь, до самых сосков налитая,

Ныне отмякла и свисла, как гриб, к зиме опустелый.

Кудри, до ягодиц золотой струившие отблеск,

Всю, волосок к волоску, покрывавшие нежную
спину,

20 Встали дыбом на страх любому, кто только
посмотрит,

Словно голову сквозь плетень тянули с затылка;

Свисшая голова меж торчащих плеч, как в ущелье, —

Поздний коршун таков, когда витает над трупом.

Та, что привыкла ходить в широко развевавшейся
юбке, —

Вздернула даже рубаху, чтоб грязью ее не запачкать,
Кланяясь стеблям бобов, собираемых ей на похлебку.

Были на ней башмаки, казались узкие слишком —

Ныне расселись лопатой и скрючились кверху
носками,

Грязь набирая с обеих сторон на проезжей дороге.
30 Пальцы были белы, пухлы, изящны и тонки —
Нынче — кожа да кость, меж ними ни плоти, ни
крови,
Грязные, в складках морщин, узластые, вечно под
сажей,
Длинные ногти давно не стрижены, все почернели, —
Так-то старость гнетет равно и юнца и девицу!

[Мужчина к старости:]

...где земля поднимается выше	...убежит горемычный
...чай зад в седле лошадином	...и все его проклинают
...повесит его, хоть и друга	...а в юности полон восторга
...с седлом качаяся вместе	50 ...по струнам пальцами ритмы
40 ...а если случится, то вьючный	...от веселья крутя головою
...чрез широкие прыгал потоки	...на себя самого посмотревши
...опираясь частенько на палку	...хотят, чтоб вернулось былое
...облегчив себя, сколько возможно	...коли было бы можно повторно
...за ним идет, сотрясаемый кашлем	...и сам себе петлю накинет
...глядит, как кружат хороводы	...сердечно вздыхая и плача ...говоря с собою частенько:

[«Смерть людская,] конец единственный наших
несчастий,
[Медлишь почто?] Почто не придешь спасти из
темницы?

- 60 [Смерть, избавь меня] от тщетных томлений и муки,
[Кои должно терпеть,] хоть жизнь и ужаснее смерти,
[Вплоть до поры,] пока волею Божьей душа не
изыдет.

[Он кладет конец] всему в воздухе, суще и море, —
[Что имело зачин,] то будет иметь и кончину.
[Так] Рудлибова мать ему [непрестанно] грозила,
[Ибо старела сама,] и уже избежать невозможно

...

...ничего не имея другого

...сынок, твоя вящая

мудрость

...со своим добром обращаясь 70 ...более, чем

прояснеет

XVI. [*Мать взывает к его мудрости:*]

«Ежели сына ты не родишь, то кто твой
наследник?

Если бездетным умрешь, ты знаешь ли, что это
значит?

Будет о наших делах опять пререкание злое!

Мною уже давно молодые утрачены силы —

Ибо все десять лет, что ты воевал среди афров,

Каждый день и каждый час я терзалась в заботах,

Плача о доле твоей и о царстве печалуясь нашем.

Если бы ты не пришел — давно б я сидела слепая,

Но услыхав о тебе — я снова омолодилась;

- 10 Лучше держу я себя, чем сила моя позволяет!
Если ты хочешь, хочу я созвать всех родичей наших,
Всех друзей, которые нам верны оставались, —
С их советом и с их подмогой еще я надеюсь:
Можно будет найти достойную женщину в жены,
Чтобы ее ты знал, чтоб была она знатного рода
И по отцу и по матери, так, чтобы дитя не хромало,
Нравом была бы она не хуже, чем ты своей славой, —
И милосердный Господь вас свел и вас сочетал бы».
Руодлиб так отвечал, чтоб угодное матери сделать:
20 «Завтра давай созвовем друзей и родичей наших,
Чтобы они собирались так быстро, как только
возможно.
Если дадут совет, которого ты не отринешь, —
Я не премину свершить все то, чего ты желаешь».

Посланы были гонцы, и друзья собирались
толпою.

- Все, какие пришли, по обычаю приняты были:
Руодлиб расположил сиденья, отлично придумав,
Где кому сидеть на ему предназначенном месте,
Чтобы за каждым столом сидели два знатные мужа.
Выше всех он поставить велел материнское место,
30 Чтобы оттуда она озирала пирующих взором.
Рядом же с ней — никого, и сразу видно: хозяйка.

Так почитая мать-госпожу и так добиваясь
От всенародья хвалы, тем самым от вечного Бога
Он стяжал венец и вечную жизнь во блаженстве.
[Был отпразднован пир,] потом столы отстранили
[И запирают дверь] с двумя молодцами на страже,
Чтобы они никому ни войти не давали, ни выйти

Прежде, чем совет сойдется на лучшем решеньи.
Руодлиб встал, попросил соблюсти ненадолго
молчанье,

- 40 Чтобы поведал он им, зачем они созваны были.
Все умолкли, и он сказал, для матери в радость:

«Выслушайте меня, друзья и сородичи наши!
Сколько вынесла бед и трудов любезная мать,
Дважды осиротев, лишенная мужа и сына,
Все неся на себе, — вы это знаете сами.
Силам приходит конец, и тело ее ослабело:
Что она раньше могла, того она больше не может.
Так она сама говорит, и я сам это вижу.
Вот почему неустанно меня она просит жениться.

- 50 Ради этого я и созвал вас здесь для совета,
С тем чтобы каждый из вас, подумав, со мной
поделился:
Я — недавний здесь человек, и ваших не знаю
Женщин, и знать не могу, к кому обратиться
счастливей.

Так расскажите вы мне, подумав о названном деле,
Можете ль вы найти супругу, достойную брака,
Чтобы она отнюдь не бесчестила нашего рода,
А украшала его и нравом и знатностью славной».
Был ответ един: «Мы счастливы этой заботой,
Чтобы узреть наконец от тебя рожденного сына, —
60 Доблестей, нравов твоих и богатств он будет
наследник:

Бог его да пошлет твоему именью и славе».
В этом согласны все, обещают каждый подумать.
Только один встает, которому эта округа
И именитые в ней господа отлично знакомы.

«Знаю, — он говорит, — я даму вровень с твою
Знатностью, честностью нрава и всем, что есть
добродетель.

Я бы хотел, чтобы ты увидел ее, а увидев,
Скажешь сам, что в мире другой не сыщется дамы,
В коей так бы любая была сильна добродетель.

70 Будет такая жена украшением всякому мужу».

XVII. [Руодлиб обнаруживает, что у этой женщины —
тайная любовь с клириком; он посыпает к ней гонца-
свата с закрытым коробом, который тот должен
открыть лишь по получении ответа]

...В чашах ему принеся отменно лучшие вина,
В кубках ее золотых подслащенные сладостью меда,
Встав перед ним, повела она разговоры о девах
Той земли — какова красота их, слава и нравы.
Вестник с улыбкой в ответ: «Об этом я знаю немного,
Дела мне нет до того, чтоб следить за такими

вещами,
Как поведение дам, — пусть тешится этим забавник.
Если я куда иду и женщину вижу,
То поклонюсь и дальше иду, куда направлялся.

10 Лучше скажи, госпожа: каков твой ответ Руодлибу?»
Та говорит: «Скажи, что сердце мое ему верно, —
Столько в нем любви, сколько листьев на этих
деревьях,
Столько нежных чувств, сколько прелести в пении
птичьем,
Столько почтения, сколько цветов и трав на поляне». Вестник решил, что вот и жена для его господина.

- Но, собираясь уйти, он вдруг онемел по-дурацки,
Еле вязал слова и взыхал горюющим вздохом:
«Страшная вещь приключилась со мной — мне
стыдно признаться,
Хуже быть не могло ни с одним на свете посланцем:
- 20 Мой господин тебе шлет запечатанный малый
подарок».
- Из сапога достает коробочку, в коей подарки;
Взявші в руки ее, отходит дама в сторонку
И у окошка встав, открывает крышку коробки.
Видит: тонким внутри она затянута платом,
Дважды двумя на углах закрепленным печатями
перстня
- Так искусно, что ей немало пришлось потрудиться
Прежде, чем, печати сломав и узлы пораспутав,
Сверточек видит она из отменной пурпурной ткани,
В нем же — платок головной и две наколенных
повязки:
- 30 Их потеряла она, когда с клириком вместе лежала.
Это увидев, она вмиг вспомнила, где потеряла,
Сразу дрожит, бледнеет лицом, холодаеет всем телом,
И уж сомнения нет у нее, что хитрым притворцем
Был человек, казавшийся ей неумелым посыльным.
«До сих пор меня целомудренной люди считали!» —
Думает; эта мысль возвращает душевые силы,
И, возвратившись к гонцу, вопрошаet, в самом ли
деле
- Он не знал, какие дары за печатью лежали,
И при нем ли его господин в коробочку клал их.
- 40 Вестник клянется Тем, от Кого ничто не укрыто,
Что не видал он этих даров, и дивится вопросу:
Все, что он получил, то было уже за печатью.

«Родич он, друг ли тебе, передай ему, — молвила
дама, —
Что коли он один из мужей остался бы в мире,
Что коли он предложил бы весь мир мне свадебным
даром,
Я за него не пойду, — вот самый правдивый ответ
мой».

Ей отвечает посол, опечались таким оборотом:
«Странно мне — почему я подпал под твоё
подозренье:
Думаю, я бы сумел объяснить любую неладность».

50 «Смолкни, — она говорит, — и прочь, без единого
слова!»

Вестник спешит назад, является вновь к
Руодлибу.

«Вижу, что выпил ты хорошо и накормлен на славу;
Так расскажи, каково приняла она предложенье?
Не утай: по душе пришелся ли ей мой подарок?»

Так говорит, веселясь, и трясется от громкого смеха.
Вестник на это ему: «Потеряешь хорошего друга,
Если еще раз пошлешь меня в такое посольство».

Но, уже не шутя, Руодлиб говорит без обиды:
60 «Молви, сородич, сперва, о чем сказала хозяйка
После того, как поведал ты ей о великой любови?»

«После того, как я доложил твоё порученье,
Слова она не сказав, угостила меня до отвала,
Выставив мед и вино — и в меру, и более меры.
А как спросил я ее, каким же ответить ответом,
Молвила так: "Скажи, что сердце мое ему верно,
Столько в нем любви, сколько листьев кругом на
деревьях,

Столько нежных чувств, сколько прелести в пении
птичьем,

Столько почтения, сколько цветов и трав на поляне".
Этот давши ответ, она меня отпускает,

- 70 Я же, вдруг онемев, говорю, что со мною неладно,
И притворяюсь, что я забыл передать твой подарок.
Взявши его, она отошла с ликованием в лице,
А воротясь, говорит, и голос ее негодует:
"Знал ли, признайся, ты сам, какие несешь ты
подарки?"

Я поклялся пред ней Всеведущим и Всемогущим,
Что не заглядывал внутрь и не знаю, что было в
коробке,

Ибо понятно: не мне назначено, что под печатью.
"Родич он, друг ли тебе, передай ему, — молвила
дама, —

- 80 Что коли он один из мужей остался бы в мире,
Что коли он предложил бы весь мир мне свадебным
даром,
Я за него не пойду, — вот самый правдивый ответ
мой".
"Стало быть, надобно мне искать другую невесту,
Чтобы она от меня потаенной любви не искала!"»

[Мать Руодлиба видит сон]

Но Руодлибова мать, радея во имя Христово
О неимущих, о странниках и о сиротах и вдовах,
Так заслужила, трудясь, для сына великую благость,
Что в откровеньи явил ей Господь, как его
возвеличит.

Раз однажды во сне она двух увидела вепрей,

С множеством диких свиней при себе, грозящих
клыками

- 90 Так, как будто они войной устремились на сына.
Он, однако же, снес мечом обе головы вепрям
И перебил, не щадя, свиней нападавшее стадо.
После увидела мать большую ветвистую липу,
А у нее в ветвях на самой высокой вершине
Виден был Руодлиб, вокруг которого в сучьях
Много толпилось бойцов, как будто к войне
собираясь.
Вдруг слетает с небес белоснежная птичка-голубка,
В клюве неся венец, в драгоценных сиявших
каменьях,
И, возложив на чело Руодлиба, садится с ним рядом,
100 Клювом целуя в уста, и он поцелуи приемлет.
Видя такое во сне, задумалась мать Руодлиба,
Что бы могло означать представшее ей сновиденье.
И хоть сомнения нет, что грядет великая почесть,
Гордость не вскинулась в ней, смирение прежним
осталось,
Ибо она не себе, а лишь благодати Господней
Все сопричла, что было во сне Руодлибовой славы.
Три промедливши дня, она ему рассказала
Сон о стаде свиней, которое он перерезал,
И о сраженьи с двумя предводившими их кабанами,
110 И как представился он сидящим на липе высокой,
В ветках которой под ним его же виднелись
питомцы,
И как слетела с небес голубка с венцом
драгоценным,
На руки села к нему и в уста его целовала.
«Это увида во сне, — сказала, — я тут же проснулась,

И пробужденье мое самой мне было не в радость,
Ибо значит оно, что я умру, не увидев,
Что за конец придет череде происшедших событий.
Помни же, помни, мой сын, сколь часто своей
добротою

Бог тебе помогал, спасая от гибели даже,

120 И как в изгнаньи твоем многократным своим
пособленьем

Спас Он тебя и вернул богатым в отчую землю.
Ныне, я знаю, тебе суждена и высшая почесть,
И опасаюсь того, что Господь опять награждает
Нас с тобой, словно мы угодное сделали что-то
Вышней воле Его; но не молви гордого слова!
Что мы можем, когда от Него – все то, что имеем?
Худо ли нам, хорошо ль: да будем Ему благодарны».

XVIII. [Сон начинает сбываться: перед пещерою
Ruodlib захватывает и связывает карлика]

...Так и сяк он старался уйти, надрывался и
бился,

Но, изможденный, упал и едва переводит дыханье.

Силы собрав, наконец, он смиленно сказал

Ruodlibу:

«Ах, помилуй меня, и будет тебе благодарность:

Если ты меня не убьешь, а руки развязешь, –

Я покажу, где двух царей покоятся клады.

Это отец и сын, с тобой они будут сражаться

(Иммунх – имя отцу, и Хартунх – прозванье сыну),

Оба будут тобой и побеждены и убиты –

10 После этого дочь царя наследницей станет

Целого царства — прекрасная дева, зовут Герибурга.
Ты овладеешь и ей, но с великим кровопролитьем —
Только меня отпусти и моим повинуйся советам».

Руодлиб гному в ответ: «Охотно тебя пощажу я,
И невредимым уйдешь, если только меня не
обманешь.

Я бы тебя развязал, кабы чувствовал только
доверье, —

Но отпусти я тебя — ведь ты ничего мне не скажешь!»
«Нет, у нас никогда не бывает такого обмана,
И оттого-то мы все живем долговечно и здраво.

20 Это у вас, у людей, говорят лишь от лживого сердца —
Вот потому-то и жить вы не в силах до старости
нашей:

Чем правдивей язык, тем больше отпущено жизни,
Мы же лишь то говорим, что подлинно на сердце
держим,

И не едим ничего, что приносит недуги и хвори, —
Вот потому-то живем мы дольше и крепче, чем люди.
Верь мне, и сам не будешь жалеть о том, что поверил;
Если ж не веришь — моя жена заложницей будет».

Кличет он из пещеры жену, и жена выбегает —
Ростом крошка, лицом хороша и богато одета.

30 Рыцарю бросилась в ноги она, сокрущенно рыдая:
«О, наилучший муж, отпусти мне супруга на волю
И задержи меня в залог его обещаний!»...

Комедия о трех девушких

Перевод выполнен по изд.: «La “comédie” latine en France au XII siècle» / Ed. G. Cohen. Paris, 1931. Vol. II. P. 233. Поэма французского происхождения середины XII в., характерная для средневековой разработки овидианской эротики, совершившейся в «ученой» поэзии параллельно с вагантской «низовой» поэзией. Принадлежит к обширной средневековой псевдо-Овидиане: из трех известных рукописей две называют автором стихотворения Овидия. Слово «комедия» в средневековой латыни давно утратило всякие ассоциации со сценой и в терминологии тогдашних теоретиков литературы означало просто стихотворный рассказ о простых событиях, простым стилем и со счастливым концом. Такие «комедии» сочинялись в школах, особенно в северной Франции и Англии; самые ранние из них перерабатывают (через вторые руки, конечно) сюжеты настоящих античных (павловских) комедий, потом содержание их осовременивается, намечается отчетливый уклон к бытовой топике и развлекательности и наконец, в переложении на новоевропейские языки, эти «комедии» становятся одними из первых стихотворных фаблио. «Комедия о трех девушках», сосредоточивающая внимание

не на развитии сюжета, а на описательных деталях, стоит в стороне от этой основной линии развития «элегической комедии».

Шел я по улице, был я один, ни с кем не попутчик;
Вечный мой спутник, любовь, только со мной
и была.

Шел я, стихи сочинял и думал, какой бы девице
Эти стихи поднести, чтобы понравиться ей.
Вдруг я увидел вдали: как будто выходят три нимфы —
Все высоки и стройны, средняя более всех.
Шла она между подруг, все трое шагали проворно,

Только у средней была поступь резвее других.

Если бы я увидал в руке ее лук или дротик,
10 Я бы решил, что ко мне дева Диана идет.
Ибо, клянусь, такова и бывает Диана, охотясь
В чащах дремучих лесов, с сонмищем ловчих
подруг.

Мне захотелось на них посмотреть, познакомиться
с ними;
Я повернул и пошел, путь им навстречу держа.
Вот, приблизившись к ним, я смог разглядеть их
яснее,

Смог посмотреть им в лицо и различить их черты.
Вижу: не нимфы они, а девушек трое красивых,
Но красотою своей впрямь затмевают и нимф.
Да и не только ведь нимф: Венеру, Юнону, Палладу
20 Я не посмел бы сравнить с ними в их юной красе.
Сколько я ни смотрю на лица, на кудри, на тело,
Руки и пальцы девиц, — все в них пленяет меня.
Чувствую я: Купидон пронзил мое сердце стрелою

И зажигает в груди жаркое пламя любви.
Спор у девуцек был — какая искуснее в пенье?
Пели все хорошо, лучшую трудно найти.
Вот и решили они, чтоб надежный судья и ценитель
Вынес им свой приговор, славу одной присудив.
Долго описывать всех троих — скажу о единой,
30 Той, что собою была краше обеих подруг.
Розы в руках у одной, плоды у другой, а у третьей —
Ветви деревьев — несет каждая то, что милей.
Платье было на ней, расшитое перлом и златом;
Перла и злата светлей тело сияло под ним.
В русых ее волосах золотая сверкала повязка —
Русый цвет для меня был золотого милей.
Розы, сплетаясь в венок, обвивали голову девы,
Но и без этих прикрас дева красива была.
Лоб сиял белизной, и горло, и шея, и руки,
40 Сердце сжигая мое жарких желаний огнем.
Знаю, как ночью с небес лучистые светятся звезды, —
Только у девушки той очи сияли ясней.
Были в ушах у нее дорогие жемчужные серьги —
Но и жемчужный убор бледен казался на ней.
Грудь под тканью одежд нигде не виднелась сосками —
Стянуты туго они или уж очень малы.
Девушки груди свои нередко бинтом пеленают,
Ибо для взгляда мужчин полная грудь не мила.
Но не нуждалась в бинтах предо мною представшая
дева —
50 Грудь ее малой была в скромной своей полноте.
Пояс дивной красы, расшитый каменьем и златом,
Нежным объятьем облек чресла моей госпожи.
Нужно ли все исчислять? Когда бы я взялся за это,
Я ведь не кончил бы речь даже и в тысячу дней.

То, что скрыто, всегда прекрасней, чем то, что
открыто —

Так и у девы моей лучшая скрыта краса.
Что было делать? Язык не в силах мой был
шевельнуться.

Все ж размыкаю уста — так повелела любовь.
Я говорю ей: «Привет богине и спутницам юным!

60 Дева, богиня ли ты — счастья желаю тебе!
Равного счастья тебе и твоим я желаю подругам,
Хоть признаюсь, не стыдясь: ты мне милее
подруг.

Если какие-то споры меж вами посеяли расплю,
Мне расскажите о том — я их готов разрешить.
Вы подчинитесь должны моему приговору по праву,
Ибо в искусстве любом я превосходный знаток.

Я ведь и пенью учен, как и другому всему».
Только они услыхали, что я говорю им о пенье,
70 Разом вскричали все три: «Будь же ты нашим
судьей!»
Видим поблизости луг, пленяющий нежной травою,
Посередине стоял дуб, расстилающий тень;
Место понравилось нам, вчетвером мы туда
поспешили,
Чтобы под сенью ветвей спор разбирать и судить.
Вот на зеленом холме я занял судейское место
И указал я места девушкам, каждой из трех.
Той, что розы несла, я велел начинать состязанье —
И, повинувшись, она первая петь начала.
Песню она завела о войнах богов и гигантов,
80 Буйство которых поверг в прах олимпийский
перун.

Кончила девушка петь, за ней начинает вторая —

Та, у которой в руках ветви деревьев цвели.

Став перед нами, она запела о страсти Париса —

Песня такая была, видимо, ей по душе.

Всем ее песня была хороша; но вот выступает

Третья из юных певиц — та, что молчала дотоль.

Кудри ее обвивал венок из цветов ароматных;

Встала, движеньем руки всем приказала молчать.

Песню запела она о Юпитера нежных забавах,

90 Как он Европу увлек, скрыт под личиной быка.

Пела для всех она любо, а мне особенно любо:

Более всех по душе было мне пенье ее.

Голос ее вылетал из прелестных розовых губок,

И повторяло его эхо от ближних камней.

Именно так, наверно, Орфей фракийские скалы

Двигал, кифары своей легкой касаясь рукой.

Именно так, наверно, вели свои песни сирены —

Пеньем желая сдержать бег итакийской ладьи.

Каждая песней своей взывала к скитальцу Улиссу,

100 Но устоял против них предусмотрительный муж.

Если бы между сирен была такая певица —

Против нее никогда он бы не смог устоять.

Кончила песню она, затих ее сладостный голос,

И поспешил я воздать деве за песню хвалу.

Мне захотелось решеньем своим присудить ей

победу:

«Ты, — объявил я, — поешь лучше обеих подруг.

Голос приятнее твой, и искусствей его переливы,

И красотою лица ты превосходнее всех.

Пусть же победу твою двойной венец увенчает —

110 Ты в состязанье двойном дважды снискала

успех».

Тут я из пестрых цветов сплетаю двойную гирлянду
И обвиваю чело этой наградой двойной.

Дева, молчанье храня, принимает влюбленную
почесть,

А у обеих подруг зависть таится в душе.

Это заметив, она говорит: «О, юноша славный,
Ты награждаешь меня — будь же и ты награжден.
Знай, что умею ценить я заслуги, которые вижу,
Так оцени же и ты расположенье мое.

Сам попроси у меня, какого желаешь, подарка —

120 Я для тебя совершу все, что угодно тебе.
Ты не суди обо мне по иным, по обманчивым девам —
Сам убедись, что мои веры достойны слова.

В этом тебе я клянусь священным Юпитера
скиптром —

.....»
«Ты за услугу мою обещаешь, чего попрошу я, —
Так говорю я в ответ, — многого я попрошу!
Только тебя я хочу, тебя я желаю в награду,
Ибо тебя я люблю, хочешь ли ты или нет.
Ты лишь будь мне наградой, другой награды не надо.

130 Если себя мне отдашь — словор исполнится наш.
Помнишь, к Парису пришли Паллада, Юнона,

Венера —

Каждая даром своим тщилась ему угодить.
Все сравнивши дары, он одной предпочтение отдал —
Той, что сулила ему милой подругой владеть.
Он бы иначе судил, коль было бы что-нибудь слаше,
Нежель на ложе любви милое тело сжимать.
Учит подобный урок, чему отдавать предпочтенье;
Будь мне примером Парис — я выбираю тебя.
Не побоялся Парис отдать предпочтенье Венере,

140 Чтобы наградой ему стала Елены краса.

Ты, по суду моему победившая в песенном споре,

Дай мне в награду за то девичью сладость твою.

Если же я не кажусь достойным подобной награды —

Дай, что можешь мне дать, девичью честь

сохраня.

Ежели мне не дано насытиться внутренней сластью —

Что же, мне будет мила даже наружная сласть».

Мне рассмеялась в ответ звениящим красавица

смехом:

«Все сомненья рассей: ты — мой возлюбленный
друг!

Все сомненья рассей, — повторяет, сомнения видя, —

150 Только с тобою вдвоем нас сочетает любовь.

Будешь ты мой, я тебе подарю мою девичью сладость —

Сохранена для тебя девичья целость моя.

Не сомневайся, тебя недолгое ждет ожиданье —

Этой же ночью со мной будешь ты ложе делить».

Так промолвив, она «Прощайте!» — сказала подругам

И поспешила к себе в пышно разубраный дом.

Феб в колеснице своей нисходил уже в волны

морские

В час, когда мы вошли в ложницу девы моей.

Помнил я клятву ее — и все-таки клятве не верил,

160 Клятве, что ляжет она этою ночью со мной.

Я и решил испытать — испытать никогда не мешает, —

Точно ли хочет она сладкую клятву сдержать.

Делаю вид, что спешу, как будто пора мне

прощаться:

«Поздно, пора мне идти — милая дева, прости!»

«Нет! — отвечает она, обнимая и в губы целуя, —

Здесь для тебя и меня нынче готовится пир,

Здесь меня и тебя ожидает любовное ложе,

Здесь Венера царит и сладострастный Амур.

Время уж позднее, ночь, темнота окутала землю,

170 И не сияет с небес свет благосклонной луны.

Все на запорах ворота, ни выхода нету, ни входа,

Ты по такой темноте не доберешься домой.

А по дорогам ночных порой привидения бродят,

Подстерегая того, кто задержался в пути.

Ночь — причина одна, любовь — причина вторая,

Чтобы остался ты здесь, в светлом покое моем.

Я же сама и просьбы мои — вот третья причина:

Пусть она будет, прошу, веской, как первые две.

Как, неужели втроем — и ночь, и любовь, и подруга, —

180 Мы не сумеем тебя здесь удержать одного?

Милый, останься со мной — ты любовь мою скоро
узнаешь!

Если сейчас ты уйдешь — камень в груди у тебя!»

Как не склониться на просьбы ее, на ее уговоры,

Если у нас у двоих было желанье одно?

Ясно мне стало: она меня действительно хочет —

Было бы это не так — этих бы не было просьб.

Вот уж готовится пир, повсюду жарится мясо,

Слуги приносят столы, ложа приносят к столам...

.....

190 Каждый в доме слуга занят при деле своем.

Тот полотенце несет, тот блюдо, тот чаши и кубки —

Всякий стараньем своим рад перед гостем

блеснуть.

Вот мы садимся за стол, накрытый для пышного
пира, —

Но и за пышным столом радости не было мне.

Стоило мне поглядеть в лицо и в очи подруге,

Как трепетало опять внутренним тело огнем.

Ах, сколько раз, сколько раз испускал я стенанья и
вздохи,

Видя на милых устах нежной улыбки привет!

Пусть, как хотят, говорят, что улыбка влюбленному в
радость, —

200 Я от улыбки ее горькую чувствовал боль.

Боль сжимала меня, и не впрок были сладкие яства,
И ни одним я не мог тело свое подкрепить.

«.....» —

Так она мне сказав, поцеловала меня. —

«Милый, прошу я тебя, отведай хоть ляжку говяжью,
Чтобы, окрепнув, смелей ляжек коснуться моих.

Съешь эту ногу, не в тягость она, — и за это наградой
Ноги мои для твоих в тягость не будут плечей».

Принял я все, что она мне дала, и съел без остатка,

210 И никакая еда мне не бывала вкусней.

Будь даже эта еда гораздо и проще и хуже —

Мне бы за этот посул сладкой казалась она.

Вот, заслужив похвалу, беру золотую я чашу;

Губы к краям подношу там, где она отпила.

Так и наелся я, так и напился я с помощью милой,

А без нее бы не в прок мне ни еда, ни питье.

Кончился ужин, и стол опустел, и велит моя дева

Чтобы постлали рабы ложа и нам и себе.

Но понапрасну велит: уже опьяненные слуги

220 Знать не хотят про постель, Вакху лишь славу
поют.

Отягощенные сном и вином, бредут они шатко,

И ни рабыня, ни раб места себе не найдет:

Этот на сено залез, другой под сеном укрылся,

Третий солому себе сонно сгребает под бок.

Сам тогда я встаю, и встает со мною хозяйка, —
В опочивальню ее об руку с нею идем.
Свежее ложе стоит — казалось бы, малое ложе,
А ведь сумело двоим сладкой утешою быть.

- Изображенья богов и богинь его украшали —
230 Вырезал образы их резчик искусствной рукой.
Сам Юпитер стоял и смеялся любовным забавам —
То под обличьем овна, то под обличьем орла.
В стольких видах его представил достойный

художник,

Что и поверить нельзя, будто во всех он один.
Были с другой стороны изваяны той же рукою
Марс и Венера вдвоем, рядом на ложе любви;
Здесь же ревнивец Вулкан на них раскидывал сети,
Чтобы нагие они в хитрый попались силок.

- Даже и я испугался, не нам ли он строит засаду, —
240 Так хорошо изваял резчик ревнившую страсть.
Я посмеялся, со мной и моя посмеялась подруга —
Был ей к лицу этот смех более, нежели мне.
Медлить я не хочу, я ложусь на прекрасное ложе,
И укрывает меня пышно расшитая ткань.
Дева служанкам велит удалиться из опочивальни
И запирает сама крепкую дверь на запор.
Всюду блистают огни золотые светильников ярких —
Мнится, что в спальне у нас солнце не кончило

бег.

- Вот она рядом, нагая, своей наготы не скрывая, —
250 В нежной ее красоте нечего было скрывать.
Если хотите — верьте, а если хотите — не верьте,
Чистое тело ее было белее, чем снег —
Снег не такой, что уже потемнел под касанием Феба, —
Нет, иной чистоты, солнца не ведавшей ввек.

Ах, что за плечи, и ах, что за руки тогда я увидел!

Ноги белы и стройны были не меньше того.

Грудь у нее была хороша и на вид и на ощупь,

Твердо стояли соски, трижды милей оттого.

А под покатою грудью покатый живот округлялся,

260 Плавно переходя в плавно изогнутый бок.

Нет, не хочу продолжать — кое-что я увидел и лучше,

Глядя на тело ее, — но не хочу продолжать.

Трудно мне было сдержаться, глазами ее пожирая,

Чтоб не коснуться рукой млечной ее белизны.

Как тут быть? И смотреть на нее я больше не в силах,

И не смотреть не могу — слишком она хороша.

Чем я больше гляжу, тем больше пылаю любовью —

Сладко и больно глядеть, в сладости прячется
боль.

Вот, наконец, наглядеться мне дав на прекрасное

тело

270 (Долго я, долго смотрел — было на что

посмотреть),

Всходит она на постель, и, натянута нежной рукою,

Пышно расшитая ткань наши прикрыла тела.

Руки я обвиваю вокруг сияющей шеи —

И прижимаю уста к нежным устам госпожи.

Тысячу раз я целую ее, а она отвечает:

Каждый мой поцелуй был и ее поцелуй.

Вот к бедру моему она бедром прилегает —

Сладко было в любви ноги с ногами сплетать.

Свой живот к моему животу она прижимает —

280 Хочет на сто ладов нежить и нежить меня.

«Поторопись, — говорит, — меня ты наполнить

собою,

Ибо кончается ночь и возвращается день.

Дай мне руку», — она говорит. Даю я ей руку.

Руку прижала к груди: «Что здесь в руке у тебя?»
Стиснув упругую грудь, отвечаю красавице милой:
«Плод, вожделенный давно, нынче сжимаю в
руке.

Ах, как страстно желал я именно этого дара;

Ныне желанья сбылись — ты одаряешь меня».

Дальше скользнул я рукой, ее стройные ноги
ощупал, —

290 Прикосновения к ним были мне сладче, чем мед.
Страстно тогда я вскричал: «Ты всего мне на свете
дороже —

Нет сокровищ иных, лучше и краше, чем ты!

Раньше нравились мне голубиные легкие ноги,

Ныне всего мне милей эти вот ноги твои.

Соединим же тела, сольемся в любовном объятье —

Пусть в нас каждая часть делает дело свое!»

Что еще мне сказать? Сказать, что мы сделали?

Стыдно;

Да и подруга моя мне не позволит того.

Все ведь имеет конец; а плохой был конец иль

хороший —

300 Знает Венера о том, знает и милый Амур.

Действо о Страстях Господних

Одна из четырех религиозных драм, замыкающих Буранский сборник. Текст сохранился плохо, с большими сокращениями типа «и прочее», по необходимости раскрытыми в переводе. Ирод, упоминаемый во вступительной ремарке, в действии участия не принимает; возможно, что соответствующая сцена выпала целиком. Песни Богоматери у креста не принадлежат к этому произведению, а были сложены в XII в. отдельно, пользовались широчайшей популярностью и вставлялись в пасхальные действия как вставные номера; так сделано и здесь, причем переписчик опять-таки ограничился простым указанием на текст, не говоря, в каком сокращении он исполняется (в полном объеме «Плач Богоматери» очень велик и не мог быть введен в пьесу без нарушения пропорций; сокращение сделано переводчиком). Содержание действия охватывает последние эпизоды евангельского сюжета — встреча с Закхеем, вхождение в Иерусалим, обращение Магдалины, исцеление Лазаря, предательство, муки, конец Иуды, распятие. Вступительная сцена с призванием Петра и Андрея связана с этим комплексом событий более отдаленно. Есть отступления от евангельской хронологии: отрече-

ние Петра вставлено в сцену пленения, ужин в Вифании и воскрешение Лазаря поставлены после вхождения в Иерусалим. Действия и реплики подаются на фоне хорового пения повествовательных частей. Образ Марии Магдалины контаминирован с образом Марии из Вифании, сестры Лазаря и Марфы. Роль торговца перешла в «Действие о Страстях» из более популярного «Действа о Воскресении Господнем», где он продает благовония женам-мироносицам, идущим ко гробу Господню. Немецкие реплики и куплеты, введенные в пьесу для общедоступности, напечатаны курсивом.

Первым чином войдут Пилат и жена его с воинами и займут свое место. Далее Ирод с воинами своими; далее первосвященники; засим торговец и жена его; за ними Мария Магдалина.

Далее выйдет Лицо Господне воедине на берег моря призывать Петра и Андрея и найдет их за рыбной ловлею, и Господь скажет им:

— Идите за мною, и я сделаю вас ловцами человеков.

Они же скажут:

— Господи, что пожелал Ты, мы совершим, и волю Твою исполнить поспешим.

Далее пойдет Лицо Господне к Закхею, и встретится ему слепой:

Мф 4, 19

— Господи Иисусе, сыне Давидов, помилуй меня!

Л 18, 28–42

Иисус ответит:

— Чего ты хочешь от меня?

Слепой:

— Господи! Чтобы мне прозреть.

Иисус скажет:

— Прозри: вера твоя спасла тебя.

По совершению сего Иисус взойдет к Закхею и позовет его с дерева:

Л 19, 5

— Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно мне быть у тебя в доме.

Закхей скажет:

Л 19, 8

— Господи! Ежели кого я чем обидел, воздам вчетверо.

Иисус ответит:

— Ныне пришло спасение дому сему, потому что и ты — сын Авраамов.

Иисус грядет. [Клир поет:]

Когда приближился Господь к Иерусалиму, послал Он двух из учеников своих, сказав:

Л 19, 30–31

— Пойдите в противолежащее селение и найдите молодого осла привязанного, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите мне. Если кто спросит вас, скажите: Он надобен Господу.

Отвязав, привели его к Иисусу, и накинули на него одежды свои, и Он сел на него. Иные постилали одежды свои по дороге, иные же рассыпали ветви с деревьев, а следовавшие — гласили:

Мк 11, 9–10

— Осанна, благословен грядущий во имя Господне! Благословенно царство нашего

Давида! Осанна в вышних! Сыне Давидов, помилуй нас!

И далее:

Когда услышал народ, что грядет Иисус в Иерусалим, взяли ветви пальмовые и вышли ему навстречу, и гласили отроки, говоря:

Мф 21, 5

— Сей есть, кто придет во спасение народа, сей есть спасение наше и искупление Израиля; сколь велик Он, кому служат престолы и власти! Не бойся, дщерь Сиона, се царь твой грядет к тебе, сидя на молодом осле, как писано. Привет тебе, Царь, Сотворитель мира, что пришел ты для нашего искупления.

И отроки, простирающие одежды и ветви:

Отроки иудейские, сорвав ветви масличные, вышли навстречу Господу, глася и говоря:

— Осанна в вышних!

И вновь отроки:

Отроки иудейские простирали одежды на дорогу и гласили, говоря:

— Осанна сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне.

И вновь:

— Слава, хвала и честь Тебе, Христе, Царю искупителю!

Тут придет фарисей и позовет Иисуса к трапезе:

Л 7, 36

— Равви, что значит учитель, прошу, соизволь сегодня вкусить со мной пищи.

Иисус ответит:

— Да будет по прощению твоему.

Фарисей скажет рабу:

— Идите, не медлите,

Приготовьте седалища,

Пиру подобающие,

Сердце услаждающие.

Мария Магдалина начнет петь:

— Мира обольщение — всем сердцам ус-
лада!

К миру приобщение — лучшая отрада!

Мир своим причастникам обещает счастье!

Мир пленяет юную жаром сладострастья!

За мирские радости жизнь отдаю охотно!

Мне всего желаннее то, что мимолетно!

О душе не думая, тело возлею,

Щеки нарумянивши и возлив елея.

Засим подойдет Мария с девицами к торгов-
цу с таковым пением:

— Дай, торговец, выложи лучшие товары,

Коими умножатся женственные чары!

Дай для умашения сладкого елея,

Чтобы тело нежное сделалось нежнее!

Торговец поет:

— Вот вам притирание, вот вам умащенье,
Чтоб лицо пригожее сделать совершен-
ней!

Если вам понравится это благовонье, —

Станете, красавицы, лучшими в Сионе.

Мария Магдалина:

— *Дай мне, разносчик, дай мне румян,*

Что нежные щеки румянят!

*Тот, кто юн и страстью пьян,
Втрое пьянее станет!*

*Посмотри, моя душа,
Ужели я не хороша?*

*Ах, мужчина рожден любить,
Женщина — быть любимой!
Без любви нам жить и быть
Больно и нестерпимо.*

*Посмотри, моя душа,
Ужели я не хороша?*

*Здравствуй, мир, ясный мир,
Радостный и прекрасный!
Я — твоя, и радуюсь я,
Власти твоей подвластна!*

*Посмотри, моя душа,
Ужели я не хороша?*

Тут подойдет любовник, которого Мария приветит; и по недолгом разговоре поет Мария к девицам:

*— Мне, подруги, разносчик мил
И весь товар его тоже!
Купим румян и купим белил,
Чтобы стать лицом пригожей!*

*Тот, кто мой обнимет стан,
Должен быть любовью пьян!*

И обратясь к торговцу:

— Дай нам, разносчик, дай нам румян!

Торговец ответит:

*— Вам, девицы, мой ларь хранит
Лучшие румяна:
Ими прелесть ваших ланит
Станет для всех желанна!*

*Вот румяна, нежнейший цвет,
В целом свете подобных нет!*

Приняв умащенья, Мария отойдет ко сну.
Ангел же низойдет с пением:

— О Мария, внемли слову,
Здесь, под Симоновым кровом,
Обретается в застолье
Иисус из Назарета,
Светоч Божиего света,
От грехов дающий разрешение.
Он — спаситель, Он — целитель:
Таково суждение!

Ангел отойдет, Мария же встанет и поет:

— Мира утешение!

Засим она вновь заснет, и ангел низойдет с пением, как прежде, и вновь исчезнет. Тогда встанет Мария и поет:

— Жизнь моя порочная, жизнь моя былая!
О, пучина мерзости, гибельная, злая!
Грешнице, исполненной скверны черной,
смрадной.

Мне ли ждать спасения в доле безотрадной?

Ангел ей возгласит:

— Сказываю тебе: радостно ангелам Божиим от единой грешницы, покаянье совершающей.

Мария:

— Прочь, уборы, полные суety греховной!
Прочь, друзья, палимые похотью любовной!

Грешница, смердящая в пагубе и тленье,
Чаю к жизни истинной нового рожденья!
Здесь она снимет мирские одеяния и облачится в черную власяницу; любовник от нее отыдет с диаволом, она же пойдет к торговцу:

— Молви, молви, купец нескаредный,
Сколько стоит товар твой меряный —
Благовоные, на мирре варено?

Горе! горше горя нет!

Торговец ответствует:

— Я продам сие благовоние
За талант, отнюдь же не менее,
Ибо нет мастерий драгоценнее,
Слаще мирры в мире нет.

Клир поет:

Мф 26, 7

Приступила к нему женщина с алавастровым сосудом мирра драгоценного, и возливала ему возлежавшему на голову.

Мария, приняв умащенья, пойдет пред Лицо Господне с пением и плачем:

— Иисусе, бремя сними с души!
Иисусе, от мерзости разреши!
Под сень десницы меня прими!
Скверну мирскую с меня сними!
Иисусе, страждеть моя душа!
Иисусе, дай мне жить, не греша!
В ноги пав, я молю, стеня:
Скверну мирскую сними с меня!

Фарисей скажет сам себе:

Л 7, 39

— Если бы был пророк, то знал бы, кто и какая женщина касается к нему, ибо она — грешница.

- Иуда же скажет:
Мф 26, 8–10 — К чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену, и дать нищим.
- Иисус поет:
— Что смущаете женщину? Она добре дело сделала для меня.
- И засим:
— Симон, я имею нечто сказать тебе.
- Симон Петр:
— Скажи, учитель.
- Иисус скажет:
— Были два безденежных и один богатый;
Дал он им денариев, ждал от них возврата.
Одному дал пятьдесят, и пятьсот другому,—
Но опять они ни с чем возвратились к дому.
Бедняков богач простил, денег не жалея;
Кто из двух простившего возлюбил сильнее?
- Симон отвечает:
— Тот, кто должен более, в том и чувство живо.
- Иисус скажет:
— Истинно реку тебе: судишь справедливо.
Засим Иисус поет к Марии:
— Женщина, прощаются тебе грехи. Вера спасла тебя; иди с миром.
Здесь Мария встает и отходит с горестным пением:

— Увы мне, худшей меж жен и дев!
Увы, на мне Господень гнев!
Бог дал мне душу и дал мне плоть,
А я прогневила тебя, Господь!
Увы мне, худшей меж жен и дев:
Меня пробудил лишь Господень гнев!
Блюдитесь, люди: настанет срок,
И суд Господень будет строг!

Между тем ученики поют:

— Оный фарисей пытался заградить ис-
точник милосердия.

Засим пойдет Иисус к воскрешению Лазареву, и встретят его Мария Магдалина и Марфа, плачущие о Лазаре; Иисус станет петь:

И 11, 11 — Лазарь, друг наш, уснул; но я иду раз-
будить его.

На что Мария Магдалина и Марфа поют с плачем:

И 11, 21 — Господи! Если бы ты был здесь, не умер бы брат наш.

Клир поет:

И увидел Господь плачущих сестер Лаза-
ря у гробницы, и прослезился он пред
лицом иудеев, и воззвал:

Иисус поет:

И 11, 33–43 — Лазарь! Иди вон.

Клир же поет:

И 11, 44 И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами.

Между тем Иуда пойдет поспешно, ища предать Господа, и скажет:

— О священники, мудрые советники,
Иисуса хочу я предать вам.

На что священники ответствуют:

— О Иуда, если Иисуса нам выдашь,
тридцать сребренников от нас получишь.

Иуда отвечает:

— Предам его покорно я
За плату договорную;
Пошлите стражу многую,
Да будет мне подмогою.

Священники поют:

— Вот стража, будь водителем,
Предай Христа учителя;
Будь тверд в своем решении,
Быстрей сверши свершение.

На сие Иуда даст иудеям знак, с таковым
пением:

— Кого я поцелую, тот и есть, возьмите его.
Здесь толпа иудеев последует за Иудою с ме-
чами и кольями к Иисусу. Между тем Иисус
справит вечерю, как установлено; засим возь-
мет с собою четырех учеников, а остальных
оставит и скажет им:

— Опочищте здесь и отдохните.

Далее взойдет молиться и скажет четырем
ученикам:

— Душа моя скорбит смертельно; побудь-
те здесь и молитесь, чтобы не впасть во
искушение.

Здесь Он поднимется на Масличную гору,
преклонит колени и, взорев на небо, станет
петь такие слова:

Мф 26, 38,

41

Мф 26, 39–42 — Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия. Дух бодр, плоть же немощна; да будет воля Твоя.

По совершении сего возвратится к четырем ученикам и найдет их спящими, и скажет Петру:

Мф 26, 40 — Симон, ты спиши? Не мог ты бодрствовать со мною один час? Посидите здесь, пока я пойду и помолюсь.

Засим Он вновь взойдет помолиться, как прежде. И вновь спустившись к ученикам, найдет их спящими, и скажет им:

— Побудьте здесь.

И вновь скажет:

— Отче мой! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля Твоя.

И возвратившись к ученикам, поет:

Мф 26, 46 — Не могли вы один час бодрствовать со мною, обещав умереть за меня? Или не видите вы Иуду, как он не спит, но спешает предать меня иудеям? Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий меня.

Здесь подойдет к Иисусу Иуда с толпою иудеев, Иисус же им скажет:

— Кого ищете?

Они ответят:

— Иисуса Назорея.

Иисус скажет:

— Это я.

И толпа отступит назад. И вновь Иисус скажет:

— Кого ищете?

Иудеи:

— Иисуса Назорея.

Иисус ответит:

— Я сказал вам, что это я. Если меня вы ищете, оставьте этих, пусть идут.

Здесь апостолы побегут, кроме Петра;

Иуда же скажет:

— Радуйся, равви!

Иисус ему ответствует:

— О, Иуда, зачем поспешаешь?

Грех великий ты совершаешь:

Ты пред суд меня привлекаешь,

Крестной смерти меня обрекаешь.

Петру же, следующему за Иисусом, скажет служанка:

Мк 14, 70

— Поистине, ты из тех, ибо и ты — галилеянин.

Он ответит:

— Не я.

Но служанка:

— Разве я не видела тебя с Ним в саду?

Ты не знаешь, что говоришь.

Петр:

— Я не знаю этого человека.

Иисус скажет:

— Как будто на разбойника, вышли вы с мечами и кольями взять меня: каждый день с вами сидел я, уча во храме, и вы не брали меня. Сие же все было, да сбудутся писания пророков.

Здесь первосвященники поют и совещаются, что им делать:

- И 11, 47–48 — Что нам делать? Этот человек много чудес творит. Если оставим его так, то все уверуют в него; и придут римляне, и овладеют и местом нашим и народом.
- Каиафа поет:
- И 11, 50 — Лучше вам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.
- Клир поет:
- И с этого дня замыслили они умертвить его, говоря: да не придут римляне и не овладеют и местом нашим и народом.
- После того приведут Иисуса к Пилату, и скажут иудеи:
- И 2, 19 — Он говорил: разрушьте храм сей, и я в три дня воздвигну его.
- Пилат скажет:
- И 18, 29–31 — В чем вы обвиняете человека сего?
- Иудеи ответствуют:
- Если бы он не был злодей, мы не предали бы его тебе.
- Иудеи:
- Нам не позволено предавать смерти никого.
- После того приведут Иисуса к Ироду, который скажет ему:
- Л 23, 6–12 — Ты галилеянин?
- Иисус же пребудет в молчании; Ирод вновь спросит его:
- Что ты сделал?
- Иисус же не ответит ему ни единого слова. Тогда оденут Иисуса белою одеждю, отве-

дут Иисуса к Пилату. Тогда сойдутся Пилат и Ирод и обlobызаются. Иисус предстанет перед Пилатом, и Пилат скажет:

Л 23, 4, 22

— Ничего достойного смерти не нахожу я в этом человеке.

Мф 26, 66

Иудеи же скажут в ответ:

Мф 27, 11

— Повинен смерти!

И 18, 37

Тогда Пилат скажет Иисусу:

— Ты царь Иудейский?

И 18, 35–36

Иисус ответствует:

— Ты говоришь, что я царь.

Пилат скажет:

— Твой народ и первосвященники предали Тебя мне.

Иисус кратко отвечает:

— Царство мое не от мира сего.

Мф 27, 22

Пилат вновь вопрошаєт:

— Итак, что Ты сделал?

Л 23, 16

Иисус на это молчит, и Пилат скажет священникам:

— Что же я сделаю Иисусу Назорею?

Иудеи:

— Да будет распят!

Пилат:

— Итак, наказав его, отпущу.

И 19, 3

Здесь отведут Иисуса к бичеванию, после чего облекут его багряницею и наденут терновый венец. Здесь будут говорить иудеи, хуля Иисуса:

— Радуйся, царь Иудейский!

И будут заушать Его:

— Прореки, кто ударит Тебя?

И 19, 5

И выведут его к Пилату. Пилат скажет:

— Се человек!

Иудей:

— Распни, распни Его!

Пилат:

И 19, 6

— Возьмите Его вы и распните: ибо я не нахожу в Нем вины.

Иудей:

И 19, 12

— Если отпустишь Его, ты не друг кесарю.

Пилат:

И 19, 9

— Откуда Ты?

Иисус пребудет в молчании. Пилат:

И 19, 10

— И мне ли не отвечаешь?

И еще:

— Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя?

Иисус отвечает:

И 19, 11

— Ты не имел бы надо мною власти, если бы не было дано тебе свыше.

Пилат к иудеям:

— Распну ли царя вашего?

Иудей:

И 19, 7

— Да будет распят, ибо он сделал себя Сыном Божиим.

Пилат, умывая водою руки свои, скажет иудеям:

Мф 27, 24

— Не виновен я в крови человека сего: смотрите вы.

Здесь Иисуса ведут на распятие. Здесь Иуда придет к первосвященникам с пением и, бросив денарии, скажет слезно:

— Жжет меня раскаянье,
Что за тридцать сребреников
Продал я Спасителя.
Возьмите ваши сребренники:
Я жить не хочу, умереть хочу,
Казниться казнью смертною,
Предав себя повешенью.

Первосвященники:

Мф 27, 3–4

— Что нам до того, Иуда Искариотский?
Смотри сам.

Тотчас придет диавол, и отведет Иуду к повешению, и будет он повешен. Здесь придут жены, плачущие о Иисусе, коим Иисус скажет:

Л 23, 28

— Дщери иерусалимские! не плачьте обо мне, но о себе плачьте.

Здесь распнут Христа на кресте, и надпись на нем будет:

Мф 27, 37

— Иисус Назорей, царь иудейский.

На что иудеи скажут Пилату с пением:

И 19, 15

— Нет у нас царя, кроме кесаря.

Пилат:

И 19, 22

— Что я написал, то написал.

Здесь войдет Матерь Божия, стенающая, с Иоанном евангелистом и приближась ко кресту, воззрит на распятого:

— Увы мне, увы мне и днесь и впредь!
Увы мне! как я могу смотреть,
Как милый сын мой, рожденный сын
На крестном древе томится один!

Я вижу, я слышу, как страждёт Он!
Кто сжалится из мужей и жен,
Взглянув, увидит смертный недуг,
Помыслив, постигнет всю бездну мук?

*Какая мука этой злой?
Какая кара этой страшней?
О черный час, о смертный пот,
О красная кровь, что из ран течет!*

*Верните мне мое дитя!
Пускай за Него погибну я!
Ах, для Марии вся жизнь темна:
Зачем, зачем я жить должна?*

Засим Матерь Божия с рыданием возвысит
плач многий и возгласит к женам, стенаю-
щим и проливающим слезы:

1a. Плачьте, плачьте, верные,
Плачьте, сестры бедные!

Всем, кто жив и мучится,
Должно в нашей участи
Слезы лить плачевые!

1b. Плачь, утроба скорбная,
Умножай рыдания!
Я слыла блаженною,
В матерях почтеною, —
Днесь терплю страдания.

2a. Страшное зрелище
Дерева крестного
Сердце, вместилище
Разума женского,
Мне уязвляет!
Все, что предсказано,
Явью показано:
Меч обнажается,
В сердце вонзается,
Душу терзает!

2b. Лик запрокинутый,

Терны торчащие,
Руки раскинуты,
Кровоточащие, —
Видя, немею!
Казни свершение
В оцепенении
Зрю я, и вскрытые
Раны пробитые
Сердцу больнее!

3a. Нету сил!
 Свет не мил!

Жаждут очи
Смертной ночи
От кручин,
Милый сын!

Ни явить,
Ни сдавить

Жар душевный!
Горько длить
Жизни нить
Сей плачевной!

3b. Скрыт во мрак
 Солнца зрак!

Грудь земная
Бьется, зная
Смертный грех
Смертных всех,
Кто, мечи
Наточив

На святое,
Жив, тебя
Погубя
Смертью злую!

Здесь Мария обоймет Иоанна и поет, имея
его в объятиях:

— С Иоанном, Иоанном,
Новым сыном богоданным,
Вознесем рыдания,
Общие стенания!

Время днесь кручине:
В слезном сокрушении —
Наше приношение
К Христовой кончине!

Засим некоторое время посидит она, отды-
хая, и вновь, поднявшись, начинает пение:

1. К плачу непривычная,
Плачу, горемычная,
В горькой скорби ныне!
Света свет лишается:
Матерь сокрушаются
О любимом сыне!
2. Сын, дитя любезное,
Жизни украшение,
Взглянь на матерь слезную
Взглядом утешения!
Душу раны злобные
Мукой мучат страстною!
Есть ли мать подобная,
В счастии злосчастная?
3. Цвет цвета,
Свет света,
Сладости сиянье!
Сколь грозно
Язв гвоздных
Смертное зиянье!

Мрет тело,
Лик – белый,
Терны – остриями!
Кровь льется,
Кровь бьется
Красными струями!

4. Истинно речение старца Симеона –
Под мечом пронзающим испускаю
стоны!

Слезные вздохания, скорбные
рыданья –
Глас души, томящейся о душевной
ране!

5. Даруй пощаду
Милому чаду,
Смерть, и в награду
Матерь убей!
В смертной разлуке
Чаю поруки
Воле от муки,
Сын мой, твоей!

6. Грех без искупления!
Узы, заущение,
Плоти сокрушение
Он, приняв мучение,
Без вины выносит!
Сына пусть помилуют,
Мать – возьмут могилою;
Иль казните крестною
Казнию совместною –
Сердце смерти просит!

- На то Иоанн возглашает:
— О Мария, в злом унынье
Не рыдай, молю, о сыне:
Побори страдания,
Мне оставь рыдания!
- И станет Иоанн поддерживать Марию за плечи, и скажет ей Иисус:
— Жено, се сын твой!
- Засим скажет Иоанну:
— Се матерь твоя!
- После того Иоанн и Мария отойдут от креста, а Иисус скажет:
— Жажду!
- Тотчас подойдут иудеи и протянут ему губку, напоенную уксусом. Иисус, вкусив, скажет:
— Совершилось!
- Тогда Лонгин подойдет с копьем, поразит бок его и скажет так:
— Умечу в сердце копья острие,
Дабы сей скончал мученье свое.
- Иисус, увидев конец свой, возопит:
— Или, Или, лама савахфани! Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил!
- И склонив голову, испустит дух.
- Лонгин:
- Воистину, сей был Сын Божий.
- И еще:
- Он дал мне знак, проливши кровь,
Что я узрю пронзенного вновь.
- Один из иудеев скажет иудеям:
— Илию зовет Он; пойдем и посмотрим,

И 19, 26–27

И 19, 28

И 19, 30

Мф 27, 46

Мф 27, 54

Мф 27,
47–49

придет ли Илия спасти Его.

Другой иудей:

Мф 27, 40

— Если Ты Сын Божий, сойди с креста!

И еще один:

Мф 27, 42

— Других Он спасал, а себя самого не может спасти.

.....

Поет Иосиф Аримафейский:

— Сей муж не ведал, что есть грех,
Сей муж был плотью Бога.
Он принял смерть за смертных всех,
Страдав за нас премного.
Он умер с терном на челе,
Та казнь была позорна.
Предать усопшего земле
Прошу у вас покорно.

Пилат:

— Кто честно речь свою ведет,
Достоин, без сомненья,
На то, чего он с правом ждет,
Обрести соизволенье.
Ты просишь погрести Христа —
Ты мыслишь благородно.
Взойди, сними Его с креста,
Коль так тебе угодно.

Альбертино Муссато
Эцеринида

Предлагаемый текст – первый русский перевод латинской трагедии Альбертино Муссато «Эцеринида» (1315), первой в новоевропейском театре драмы античного образца. Она мало известна русским медиевистам: единственная подробная характеристика ее содержится в монографии М.Л. Андреева (Средневековая европейская драма. Происхождение и становление (Х–XIII вв.). М.: Искусство, 1989. С. 36–40).

Эта публицистическая драма – наследница той стихотворной публицистики, которая культивировалась в Италии больше чем где-нибудь, начиная чуть ли не с каролингских времен; публицистические поэмы, вроде «Лигурина» Гунтера, отмечали почти каждый шаг борьбы между империей и папством. Но на самом исходе ХII в. перед итальянскими книжниками мелькнула возможность обновления этой литературной традиции, и они этой возможностью торопливо воспользовались. А именно, в монастырских архивах были обнаружены забытые списки трагедий Сенеки, и эти произведения, несколько веков не привлекавшие внимания, вдруг стали предметом восторга и подражания, не прекращавшегося уже до времен Шекспира и далее.

Правда, внимание не означало понимания. Представить себе эти трагедии разыгранными в лицах, хотя бы по образцу литургической драмы XII–XIII вв., никто еще не решался. «Трагедию» понимали в лучшем случае как род пантомимы: «В древности театр представлял собою полукружие, в средине которого находилось строение, называемое сцена, а в ней помост, на который всходил поэт, как певец, и произносил свои стихи, как песни; снаружи же стояли мимы, сиречь скоморохи, и представляли телодвижениями все, о чем говорилось в стихах; ...так, когда поэт говорил, например, о Юноне, жалующейся на приблудного сына своего Геркулеса, то мимы во время этого чтения представляли Юнону, призывающую адских фурий на Геркулеса». Так писал в XIV в. один из первых комментаторов Данте — того Данте, который сам свою эпопею назвал «комедией» и у которого Вергилий свою «Энеиду» называет «трагедией».

Кровавая драматургия Сенеки должна была поразить итальянских читателей прежде всего патетическим изображением неистовых тиранов и тиранств — таких, как Атрей или Нерон в «Октаавии». Именно в это время тирания становится обычной формой власти в итальянских городских общинах. Одна из первых тиранических династий Ренессанса, Скалигеры, утвердились на рубеже XIV в. в Вероне; ее основателем был Кангранде делла Скала, самый талантливый ломбардский политик своего времени, союзник Генриха VII и покровитель Данте. Власть его распространялась на Виченцу, грози-

ла Мантуе и Падуе и вызывала у угрожаемых понятную ненависть. Она-то и нашла выражение в трагедии падуанского юриста, ритора, историка и стихотворца Альбертино Мускато.

Мускато родился около 1261–1263 гг., был побочным сыном знатного нобиля, но всю жизнь числился в плебейском сословии. Получив юридическое образование, он стал нотарием, состоял в городском совете, участвовал в ответственных посольствах, сражался в междуусобных войнах, два года провел в веронском плену у Кангранде. Под впечатлением этих жизненных испытаний он и взялся за перо. Главным его сочинением стала история современности — «Августейшая история» в 16 книгах о походе Генриха VII в Италию в 1310–1313 гг. и продолжение ее — «История дел итальянских после Генриха» в 15 книгах о событиях 1313–1321 гг., обе написанные торопливо и беспорядочно, но в лучшем ливианском стиле. Однако главную славу снискдал он трагедией «Эцеринида», которую предложил вниманию сограждан в 1315 г.

Успех Мускато во многом объяснялся его темой. Он изложил в декламационно-драматической форме историю возвышения и падения Эццелино III да Романо (1194–1259), который был правителем Веронской марки, грозой всей Ломбардии и правой рукой императора-еретика Фридриха II Гогенштауфена, — все эти приметы живо напоминали падуанцам об их современнике и соседе Кангранде. Эццелино был человеком исключительной даже для своего времени жестоко-

сти (в трагедии он оказывается сыном дьявола не в переносном, а в прямом смысле), и дела его были благодарным материалом для кровожадных монологов протагониста, возвышенных обличений антагониста (в качестве которого выведен францисканский проповедник Лука Беллуди, лицо историческое) и патетических ламентаций хора. Место действия остается неопределенным, время действия охватывает почти 40 лет: в 1223 г. Эццелино наследовал своему отцу в Виченце (а брат его — в Тревизо), в 1227 г. овладел Вероной, в 1237 г. — Падуей, в 1256 г. встретился с крестовым походом, организованным против него папой и Венецией, потерял Падую, но отстоял Верону, в 1259 г. пошел на Милан, но был разбит при Бассано (Баксане) и умер в пленах от раны, а через год, в 1260 г., в замке Сан Дзено был захвачен и убит и его брат. Обо всем этом Мускато мог знать по свежим воспоминаниям своего отца и его сверстников.

За «Эцериниду» Мускато был по постановлению городского совета Падуи увенчан плющом и миртом, трагедию было велено читать всенародно каждый год на Рождество, два лучших падуанских ритора, Гвиццардо и Кастеллано, должны были срочно написать просторный комментарий к новому классику; выдержки из этого комментария приводятся в сносках ниже. Но Альбертино не удалась мирная лауреатская старость: в Падуе и вокруг нее возобновились раздоры, в 1328 г. город захватил Кангранде. Мускато бежал в венецианскую Кьоджу и умер в 1329 г.

Лица трагедии: *Адельгейта, мать; Эцерин и Альберик, сыновья ее; Зирамон, <сводный брат их>; брат Лука; Анседисий, <племянник Эцерина>; соратники; вестники, хор.*

<Действие первое>
Адельгейта, Эцерин, Альберик

Адельгейта. — Каких кровавых звезд на небе
северном

Державствовала пагуба, сыны мои,
Когда рождала вас на ложе бедственном
Я к слезной доле? Матерь злополучная,
Открою ныне вам отца лукавого:
Грех в этом свете долго не бывает скрыт.
Познайте род ваш и пребудьте верными,
Потомки — предку! Замок есть, от древних лет
Романским нарицаемый, воздвигнутый

- 10 На холмных высях; кровля над стропилами
Являет югу тот покой надбашенный,
Где ветру, буре и грозе открыт приют.
И там-то Эцерин-родитель некогда
На ложе, в кость оправленном слоновую,
Казался почивающим, а обок с ним,
Простервшись, я. О, стыд мне заграждает речь:
Трепещет дух, нахлынул страх и нем язык.
Эцерин. — Отважься, мать: и мощное, и страшное
Нам любо слушать.

- Адельгейта.* — О, греха преступного
20 Вид цепенящий! Словно вновь воочию
Предстал мне ужас. Хладом обескровлено,
Поникло тело.

Эцерин. — Поддержи бессильную,
Брат Альберик: был страх чреват беспамятством.
Росящей влагой смой с лица ей паморок —
И вновь воспрянет.

Альберик. — Сила в членах прежняя.

Эцерин. — Очнулась?

Адельгейта. — Да, очнулась, первородный мой,
О чьем рождены речь моя.

Эцерин. — Не медли же!

Адельгейта. — В час первый ночи, в час, как от
трудов земных

Всех равномерно смертных отвлекает сон,

30 Се вдруг разнесся стон из преисподних недр.

Как будто хаос там разверзся дрогнувший,
И отдал отзовик небосвод возвышенный.

И смрад разлился серный в светлом воздухе,
И стекся в тучу. Тут подземной вспышкою

Дом озарился наподобье молнии,

И дымное в опочивальне облако

Дохнуло смрадом, и лежу я, стыдная,

Незнаемым прелюбодеем стиснута.

Эцерин. — Каков он, матерь?

Адельгейта. — Телом, как немалый бык,

40 Рога кривые над косматым теменем,
Щетиной колкой грива окаймленная,
Глаза сочатся гноем окровавленным,
Огнь пышет из ноздрей при частом выдохе,
Из губ взлетает пепел изрыгаемый
К ушам открытым; рот, нечистым пламенем
Дыша, извечным жаром лижет бороду;
И, утоливши вожделенье блудное,
50 Излив в меня Венеру смертоносную,

- Он, победитель, из покоя спального
50 Нисшел сквозь землю, и земля разверзнулась.
Тотчас Венера, чревом восприятая,
Во мне взыграла неизбывной жгучестью,
И страшный груз отяготил утробу мне —
Ты, Эцерин, достойный отпрыск отческий!
Клянусь тебе враждебной силой Божией —
Все десять лун, что я брела под бременем,
Мне были плачем, стоном, скорбью, мукою
Борением меж яростью и яростью, —
Чудовищного чая разрешения.
Эцерин. — Какого же?
60 Адельгейта. — Младенец окровавленный,
Со вздутым чревом, с грозным лбом
нахмуренным,
Сулил ты смерть, являя злое знаменье.
Но ты, мой Альберик, желаешь явственно
И о себе уведать — и уведаешь,
Коли сама избуду я сомнение,
Кем ты посейн в тело оскверненное.
Со времени преступного действия
Этнейский жар испламенял мне внутренность, (*)

(*) «Этна есть гора в Сицилии, изрыгающая огонь, и по баснословию пиитическому, там обретается пасть адова, в ней же обитают демоны. Истинно же то, что у корня сей горы залегает сера, и ветры, к ней проникающие сквозь жилы земные, воспламеняют оную».

- Лукавый дух томил меня и гнул меня.
70 И сон для сердца не был избавлением,
И вот, в неверном сне иль тщетно бодрствуя —

Не молвлю лжи и не сокрою истины! —

Явился вновь ко мне прелюбодетелем

Виновник tot рождения Эцеринова.

Эцерин. — Что скажешь, брат мой? Совеститься

станешь ли

Такого предка? Божий род отринешь ли?

Мы — чада божьи! Даже корень Ромула

И Рема не толикой славой славится!

Наш больше бог, пространнейшего царства

царь,

80 Правитель казней, по чьему велению

И царь, и князь, и вождь за грех свой платятся.

И вправе мы воссесть над ними судьями,

Коли стяжаем для себя наследие

Того, кому угодны в смертном племени

Лесть, ложь, коварство, мука, истребление.

Так молвив, он нисходит в подземелье

И там, отвергшись света, мглой окутанный,

Простервшись ниц, приникнувши чelом к земле,

Разит в нее рукой с зубовым скрежетом,

90 Воззвав к отцу-Деннице страшным голосом:

— Сиявший в небе, но от сфер отринутый

Отец гордыни, ты, в своем владычестве

Объявший хаос, ты, по чьим велениям

Казнятся тени, ты из преисподних недр

Услышь, Вулкан, потомка преклоненного:

К тебе взывает явный сын твой истинный —

Владей же мною, испытай, молю тебя,

Крепка ли воля от тебя взожглась во мне!

Клянусь я злую мутью Стикса черного,

100 Что отрицаюсь Господа Спасителя,

Что ненавижу Крест, всегда мне вражеский!

Да явятся пособницы мне в помыслах —
Алекта грех укажет, Тисифона путь
Откроет, даст Мегера злобе делом стать,
А Персефона осенит совершенное.

И да никто от помохи добычнику
Из духов преисподних не уклонится,
Но вспыхнет гневом, злобою и завистью!

Да будет дан мне меч вершить кровавый долг —

110 Для судных распры нет лучшего решителя,
Чем тот, чья длань не дрогнет пред

злодействами.

Признай же сына, благосклонный Люцифер!

Xop

Что пьянит за безумие
Вас, несчастные смертные?
К каковым восхождениям
Устремляет вас суетность?
Вам алчба застилает взор
Перед скользкой опасностью
Возышения царского:

120 Ждут вас страхи жестокие,
Смерть, всечасно грозящая, —
Ибо доля тиранов — смерть,
И не менее смерти — страх.
Но к чему убеждения?
Дух наш рвется к владычеству,
Вечно жаждущий большего,
Он вовек не насытится:
Ввысь летят наши помыслы.
О, не вас ли, знатнейшие,

130 Жжет и зависть, и ненависть,

Понуждая соперничать:
Нестерпимо вам равенство!
И не мы ли, убогие,
Умножаем соблазнами
Преступления знатности?
Одного превозносим мы,
А другого свергаем в прах,
Утверждаем закон и власть,
Чтобы рушить их вновь и вновь,

- 140 Наши ковы — на горе нам,
Наша помощь — погибельна,
Мы — опора неверная.
Ваша смерть — под кинжалами,
Но за вами — и мы вслед:
Вы падете, и мы падем.
Так вращается круг судьбы:
Нет ни в чем долговечности.
Не с того ли вскипает брань
И в Тревизской окраине?

- 150 Вражьи стяги распущены,
Клич несется со всех сторон,
Гнев пылает и буйствует,
Позабыто спокойствие,
Руки рвутся к оружию:
Мир рождает жестокий грех —
Жилы кровью вздуваются,
Дух влечется в сражения,
Раскрываются умыслы,
Спор железом решается,
160 Места нет справедливости.
Но идет из Вероны к нам
Вестник с вестью тревожащей.

<Действие второе>

Вестник, хор

Вестник. — Всевышний Боже, мощно миром
правящий,

Ужель отныне в сферы наднебесные
Ты удалился, Марсу предоставивши
Единому владычить на кругах земных?
О, зависть к знатным, о, толпы неистовство!
Конец настал, заслуженный раздорами:
Тиран явился, вашей злостью снисканный..
Ужасное я видел.

170 Хор. — Так поведай нам

Всю связь всех бед, свое лишь убыстренное
Переведя дыханье.

Вестник. — Я скажу сперва,
Что было в прошлом корнем настоящему.
О, нашей кровью вечно обагренная
Верона, давний путь для вхожих недругов,
Гнездо тиранов! (*) сами ли края твои

(*) «Гнездо тиранов — ибо и в общей памяти, и по записям всегда была Верона в обладании тиранов, каковы Альбоин, Теодорик, Беренгарий и иные позднейшие, коим ныне наследник стал Кангранде с племенем своим».

Войне приютны, род ли человеческий
В такой земле таков рожден природою?
Раздоры граждан черный породили грех,
Когда маркграф, державший власть над

180

Маркою,

Азон из Эсте, обманувшись милостью
Народною, извергнут был в изгнание,
Злой хитрости не зная Эцериновой. (*)

(*) «Сей Азон был подеста в Вероне, но изгнан был из города названным Эцерином Третьим да Романо с пособлением Монтекки, вельмож того города. Изгнанный, он умножил силы помощью Бонифация, графа Сан Бонифацио, и с ним и приверженцами своими напал на Монтекки и Эцерина в двух милях от Вероны, в местности, называемой Браида, где было жестокое сражение, и пораженные Монтекки с Эцерином бежали в крепость среди озера Гарда, однако по милости Фридриха Второго, короля германского, с заключением мира ворочены были в Верону».

Отселе – распря и погибель общая!
Маркграф изгнаник, гневом вспыхнув праведным,
Приял подспорье графа Бонифация,
Соединяся с ним душой отмстительной, –
И вот Браида стала судным поприщем,
Где грешной бранью поле окровавлено,
190 И кровью излилася полевая брань. (*)

(*) «В двух стихах одно и то же сказывается дважды, являя риторическую расцветку, называемую коммонация, сиречь замедление, когда в важнейшем месте, всю суть заключающем, речь задерживается и возвращается к оному вновь и вновь».

Монтекки, уступившие оружию,
Бежали, преступлением гнетомые,
И скрылись в замке, защищенном озером.

Но битвой не был распредложен конец:
Различны пали от Фортуны жребии.

Вновь встали Эцерин и с силой распренной
К Монтекки Салингверра благодеющий;
А граф с маркграфом, воедине ратуя,
На них к войне кровавой изготовили

200 Полки народа. О, неверный род людской,
На всякий грех с мечом в руках дерзающий,
Делам не веря ради слов обманчивых!

Хор. — Продолжи повесть, воротись к сказанию —
Не истомляй нас речью остановленной.
Что дальше?

Вестник. — Дальше — из причины следствие.

Причины и начало вам поведаны
Жестокого тиранства. А увидевши,
В каких народ волнуется превратностях,
Стал Эцерин меж всеми сеять ненависть,

210 Друзей раздорить и, незримо властвуя,
Будить и усыплять волненья людные.
Так вновь и вновь усугубляя бедствие,
Попрал он тайно лучших меж иных мужей,
Единственный оставшись на великое.

Но повторять ли? Так всползло, коварствуя,
Тиранство к власти, так под Эцеринов гнет
Легла Верона выей подъяремною.

Немногих слов довольно мне для новых бед;
Мздой взятая, простерта днесь и Падуя,

220 Покорствуя тирану; скиптр в руке его,
Надменного наместника империи.
Се Эцерин! О, сколькими погибельми
Грозит он люду! пытки и узилища,
Огнь жгучий, крест распятный, голод, бегство, смерть!

Но благ Господь: и кары, зол достойные,
Всех ранее приемлют заслужившие:
Продажный за продажу получает мзду.

Xop

Господи Христе, Ты, царящий в горних.
Вышнего отца одесную сидя.

230 Ты ужели столь погружен в услады
Олимпийских благ, небесам присущих,
Что отводишь взор от низин подзвездных?
К твоему ужель не доносит слуху
Веющий эфир человеков стоны?

Авелева кровь, так взывая к небу,
Обличила грех нечестивца-брата,
И обрушил Бог в справедливом гневе
Пепелящий дождь на Содом с Гоморрой.
Так почто же днесь, о блюститель правды,

240 Терпеливой Ты ко грехам грешащих?
Се воцарено над землей бессильной
Злое тиранство,
Коего вовек не припомнят люди:
Ни бистонский царь с табуном кровавым
Не был столь жесток, ни Прокrust свирепый,
Ни злодей Нерон в извращенном гневе.
Из тюремной тьмы раздаются стоны
Тех, чья стала жизнь повседневной смертью,
И которым смерть, как даритель добрый,

250 Лишь последний час ускоряет в муках,
Трижды желанный.
И народ и чернь преклонили шею,
Словно их ведут, как тельцов обетных,

К алтарям святым на закланье жертвы.
Всякому, кто жив, для жестокой казни
Рад злодей сыскать самовластный повод,
И тревожно бдит, и страша, страшится.
Право естества — под пятой порока,
Благочестный нрав отошел в изгнанье,

260 Фурия правит.

Брат вострит кинжал на погибель брату,
Угодить стремясь самодержцу злому,
И отца влечет на костер горящий
Сын, и сам под ним раздувает пламя.
Но и тем не сыт в преступленьях грешных,
Эцерин, в своем неуемный гневе,
Будущих потомств иссекает корень:
Он мужскую плоть холостит младенцам, (*)

(*) «*И поднесь помнят, как видано было, что в одну субботу 42 младенца в пеленах отъяты были от лона матерей в их темницах и на всенародной площади ослеплены и холощены, после чего вновь возвращены родительницам, а чтобы каждая своего от иных отличить могла при возврате, пелены младенцев отмечены были особыми знаками».*

Он кормящих жен урезает груди,
270 Хор невинных уст, говорить не зная.
Стонет из пелен о своихувечьях.
И в слепых потьмах тщетно ищет света
Света лишенный.
Господи, почто таковую ярость
Ты, долготерпя, не пожжешь ударом?
И почто земля не разверзнет бездну,

Дабы адский мрак поглотил навеки
Змия сущих дней, бич людского рода?

Отче в небеси, твой народ спасенный

280 Вновь к тебе воззвал из сетей лукавых. (*)

(*) «Метр сего хора — сафический, приятнейший род метра, имеющий начало от некоторого греческого стихотворца с греческого же острова Сафоса».

<Действие третье>
Эцерин, Альберик

Эцерин. — По имоверной речи нашей матери
Взошли мы в свет из семени кровавого
Плутона, и ему не в посрамление:
Так, верно, водят судьбы, над которыми
Простер Господь свое к ним попущение,
Да будет всяк свободен волей к действию. (*)

(*) «Здесь касается сочинитель заблуждения тех, кто полагает, будто все свершалось, свершается и свершаться будет единственно по неизбежности, и так оно назначено судьбою; но сие, несомненно, ложно, ибо следствия отселе проис текают неприемлемые, сиречь утеснение свободы воли; однако же сие предоставим прениям богословов и философов».

Грехи людские рук казнящих требуют —
Почто же мы, людского зла служители,
В столь долгой праздно пребываем лености?

290 Возьмем под власть и города, и области!

Уже Верона, Падуя, Виценция

Покорны мне, уже открыт дальнейший путь —
Обещанная ждет меня Ломбардия,
И я ее возьму, но не последнюю:
Удел мой — вся Италия! Но мало мне
И этого: Восток зовет полки мои,
Где древле пал с небес родитель Люцифер
И где не я ли призван небесам отмстить?
О, ни Тифей, ни Энкелад Юпитеру

300 Вовек таким не угрожали приступом!

Оттоле к Югу обращаю оружие,
Где полдень пламенеет зноем солнечным.
Альберик. — Будь благ к тебе родитель!
Эцерин. — Благ воистину!

Но молви, брат, в чем суть твои дерзания?
Альберик. — Не скрою. Под пятой моей — Тарвизия,
И будет Фельтр, и к Юлиеву Форуму
Я, двинувшись, согну народы Севера,
Но не насытясь, досягну победами
Трех Галлий (*) и земель окраинных Запада,

(*) «Галлия, носящая космы, носящая тогу и носящая штаны, как назывались сии земли в древности».

310 Где в Океане тонет солнце позднее.

Эцерин. — О истинный мой брат, посев великого
Плутона! Пусть же в помощь нам, дерзающим,
Отец, разверзнув землю, хлынет сонмами
Кромешных духов, чьими пособленьями
Мы ринем в Орк без счета душ, без счета тел!
Ступай же, брат мой, злая поросль Дитова,
И грязь притворно на меня с оружием,
Поправши дружбу, мнимым гневом пышучи,

Да многие падут от нашей хитрости
320 Отселе и оттоле перебежчики,
Вотще взыскуя чести в нас и верности. (*)

(*) «*И тогда многие бежали из земель одного в земли другого, в надежде, переметнувшись, быть безопасными; братья же, залучая таких перебежчиков во власть свою, измышляли на них поводы и казнили их.*»

Эцерин, Зирамон, брат Лука

Эцерин, — Ты, Зирамон?
Зирамон. — Я, господин.
Эцерин. — Поведай же,
Отсечена ли голова Мональдова
И все ль спокойно?
Зирамон. — Голова, отрублена,
Гниет, чужая всем, на людной площади.
Эцерин. — Мятеж безмолвен?
Зирамон. — Ничего не слышится. (*)

(*) «*Видя знатные мужи падуанские, что несть конца свирепствам оного тирана, отважились они, когда он однажды занедужил, вступить в сговор о убиении его. В назначенный день, как шли они к покоям недужного, некоторый верный ему лекарь, именем Бертольд, а родом тевтон, догадался по видимым знакам об их намерении и в заботе о спасении Эцериновом вышел им навстречу с таковыми дружескими словами, словно сам печась о его погибели: “Зачем, господа мои, путь держите? излишен труд — человек сей кончается и уже не переживет нынешнего приступа: природа сама вершит ваше намерение”. Поддавшись на слова*

Бертольдовы, они разошлись: Эцерин же следующею ночью, обо всем уведав, приказал себя, как некую поклажу, вывезти из дворца в коробе в безопаснейшее место. Исцелясь же и зная о том заговоре, в великом страхе пред вельможами, в нем участвовавшими, стал он налагать на них длань свою, не зная меры; а начал от знатного мужа, именем Мональдо из рода Лемицони, бывшего в заговоре первым, и его-то приказано было обезглавить».

Эцерин. — Победа! о, победа! днесь мечам моим
Здесь все открыто, правое и грешное!

Да сгинут общей гибелю и чернь, и знать,
330 Да не спасется от клинка разящего

Ни пол, ни чин, ни возраст, ни сословие!
Будь широка, дорога избиения,
Разлейся черной скверной, кровь, по площади,
Воздвигнитесь для тел кресты распятные,
Вспылайте, пламена костров, и сукровью
Из-под огня сочитесь, и угарный дым
Ввысь вымчи весть о жертвах, мной сжигаемых.

Лука. — Князь Эцерин, дозволь мне говорить
с тобой,

Уверив мановеньем в безопасности. (*)

(*) «Сей святой муж Лука, быв из ордена меньших братьев, сотоварищей блаженнейшего покровителя нашего св. Антония Исповедника, имел от Эцерина особенное и единственное дозволение приходить к нему и говорить с отвагою, и тиран сие попускал» .

Эцерин. — Сплетай слова.

340 Лука. — О чем твоя мятежится

Душа, о смертный? Человек ты — смертен ты:
Рожденный не избегнет умирания.

Взгляни — увидишь: все блюдет порядок свой,
Земля, вода, и небо, и исчадья их,
Стези не оставляя установленной.

Зимой бела, а летом в листной зелени,
Родит плоды, когда какому срок его,
Земля. Простор воды бушует бурями,
И он же мирно носит корабельщиков.

350 А в небе круговые пролегли пути,
Ось встала между полюсом и полюсом,
И вокруг нее светила по предписанным
Текут законам. Кто же, мощный, движет их?
Всем движитель единый — всемогущий Бог:
Он правой мерой правит все творения,
И сей святой устав зовется правдою,
И эту правду чтить повелевает Бог
Им сотворенным чадам человеческим;
А почитанью оному наставницы —

360 Любовь, Надежда, Вера, в нас живущие,
Врожденные Природой в сердце каждого.
В каких бы ни погряз он заблуждениях.
Так обратись же к оным ликам благости,
Дабы Любовь пощадой стала ближнему,
Надежда знала милосердье Божие,
А Вера бы кропила обращенного.
Эцерин. — Дела мои Господь всевышний видит ли?
Лука. — Воистину.
Эцерин. — Разящим громом правит ли?
Лука. — Заведомо.
Эцерин. — Почто же медлит грянуть он?
370 Лука. — Он ждет, да умирится ярость цепкая,

И длань твоя отпрянет от убийств сама.

Эцерин. — Спасенье ль одного столь многим

гибельно?

Ужели Богу я дороже множества?

Лука. — Верь, Эцерин; был Савл дороже

Господу,

Отрекшись от грехов своих. Всемилостив,

Бог-искупитель души, им пасомые,

Как добрый пастырь, рад вернуть на правый

путь,

И продлевает кающимся жизни срок,

Дабы грехи омыли благочестием.

Эцерин. — Я верю, что Господь меня

послал в сей мир

Казнить грехи народа! казни сродные

Не раз им назначались для неправедных,

Грехами заслуживших злые пагубы, —

Град, глад, огнь, мор, потопа хлябь всесветного

В Священном повествуются Писания —

Так и тираны городам назначены,

Дабы в бесчинной и бескрайней лютости

Народ повергнуть под мечи кровавые;

Так Навуходоносор, Фараон, Саул,

390 Так славный сын Филиппа Македонского,

Так, оным вслед, уже на нашей памяти,

Род Цезарский, над миром к власти

призванный

И в счастьи громкий именем Нероновым, —

Кто разочтет, сколь много ими пролито

Невинной крови, море обагровившей

Их волей и веленьем? И Господь с небес

Им попускал, делам их не препятствуя.

Вестник, Эцерин, Анседисий, соратники

Вестник. — Услышь невероятное, но верное;
Сам видел. Не казни за весть правдивую.

Эцерин. — Что ж, расскажи, тщеславец, чем
400 тщеславишься.

Вестник. — От венетийских рубежей в поля твои
Приспела рать изгнанников из Падуи
И из Феррары, сколько их принять могли
Содружественной корабли Венеции,
Легатом предводимых со крестом в руке.
Внезапность предает им все окрестности.
Они у стен, у моста предворотного,
Огонь подложен под врата двустворные,
Клубится дым, на башнях нет ни воина,

410 Отражены и отступают стражники,
И Падуя твоя — добыча изгнанных.

Эцерин. — Прочь, лживый раб: будь мзда твоя
заслужена —

Лишись ноги за эту весть досадную.

Но вот и Анседисий, Что несешь с собой?

Анседисий. — Потерян город: Падуя в руках врага.

Эцерин. — Потерян с бою?

Анседисий. — С бою.

Эцерин. — Как?

Анседисий. — Огонь и меч

Сильнее городов: они осилили.

Эцерин. — А ты бежал, и телом неизраненным
Себя изобличаешь в преступлении?

420 Прочь, ибо смерть тебе была бы милостью!

А ваша доблесть что гласит, соратники?

Опасность — пробный камень для отважного.

Соратники. — Князь, сильный сердцем, вот твоим
желаниям

Совет подобный. Падуанских жителей
Схвати в Вероне и замкни в узилище,
Грозя им смертью, сам же грянь на Падую,
Явись вокруг стен осадной мощью ратников,
Рази дрожащих, не теряй мгновения, —
Страх за своих и перед нашей силою

430 Смирят мятеожных, и победа сбудется:
Дерзаньям нашим слава воссопутствует.

Хор

О, сколь тщетен людской промысл грядущего!
Тайной скрыты судеб зыбкие жребии,
Вечный бег колеса в круговорращении
Вверх бросает и вниз смертные участи.
Выступает тиран скорою поступью;
Зрит: привычная встарь рабствовать Падуя
Непреклонна к вражде, власти не поддана,
Окружилась стеной, сталью щетинится.

440 Он выводит полки к водному берегу —
Но насупротив встал строй ополчения,
Гневным взором глядит в очи тирановы,
Ярых слов не щадит для поношения.
Как не стало надежд силой на Падую,
Он коня повернул, стан покидает свой.
Вновь к Вероне понес гнев неподавленный:
Он невинных в тюрьме замкнутых пленников
Падуанских казнит жаждой и голодом —
450 До одиннадцати тысяч погублено!
На повозках — гора тел неопознанных,

Ни для матери сын, ни для жены супруг
Не известны лежат в яме без имени,
И над всеми от всех — слезы единые.
Не хватает земли для погребения,
Гниль в открытый эфир дышит заразою,
А казнящему казнь все недостаточна —
Не под корень народ вырублен Падуи.

<Действие четвертое>
Эцерин

— Судьбы враждебность взбадривает сильного
460 И подавляет слабого. Кто духом тверд,
Тот бьется и с судьбою. Пусть отложится
Над Падуей победа: для всего свой час.
А ныне ждет знамен моих Ломбардия
И все края по этот склон альпийских гор.

Вестник, Хор

Вестник. — Сюда, сюда, кто жаждет вести истинной
О том, что беды кончились, что вышнее
Послало небо мир на землю! Юноши,
Вдовицы, старцы, жгите ладан праздничный:
Господь призрел вас в светлой справедливости.
Хор. — О, будь добрей, поведай весть,

470 не мешкая.

Вестник. — Жестокий Эцерин, владевший Брешией
По милости кремонян, вероломно их
Изгнал из града, даже другу прежнему,
Паллавицину угрожая ковами. (*)

(*) «События истории были таковы. Кремоняне и маркграф Паллавичино вошли с Эцерином в сообщество, дабы завладеть Брешиею и, завладев, иметь ее в общем обладании; и совокупными силами было сие достигнуто. Между тем как в Брешии они договаривались и делились судными и иными правами, Эцерин замыслил обладать ею один, как замышлял еще до овладения, вступая в сговор. Прежде всего предпринял он захватить и умертвить союзника своего маркграфа Паллавичино и для того пригласил его к себе на пиршество, но тот, кем-то быв предостережен, покинул Брешию и скрылся в Кремону. Кремонские вельможи <...> видя бегство его, сами удалились из Брешии, и так Эцерин один остался ею владеть. По недолгом владении вступил он в сговор с вельможами миланскими, посулившиими предать ему Милан без народного ведома; и к овладению сим городом повел он к назначенному для предания времени войско и ополчение от Вероны, Виченцы, самой Брешии и из наемных тевтонов, числом более четырех тысяч. Перешед реку Аду, пошел он на Милан; кремоняне же, им обманутые, вместе с Паллавичино, Бозио Доварским, Азоном Эсте и гражданами Мантуи, Падуи и Феррары положили присягу на погибель Эцеринову: и сошедши при Адуе у моста, называемого Кассано, послали в Миланвестников предуведомить народ о измене в городе: о какой измене уведомясь, Мартин ла Торе, достойнейший муж, вышел из Милана с народом Эцерину навстречу...»

Засим в надежде на измену знатности
К Милану ищет он пути скорейшего;
Но, обманувшись в дерзких ожиданиях,
Перед собою зрит полки враждебные

И слышит, что Кремона, Феррара, Мантуя,
480 Паллавицин и Бозий общей клятвою
Соглашены ему на погубление.
От их знамен, приосенивших Адую,
Стремится Эцерин уйти подалее, —
Но тут, толпою окружен миланскою,
Мартин ударил на него оружием,
Мартин отважный, ведший род от знатного
Колена Торре, и застигнул старого
Врасплох тирана. Вновь поверотив войска
На Адую, он видит на мосту врагов
490 И в новой нерешимости терзается.

Хор. — Что ж сделал он меж силою и силою?
Что пожелал, что предпрял?

Вестник. — Таков он был,
Как сытый волк в облаве на ярящихся
Взирает псов, скрежещет зубом, пеновою
Из уст исходит, и глаза навыкате.

Хор. — Продолжи повесть.

Вестник. — Отовсюду замкнутый,
Страшится он неравного сражения:
Мост занятый пресек ему обратный путь,
Враг с двух сторон для битвы изготоился

500 И жжет его хулою, им заслуженной.
Послав стрелу налево, занеся стопу
На путь неверный бегства, вопрошают он
Соратников, как имя сей окрестности?
«Здесь — Каксан, переправа через Адую».
«О, Каксан, Аксан, Баксан! слово смертное
Ты молвила мне, матерь: здесь погибель мне.
Кто, здравый смыслом, станет убегать судьбы?»
Так вымолив, коня разит он шпорою

И меж волнами правит поперек реки,
510 Собой открыв своим дорогу воинам.
Но вражья рать, стеною ставши с берега,
Разит в плывущих, метит в отступающих
И рвется к Эцерину. Окруженному
Защита бесполезна: жесткой палицей
Ему пробито темя, кем — неведомо;
Он выведен из битвы, но с презрением
Он отвергает врачевство, еду, питье.
И умирает, лбом грозя нахмуренным,
И к отчим теням в пасть нисходит Тартара,
520 А труп его в Сунцине скрыт могилою. (*)

(*) «Взятый же, был Эцерин доставлен в Сунцин, обретаясь словно в исступлении, ибо подходивших к нему он всех повелевал казнить, отрубая ноги, словно был еще повелителем. А когда ему перевязали раны, он сорвал повязки, отверг пищу и в таковом безумии скончался».

Xop

Возблагодарим за отраду нашу
Дателя отрад! вы, юнцы, вы, старцы,
Вы, пугливых дев молодые хоры,
Гряньте хваленья!
Сходит благодать с олимпийских высей,
Положа предел совершенным бедствам,
Злобу сокрушив лютого тирана,
Мир возрождая.
Миром будем днесь наслаждаться вкупе:
530 Тот, кто изгнан был, да вернется к ларам,
Не страшась беды, и разделит с нами

Мирные судьбы.

Под ременный бич преклоняя спины,
Искупая грех под казнящей болью,
Молим: будь к нам благ, от Пречистой Девы
Рождшийся Боже! (*)

(*) «Тогда и учинилось в Падуе бичеванье плетьями, и ночью жены во храмах, а днем мужи, обнажась, по всему городу шествовали длинными строями, с громким криком, и так Падуя возвращена была гражданам своим, а память о том удивительном обычae, называемом “бей! бей!”, и доселе длится».

<Действие пятое>

Вестник, Хор

Вестник. — Повсюду видя Альберик опасности,
Лишась надежды и лишась последнего
Доверья граждан и доверья к гражданам,
540 Спасенья ищет в крепости Зеноновой,
Сопутствуем домашними и присными.
Вокруг подножья оной горной крепости
Три града стали станом, чая мщения,
Тарвизиум, Виценция и Падуя:
Маркграф Азон, в своем высоком звании,
Едино мыслил с прочими вельможами.
Не ожидая помощи, гнетомые
Ползучими раздорами и голодом,
Страшась конца, сдаются осажденные
550 О, ярость вражья, молнии подобия!
Врываются войска под кровы крепости,

Хватает воин чадо, грудь сосущее,
Дробит о твердь младенческую голову,
Пятнает кровью детский мозг разбрзганный
Лицо кормившей. К меченосцу выбежал
Трехлетний Эцерин, взывая: «Дедушка!»
А тот в ответ: «Твой дедушка нас выучил
Дарить подарки так, как сам дарил он их!» —
И разрубает выю неприкрытую,

560 И пред народом похваляясь сделанным,
На острие копья вздевает голову,
Чьи губы сведены, глаза навыкате,
Кровь льется по древку к руке несущего,
А кто-то вгрызся зубом в печень детскую.
Вот — страшный рок потомства Альберикова,
Тройная гибель, злая и жестокая!

Когда же с башни Альберик возвышенной
Спустился к людям, речь готовя лживую, —
Ему закрытый рот закрыв намордником,

570 Ведут живого видеть смерть семьи своей.

И вот, толпой гонимая из терема,
Влечется вниз супруга Альберикова,
Развив власы и к небу возведя глаза,
Жестоким вервьем связанная за руки,
А с нею пять девиц пред очи отчие
Совлечены, потомство злополучное,
Сожжено обреченное. Обстал народ,
Расправы ожидая с ненавистными.

Так ловчая толпа над волчьим логовом

580 Стоит, тесня затравленного хищника,
Припоминает все обиды прежние
И сладострастно медлит нанести удар.
Хор. — Продолжи речь, поведай о возмездии.

Вестник. — Пылал костер, из дров дубовых
сложенный,

Смолой потели вспыхнувшие факелы,
Оливковой питалось пламя жирностью,
Дым к небесам всплывал, как туча черная,
Треск раздавался, как от грома грозного,
Стенала пустота, как бы являя всем

- 590 Подземного присутствие Юпитера,
И печь дышала языками пламени.
О, страшный, страшный вид очам родительским!
Ложатся девы на костер невинные,
Жар нестерпимый жжет златые волосы.
Они предсмертно жаждут отчей помощи,
Но и обнять их не дано бессильному.
Тщета их упований разжигает гнев.
И вот рукою стражники насильственной

- 600 Мать за детьми влекут, объяты яростью,
И на одном костре их постигает смерть.
Хор. — С каким же лицом пленник обезмоловленный
Взирал на эту смерть жены и отпрысков?

Вестник. — Вращая шеей, он лицом нахмуренным
Являл надменность, высшую судьбы своей.

Хор. — Каков же наступил его последний миг?

Вестник. — Клинки рванулись поразить стоявшего;
Один ему вонзаet меч свой в правый бок,
И он выходит острием из левого,

- 610 Сквозь обе раны кровь соча обильную;
Другой до недр разит мечом, как молнией;
Вот с шеи голова скатилась с лепетом.
Но все еще стоит, качаясь, тулово,
Пока не растерзал народ прихлынувший
Его на части, чтобы бросить хищным псам.

Xop

Вовеки таков высокий закон
Справедливости Божьей. Праведный, верь:
Кому когда и случится взнестись
Путем злодейств до высот судьбы, —

- 620 Справедливость бдит. Вслед всем делам
Она грядет заслуженной мздой,
Ибо свыше стоит над правым судом
Строгий Судья, кроткий Судья,
Воздает за добро, воздает за зло,
И тверд устав, и незыблем чин:
Добродетель взыскиует горных услад,
И к черным безднам стремится грех.
Торопитесь, люди: учитесь блести
Вечный закон.

Contents

<i>M.L. Andreyev</i>	
Some words about Gasparovs as a translator	7
<i>Geraldus</i>	
Waltharius	19
<i>Hrotsvitha of Gandersheim</i>	
Paphnutiis	95
Ruodlieb	123
The Comedy of Three Girls	223
A Passion Play	235
<i>Albertino Mussato</i>	
Ecerinis	258

"The Double Crown": the epos and drama of Latin Middle Ages in M.L.Gasparov's translations

In this current edition we have collected those of M.L.Gasparov's translations which are united by historical, cultural and genre commonality. Together they create a broad canvas of medieval Latin poetry of a protracted chronological span (11th-13th centuries), which embraces all its principal stages (Carolingian and Ottonian Renaissances, the 12th century Renaissance, pre-humanism). The book features the Latin reception of the Germanic heroic epic (*Waltharius*), the prototype of a romance (*Ruodlieb*), medieval "ovidiana" (*The Comedy of Three Girls*), Hrotsvitha of Gandersheim's experiments with ancient Roman comedies, Albertino Mussato's versions of ancient Roman tragedies, liturgical drama in one of its most developed forms (*A Passion Play*)

**Д24 «Двойной венец»: Эпос и драма латинского Средневековья в переводах М.Л. Гаспарова / Сост. М.Л. Андреев. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
ISBN 978-5-7281-1249-5**

В настоящем издании собраны переводы М.Л. Гаспарова, объединенные историко-культурной и жанровой общностью. В совокупности они складываются в широкую картину средневековой латинской поэзии, взятую на большом временном протяжении (от IX до XIII в.) и охватывающую все основные ее этапы (каролингский и оттоновский ренессансы, ренессанс XII в., предгуманизм). Представлены латинская рецепция германского героического эпоса («Вальтарий»),protoформа рыцарского романа («Руодлиб»), средневековое «овидианство» («Комедия о трех девушках»), эксперименты Хротсвиты Гандергеймской с древнеримской комедией и Альбертино Мускато — с древнеримской трагедией, литургическая драма в одном из своих самых развитых образцов («Действо о Страстиах Господних»).

Для всех, интересующихся литературой Средних веков.

УДК 821
ББК 84(0)4

БИБЛИОТЕКА
ARBOR
MUNDI

9 785728 112495